APR 25 1934

PERIODICAL ROOM
GENERAL LIBRARY
UNIV. OF MICH.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ко 61

ТОМ ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Письма О. Бисмарка А. М. Горчакову.— Ставка и Московский комитет общественной безопасности в 1917 г.— Уфимское совещание и Временное сибирское правительство.— Дневник Л. Тихомирова.— Из переписки царских сановников накануне войны и революции.— Царское правительство о проблеме проливов в 1898—1911 гг.

ЦЕНТРАРХИВ
1933

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Письма О. Бисмарка А. М. Горчакову. С предисловием *А. Ерусалимского* 3

Ставка и Московский комитет общественной безопасности в 1917 г. С предисловием *Э. Рожена* 26

Уфимское совещание и Временное сибирское правительство. С предисловием *С. Пионтковского* 58

Из дневника Л. Тихомирова. С предисловием *Вл. Максакова* 82

Из записной книжки архивиста

Из переписки царских сановников накануне войны и революции. С предисловием *Д. Заславского* 129

Царское правительство о проблеме проливов в 1898—191. гг. С предисловием *В. Хвостова* 135

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ШЕСТОЙ
(ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ)

1933

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1933

Письма О. Бисмарка А. М. Горчакову

Культ Бисмарка, который установлен буржуазией послевоенной Германии, создал условия для многочисленных и больших изданий документов, для появления огромной литературы о самых различных сторонах жизни и деятельности первого германского канцлера. Досужему читателю предоставлена даже возможность узнать и усвоить в качестве урока жизненной мудрости, что говорил Бисмарк по любому вопросу, по любому поводу и даже без всякого повода «Was sagt Bismarck dazu?». И все же, несмотря на эту огромную документацию, — а можно сказать, и имея в виду эту документацию, — публикуемые ниже восемнадцать писем Бисмарка к русскому канцлеру Горчакову представляют известный историко-политический интерес, хотя содержание некоторых из этих писем, подлинники которых хранятся в Архиве внешней политики, уже известно по сохранившимся черновикам. При всей своей разрозненности, эти письма в своей совокупности как бы пунктиром, прерывисто, но достаточно отчетливо, восстанавливают одну из сложных линий международно-политической жизни шестидесятых и первой половины семидесятых годов — линию русско-прусских, а позднее русско-германских отношений. Но прежде всего даже самая небольшая записка из публикуемой коллекции восстанавливает несложный, но крепко слаженный и довольно определенный образ самого автора, человека, который, совершив «революцию сверху», в течение почти трех десятилетий находился у политического руля Пруссии — Германии, являясь одним из столпов европейской реакции. Литературная форма этих писем Бисмарка, их вкрадчивый и льстивый тон, за которым теперь совсем нетрудно разглядеть личную неприязнь к адресату, столь повелительно скрывавшуюся трезвым политическим расчетом, даже отдельные, порой интимные детали, открывающие характер личных взаимоотношений, ограниченных дворянских вкусов и представлений, наконец, довольно грубоватая политическая манера,— все это вместе с нескрываемым цинизмом в отношении слабого, побежденного или обреченного на неудачу и вместе с чисто практическим умом является выражением той основной черты Бисмарка, которую чрезвычайно удачно подметил еще Энгельс: «Все правящие классы Германии— и юнкерство и буржуазия, — писал Энгельс, — в такой степени растеряли последние крохи энергии, в «просвещенной» Германии отсутствие воли стало таким обычным явлением, что единственный человек среди них, еще обладавший волей, именно поэтому стал для них величайшим человеком». «У него [т. е. у Бисмарка] был тот же политический метод, что и у студентов-корпорантов... все новшества, введенные им в дипломатии, он позаимствовал из кодекса студенческих корпораций».

Разумеется, не только этот политический метод имел свою определенную классовую основу, но и политические задачи, подлежащие разрешению.

«Наша политика не может перестать быть монархической и антипольской»,— таков был тезис, завещанный царскому правительству еще от николаевских времен стариком Нессельроде, после тех жестоких уроков, которые получил царизм в годы Севастопольской кампании,— Бисмарк, будучи прусским посланником в

Петербурге (1859—1862), всячески укреплял и поддерживал этот тезис в правящих кругах царского режима.

Жалкие «реформы», намеченные правительством Александра II к проведению в Польше, вполне соответствовали идейно-политическому убожеству «адреса», поступившего из Варшавы в Петербург. Польское движение нарастало, и обещанием ублюдочных реформ царизм предполагал остановить это движение и предотвратить его дальнейший массовый рост. Но то, на что без особых усилий и сомнений решился русский царь, этот оплот европейской реакции, вызвало такое беспокойство Пруссии, что в Петербург последовало оттуда нечто вроде дипломатической интервенции. Со всей настороженностью, свойственной человеку, преследующему цели, выходящие далее непосредственно представлявшегося повода, Бисмарк энергично предостерегал царское правительство, что «при нынешних обстоятельствах всякая либеральная уступка представляется крайне опасной королю». Заметив, что подобная интервенция как будто не осталась безрезультатной, что жупел этого несчастного «либерализма», казалось, в первый момент пошатнул позицию Горчакова в отношении ничтожных польских реформ, Бисмарк продолжал свою атаку и обухом своего реакционного влияния в Петербурге забивал клин, и без того реакционной, политики царизма в Польше. Через четыре дня после письменного предостережения Горчакову Бисмарк производит аналогичное давление на русского императора и для этого не останавливается перед маленькой дипломатической фальсификацией, подобной тем, к каким он неоднократно прибегал и в дальнейшей своей политической деятельности: свои собственные мысли он для большей их авторитетности изложил в форме выписки из несуществовавшего письма прусского министра иностранных дел Шлейница...

Мотивы, по которым действовал Бисмарк, изложены им самим с циничной откровенностью: «Я всячески сочувствую положению поляков,— писал этот прусский юнкер,— но мы не можем, если мы только хотим существовать, действовать иначе, как их искореняя; волк не виноват, что он создан богом таким, как он есть, — и тем не менее его за это убивают, когда только могут».

Бисмарк, который — как это, между прочим, показывают и приводимые ниже документы — отсиживаясь на посту посланника в Петербурге, уклонился от роли «парламентского Кавеньяка» и поджидал возможности выступить в роли прусского Бонапарта, не без политического злорадства поджидал и банкротства царского «либерализма» в Польше, связывая с этим задачи более широкого масштаба. «Надо увидеть кровь — и в скорости, — цинически заметил тогда же будущий «железный канцлер», имея в виду поляков, — иначе во всемирной истории не будет порядка». Жажда польской крови вскоре была удовлетворена при подавлении восстания 1863 года, исход которого был предопределен фактическим закреплением русско-прусского союза.

Бисмарк, успевший к этому времени взять в свои руки политический руль буржуазно-дворянской Пруссии, навязал своему русскому соседу, изрядно перепуганному польским движением, специальную конвенцию. Политический смысл этой конвенции достаточно ясно формулировал тот же Бисмарк, когда в своем личном письме Горчакову указывал, что необходимо создать такое положение, на основе которого «Россия и Пруссия так солидарно выступают против общей опасности, как будто они составляют одну страну». Эта солидарность русско-прусских реакционных интересов устанавливалась прежде всего «относительно всякого польского восстания».

Интересно отметить, что Энгельс, с которым соглашался и Маркс, пристально наблюдая за развитием событий на международной арене в связи с разразившимся польским восстанием и не зная о секретном соглашении, исключительно правильно оценил сложную политическую ситуацию и предусмотрел политическую

перспективу на многие годы вперед. «Подло, как всегда, ведут себя пруссаки,— писал Энгельс 17 февраля 1863 г.— Мосье Бисмарк знает, что ему несдобровать, если Польша и Россия будут революционизированы. Впрочем, с прусским вмешательством не будут торопиться. До тех пор, пока оно не необходимо, русские его не допустят. А когда оно станет необходимо, то Пруссия поостережется двинуться туда». «Если дело в Польше кончится плохо,—указывал далее Энгельс, — то нам предстоит, очевидно, несколько лет острой реакции, ибо тогда «православный царь» опять станет главой Священного союза».

Несомненно, именно этого и добивался Бисмарк в своем стремлении навести «порядок во всемирной истории». Завязывая русско-прусский союз на основе совместной политической борьбы против польского национального движения, он вместе с тем преследовал и более широкие политические задачи в Европе. Посылая в Петербург Альвенслебена, «как посредника столь же надежного, как и скупого на слова», Бисмарк тонко намекнул, что предлагаемая полная сплоченность русско-прусских интересов в подавлении польского восстания неизбежно и логически будет направлена «и в отношении всякой опасности из-за границы». Много лет спустя в своих «Размышлениях и воспоминаниях» Бисмарк высказался еще более определенно относительно русско-прусской «конвенции Альвенслебена» 1863 г., как имеющей не столько стратегическое, сколько дипломатическое значение. Стратегическое значение русско-прусского союза сказалось через семь лет, во время войны с Францией, политическое же ее значение Бисмарк конфиденциально раскрыл всего лишь через два месяца после ее подписания, когда с нарочитой скромностью и не без хвастовства заявил, что «конвенция 8 февраля не была совсем бесполезна, так как она разрушила горчаковский план русско-французского союза».

Так охранительные основы политики Александра II загоняли Россию в ту международно-политическую систему, которая уже раз, в 50-х годах, закончилась севастопольской катастрофой и позорным Парижским миром. Теперь в этой же системе, опираясь на свой традиционный союз с Пруссией, царизм поджидал возможности отмены наиболее постыдных статей Парижского трактата, отмены нейтрализации Черного моря. Достижение этой цели, которого царизму пришлось ждать до 1870/71 г., потребовало небывало огромного политического аванса — благожелательного нейтралитета в пользу Пруссии в течение т р е х войн — войны с Данией, с Австрией и, наконец, с Францией, завершившей дело национально-буржуазного объединения Германии руками прусских юнкеров. Проводя свою объединительную политику, Бисмарк старался разбить домогательства своих политических противников, опираясь, между прочим, на ту же царскую Россию. Предпринимая войну с Данией за «освобождение» Шлезвиг-Голштинии, Бисмарк исходил из альтернативы: «С европейской же точки зрения все зависит оттого, бросит ли Россия свою гирю на чашку весов...», или же,— тут Бисмарк подсказывает желательный выход, — «ограничится тем, что сама устранится из спора».

Политическое сближение между бисмарковской Пруссией и царской Россией зашло столь далеко, что в некоторых вопросах, особенно в деле совместной борьбы против польского национального движения, установившиеся связи немногим отличались от обычных отношений между двумя отделами одного и того же полицейского департамента. В своем стремлении рассматривать Россию и Пруссию как «одну страну» во имя своих собственных реакционных и международных политических интересов, Бисмарк с обычной грубоватой манерой крупного помещика, забывшего, где проходит пограничная черта его владений, попытался даже вмешаться во внутренние распорядки русского соседа, императора Александра II, который привык в своей огромной вотчине, именуемой Россией, чувствовать себя полновластным и безраздельным хозяином. Но попытки «ходатайствовать перед его императорским величеством за некую категорию российских подданных», т. е.

за немецких баронов в Прибалтийском крае, получили в Петербурге такой крепкий отпор, что Бисмарк почел за благо отклонить «доводы человеческого разума» и избежать того, что, как он выразился, «оскорбит русское национальное чувство». Свои собственные реакционно-национальные и классовые симпатии в отношении немецких подданных русского царя пришлось довольно быстро изъять из плоскости политических переговоров. Инцидент пришлось спешно и довольно унизительно искупать специальными, весьма вылощенными, поскольку это позволяет немецкий язык, заверениями относительно «не только чувства благодарной привязанности и почитания к личности, но и полнейшего уважения к п р а в а м вашего высокого монарха». Приведенная тут же в целях самооправдания аргументация не могла однако скрыть существа дела — покорнейшей просьбы об амнистии за политический проступок, который был допущен вследствие того, что Бисмарк слишком буквально пытался трактовать свою концепцию о реакционном союзе, превращающем Россию и Пруссию «в одну страну».

Но все эти мелочи, имеющие значение лишь в умах людей, привыкших полноправно распоряжаться в своей усадьбе, не могли, конечно, повлиять тогда, когда приходилось разрешать задачи национально-буржуазной революции контрреволюционными средствами. Предпринимая войну против Австрии, чтобы выбросить ее из Германского союза, Бисмарк спокойно опирался на ту же царскую Россию. Закончив победоносно военные операции, он мог с нескрываемым удовлетворением писать Горчакову (в ноябре 1866 г.): «С самого начала моей политической карьеры я никогда не сомневался в надежности той дружбы, которая вот уже более 100 лет связывает наши страны и их государей...» Но если русский нейтралитет был обеспечен, то нейтралитет бонапартистской Франции пришлось покупать. В виде аванса основатель германской империи готов был заплатить обещаниями об уступке Бонапарту, как компенсацию, некоторых кусков на берегу немецкого Рейна. Но, когда настал час расплаты, обещания, естественно, были забыты. Предметом домогательств Бонапарта оказался Саарский бассейн и прежде всего Люксембург,— планы, которые отнюдь не вызвали сочувствия у Бисмарка. Давление на Пруссию французская политика проводила и через Данию — в сложном вопросе о Шлезвиге, и через южные германские государства. Эти происки французского Бонапарта были как раз тем, что требовалось новоявленному Бонапарту Пруссии, вступившему на путь объединения Германии. После мира с Австрией Бисмарк искал войны с Францией, а это вызывало необходимость снова закрепить благожелательную позицию царской России. Отсюда аргументация о вынужденной войне, как о гарантии подлинного мира. «Если уступки по вопросу о Люксембурге недостаточно для того, чтобы утихомирить воинственные настроения, которые приписывают французскому народу,— писал Бисмарк Горчакову вначале августа 1867 г.,— то следует опасаться, что, продолжая итти по пути уступок, мы компрометировали бы себя, не достигнув в результате прочного мира». В заключение Бисмарк еще более четко формулировал основные политические задачи развиваемой им философии: «Мы сторонники мира,— писал он далее,— и если он под угрозой, мы готовы его защитить, но каждые три месяца покупать его то политической уступкой, то жертвуя самолюбием, значило бы слишком дорого платить за него». И Бисмарк высказывал свое убеждение, что, когда эта прусская теория об укреплении длительного мира путем маленькой войны будет воплощаться в действительность, она найдет полную поддержку и со стороны царской России.

Война все же тогда не состоялась, ибо в 1867 г. Наполеон III, который, как и Бисмарк, искал этой войны, еще не считал себя к ней подготовленным. На Лондонской конференции по вопросу о Люксембурге было заключено соглашение компромиссного характера,— и этот гнилой компромисс франко-прусских проти-

воречий выдержал еще целых три года. Но уже тогда Пруссия была уверена в благожелательной позиции своей русской союзницы, которая держала под ударом Австрию на случай возможных ее поползновений взять реванш за Садову,, на случай ее попыток выступить совместно с Францией против своей главной соперницы среди германских государств — против Пруссии.

Когда долгожданное столкновение было спровоцировано, когда франко-прусская война разразилась, наступил час расплаты по векселям: царизм воспользовался поражением Бонапарта, — этого стража Парижского трактата, и односторонним циркуляром объявил об отмене навязанной ему после севастопольского поражения позорной статьи, установившей «нейтрализацию» Черного моря. Ключ к сложившейся политической ситуации, которую русский царизм ждал почти целых полтора десятка лет, находился, конечно, в Седане,— и неудивительно, что английское правительство, которое было возбуждено самовольным русским выступлением, но практически ничего поделать не могло, запрашивало объяснений не в Петербурге, но в главной прусской квартире, у Бисмарка. В конце концов, на Лондонской конференции 1871 г. Англия вынуждена была, получив некоторые уступки формального характера, примириться с совершившимся фактом в интересах русского царизма.

Но и прусское юнкерство, возглавившее дело национального германского объединения, использовало победу над Францией в интересах завоевательной политики, при самой активной поддержке, полученной в этом деле Басмарком, со стороны всей немецкой буржуазии. «Этот средний класс,— писал тогда Маркс (слова эти и теперь сохраняют всю свою полновесность!),— который во время своей борьбы за гражданскую свободу в 1846—1870 гг. дал миру небывалое зрелище нерешительности, бездарности и трусости, был, конечно, в величайшем восхищении от того, что может теперь вступить на европейскую сцену, как рыкающий лев немецкого патриотизма».

Присоединение Эльзас-Лотарингии и поставило перед буржуазно-юнкерской Германией сложную задачу политической изоляции своего французского соперника, и, использовав животный страх буржуазии, пробужденный героической Коммуной, Бисмарк начал работать над возрождением Священного австро-русско-германского союза. «Когда буржуа видит, что посягают на его имущество, — говорил Бисмарк Горчакову,— он защищается с яростью». Так создавался контрреволюционный и одновременно антифранцузский Союз трех императоров,— и публикуемые ниже небольшие записочки Бисмарка, написанные в 1873 г., во время его пребывания в Петербурге, являются выражением не только установившейся большой личной интимности русского и германского канцлеров, но и той приторной угодливости, которую этот проповедник буржуазно-юнкерской Германии считал необходимым принести в жертву политической цели — созданию реакционной лиги восточных монархов.

Общность задач в борьбе с европейской революцией не могла однако преодолеть внутренних противоречий, прежде всего австро-русских противоречий на Балканском полуострове, разъедавших Союз трех императоров. И всего лишь через три года Александр в своем известном письме, отправленном из Ливадии, вынужден был в упор поставить вопрос о позиции Германии в войне, которую подготовляла Россия на Балканах. В своем ответе Бисмарк, как известно, ссылался на «традиции, завещанные нам историей наших обеих стран», но, по существу, скорее уклонялся от обещаний категорической поддержки. Из официального германского ответа царизм мог заключить, что при столкновении с Австрией ждать прямой поддержки от Германии — не приходится: на горизонте европейской политики замаячил австро-германский союз. При таких условиях довольно своеобразно и двусмысленно звучали заверения Бисмарка — «быть другом своих друзей — это.

на мой взгляд,— правильная политика». Двусмысленность заключалась в том, что всего лишь несколько больше года до этого момента, а именно весной 1875 г., железный канцлер мог убедиться, что попытки германской военщины развязать превентивную войну против быстро накапливавшей силы буржуазной Франции встретили решительное противодействие не только со стороны Англии, но и со стороны русского царя, который довольно милостиво отвечал на пламенные взоры, посылаемые ему из лагеря укрепившейся французской реакции.

Эта была впервые обнаруженная серьезная трещина в русско-германском союзе, и она совершенно опрокинула старую бисмарковскую концепцию о войне, как о способе поддержания европейского мира. Неудивительно, что в своих позднее написанных мемуарах Бисмарк, излагая события этого периода, не поскупился на крепкие слова и язвительные эпитеты по адресу того, кому он в течение более двадцати лет столь почтительно льстил. «В моей жизни,— писал Бисмарк Горчакову в ноябре 1872 г.,— мне приходилось завязывать много официальных отношений,— но отношения с вами, дорогой мой князь, единственные, которые мне по сердцу продолжать и после прекращения официальных сношений,— и мой отдых перед смертью, если господь даст нам его, я был бы счастлив провести с вами в качестве соседа по деревне». В свете теперь хорошо известной сильной ненависти, которую Бисмарк питал к русскому канцлеру (а последний платил ему той же монетой), это неожиданное «излияние немецкой сентиментальности» было бы правильнее расценивать, как обычную сладковатую дипломатическую ложь. Но такая деталь личного и профессионального характера в данном случае особенно интересна тем, что сам Бисмарк вскрыл классовую черту своей грубоватой лести и утонченной сановной лжи, определяя это, как «прямодушие дворянина».

Но черта реальных классовых внешнеполитических интересов буржуазно-помещичьей Германии с течением времени все более отделялась от интересов господствующих классов царской России,— и это в известной мере отразилось и на политической судьбе Бисмарка. Накануне своей отставки (в 1890 г.), столь невежливо предложенной ему молодым Вильгельмом, престарелый Бисмарк, цепляясь за свой канцлерский пост, пытался получить дипломатическую поддержку от царского правительства. Это были напрасные надежды и беспочвенные мечты: через год после отказа от возобновления русско-германского договора последовало формальное закрепление франко-русского союза. Такова оказалась судьба бисмарковской концепции о превращении России и Пруссии как бы в «одну страну» во имя реакционной совместной борьбы с польским национальным движением и с силами революции вообще. Эта концепция оказалась разбитой под ударами складывающихся империалистических противоречий. Более жизненной в эпоху империализма оказалась другая идея Бисмарка, его концепция о войне, как условии создания длительного и «справедливого» мира. Но тот, кто теперь рекомендует интерпретировать политический опыт «восточной ориентации» Бисмарка в смысле завоевательной политики на Востоке, рискует на собственном тяжелом историческом опыте убедиться, какими опасными социальными и военно-политическими последствиями чревата такая попытка вооруженным путем разрешать внутренние и внешние противоречия капитализма в эпоху его всеобщего кризиса, в эпоху пролетарской революции. Условия ныне совершенно иные, и пигмеи, одержимые идеей миссии своей навести «порядок во всемирной истории», должны учесть, что подобная задача исторически оказалась не по плечу даже тому человеку, культ которого они поддерживают и иллюзорному величию которого они поклоняются.

А. Ерусалимский.

1 [1])

Петербург. 3 сентября /22 августа 1860 г.

Светлейший князь!

Мною получены, наконец, от Главного управления королевских музеев сочинения Фридриха Великого, отправка коих сюда должна была, согласно устно переданного мне приказания его королевского величества, последовать тотчас после моего отъезда, дабы служить высочайшим подтверждением тех отношений к вашей светлости, искренним и всегда готовым поборником которых я, как вам известно, являюсь уже многие годы.

По недоразумению—еще несколько недель тому назад — я предполагал, что в полученном мною ящике с добавлениями к экземпляру его императорского величества имеется экземпляр, предназначенный для вашей светлости. Теперь я имею честь передать таковой вам с выражением неизменного почтения.

Преданный вашей светлости
фон-Бисмарк.

2 [2])

[1861 г.] Четверг.

Его королевское величество, узнав, не знаю, из какого источника, что один из великих князей по распоряжению его величества государя императора отправляется в Варшаву, телеграфно приказал представить его величеству и вам, князь, что при нынешних обстоятельствах всякая либеральная уступка представляется крайне опасною королю, который весьма желал бы знать, какого рода будет поручение, доверенное одному из их императорских высочеств великих князей.

Не мог ли бы я повидаться с вами сегодня вечером или завтра утром? Я всецело в вашем распоряжении во всякое время дня или ночи.

Тысяча заверений в почтении!
фон-Бисмарк.

3 [3])

Берлин. 10 июля 1861 г.

Согласно обещания сообщаю вам, мой сиятельный друг, в нескольких словах о своем житье. В то время, как я при полном штиле ехал с востока по Балтийскому морю, западный ветер раздул здесь паруса из кринолина и придал государственной мантии столь удачные складки, что ими прикрыты самые скверные прорехи. Присяга заменена была коронованием, и этот счастливый выход из положения удовлетворил все стороны, каждый остается чем был, и все прочие поручения и предложения отменены. Поэтому я и не очутился в том неловком положении,

[1]) Перевод с немецкого. На подлиннике помета: «По случаю присылки сочинений Фридриха Великого».
[2]) Перевод с французского. На подлиннике помета: «23 Février [1861]».
[3]) Перевод с немецкого.

когда пришлось бы заявить, согласен ли я взять на себя министерство внутренних дел и на каких условиях я попытался бы подвизаться в роли парламентского Кавеньяка. Мое сообщение, что отставка Шлейница не имела политических оснований, оказывается правильным; он является единственным, который выходит из состава правительства, для того, чтобы принять на себя более удобное министерство королевского двора. Министром иностранных дел назначен Бернсторф, который в субботу по вызову прибыл сюда, сегодня отправляется в Карлсбад, а по своем возвращении принимает дела. Новое назначение Шлейница еще не состоялось; на словах однако оно уже обещано его величеством. Я таким образом имею надежду остаться у вас, что мне было бы прямо приятно. Я не отрицаю, что я довольно охотно занял бы пост министра иностранных дел; что об этом пока не приходится думать, я вам говорил уже в Петербурге на основании моего опыта прошлого года. Между тем наследство моего друга Шверина имеет мало соблазнительного, и я рад, что избавлен от неприятной для меня необходимости ставить моему королю, если он потребует моих услуг, условия или же даже отказать ему, — а затем, если бы принял предложение, мне пришлось бы занимать наиболее обильный шипами пост, который только может выпасть на долю пруссака.

Мое отсутствие продлится, вероятно, несколько месяцев, и вчера вечером я по этому вопросу уже договорился с Бернсторфом. С последним меня связывают очень хорошие личные отношения большей еще давности, нежели отношения со Шлейницем, и если он возьмет желательный для меня политический курс, то я буду приветствовать его как начальника, которому я желаю долгой жизни. Ему, несомненно, придется проделать обратный путь для того, чтобы, покинув до сих пор занимаемую им позицию, несколько приблизиться к позиции большинства своих коллег. Как он проделает эту эволюцию, мы навряд ли сможем увидеть раньше лета. Простите мне эти отвратительные чернила и сохраните ваше ко мне дружественное благоволение.

С искренним почтением

ваш фон-Бисмарк.

Я надеюсь увидеть сегодня Моренгейма и выразить ему мою признательность за разнообразные материалы к докладам, которые вы так любезно предоставили мне.

4 [1])

13 июля [1861 г.]

Дорогой князь!

Мне говорят, будто есть подозрение, что телеграммы, которые адресует нам Вертер, задержаны в Париже. Факт тот, что втечение 24 часов мы не получаем ничего, несмотря на повторные запросы, которые я телеграфировал нашему послу.

Не окажете ли вы нам дружескую услугу, распорядившись передать шифрованной телеграммой Окуневу, чтобы он осведомился у Вертера, телеграфировал ли он нам втечение 24 часов и что именно?

Весь ваш

фон-Бисмарк.

---

[1]) Перевод с французского. На подлиннике помета: «1861. Pétersbourg».

5 [1])

[1862 г.]

Намереваясь завтра уехать, я хотел сегодня иметь честь проститься с вами, мой высокочтимый друг и покровитель. Я страдаю однако от столь сильного lumbago, что вынужден, в конце концов, примириться с тем, что я болен, и отложить свой отъезд. Я надеюсь к понедельнику достаточно оправиться, если до тех пор спокойно буду сидеть дома. Как только я буду чувствовать себя способным к путешествию, разрешите мне попрощаться с вами лично и еще раз сердечно поблагодарить вас за всю дружескую доброту и снисходительность, с которыми связаны неизгладимые воспоминания о здешнем моем пребывании и без которых представляется мне затруднительным пост посла во всяком другом месте. Верьте, что я имею благодарную память и что в меру моих сил я и за границей докажу те чувства привязанности, какие воодушевляют меня, помимо всех политических связей, лично по отношению к его императорскому величеству и его любезнейшему министру. Итак, до свидания, до того времени, когда я оправлюсь достаточно для того, чтобы проститься с вами.

Всегда неизменно преданный вам

фон-Бисмарк.

6 [2])

Берлин. 19 ноября 1862 г.

Глубокочтимый друг!

Если бы вы могли наблюдать, какую жизнь я тут веду с 7 часов утра и до позднего вечера, вы не нашли бы ничего удивительного в том, что я не мог удовлетворить раньше свою потребность написать вам. Когда я больше ознакомлюсь с делами, когда внутриполитические вопросы примут более твердую форму, тогда и мне удастся до некоторой степени уподобиться вам в том, чтобы мудрым распределением дел полностью возмещать недостаток времени.

Меня удерживала писать вам также и робость, которую я испытывал вследствие необходимости заявить, что мы не может оставить на нынешнем месте Гольца, пользующегося расположением государя императора и вашим собственным. Среди наших государственных деятелей я не знаю никого, кроме него, кого мы могли бы послать в Париж, не говоря уже о том обстоятельстве, что сам он опасается, что, по состоянию здоровья, он не выдержит петербургского климата. При прежних оказиях вы мне высказывали личное ваше мнение, что вследствие твердых основ соглашения, существующего между обоими дворами, взаимные отношения России и Пруссии меньше зависят от личности дипломатических представителей, нежели отношения с правительствами, менее нам близкими. Поэтому, думается мне, ваше дружеское расположение ко мне не уменьшится, о чем я очень прошу, даже в том случае, если я, за неимением другого подходящего кандидата для Парижа, вынужден буду лишить вас желанного общества Гольца. Подобрать ему преемника

[1]) Перевод с немецкого. На подлиннике помета: «Pétersbourg. Le 12 [19?] Avril 1862».

[2]) Перевод с немецкого. На подлиннике помета: «12 Novembre».

дело очень трудное; я говорю с вами об этом с той прямотой, которую вы мне всегда дозволяли. Савиньи, на мой взгляд, чересчур ударился в католицизм. А это с годами усиливается. Шуленбург и Каниц оба страдают от болезней своих жен,—в сущности, жены дипломатов никогда не должны были бы быть такими жалкими; для обоих Петербург был бы при иных условиях таким повышением, что они не выдвигали бы никаких препятствующих тому обстоятельств, если бы их на самом деле не было. Рейс, кандидатуру которого я предложил в первую очередь, с той целью, чтобы он, пройдя вашу школу, стал бы первоклассным государственным деятелем, отклонен государем, как слишком молодой. Из остальных можно было бы остановиться только на кандидатурах Редерна и Перпонхера. Обоих их я знаю давно, и очень хорошо, и, если представить себе обоих одинаково гладко побритыми, то и салоны разделят мое мнение, что из них двоих Редерн лицо более значительное. Кроме того за него говорит не только старшинство по службе, но и то влияние и те интимные связи, которые он имеет при дворе благодаря своему брату. Ведь и для вас не лишено значения, сможет ли человек, которого я предоставляю вашему подавляющему влиянию, использовать воспринятые им впечатления у его величества короля или нет. «Редерн» — таков был данный мне королем по собственной инициативе ответ на мое предложение — «Рейс». Если мне удастся уговорить его величество отказаться от кандидатуры Редерна, мне представляется на заднем фоне фигура генерала фон-Бонина. Если вы его предпочитаете, то я посмотрю, что я смогу сделать в этом направлении. Вы видите, я, как всегда, играю с вами carte sur table.

У нас, в области внутренней политики, настроение начинает несколько улучшаться,— не в такой однако мере, чтобы можно было прибегнуть к роспуску палаты и надеяться на удовлетворительные новые выборы. Прежде чем дойти до этого, надо восстановить дисциплину среди чиновников. Только влиянию чиновников правительственных, судебных, налоговых, почтовых учреждений, лесничеств и проч. обязаны мы нынешними результатами. Наше право увольнения чиновников ограничено, но в законных своих пределах оно должно применяться беспощадно, или же я ухожу в отставку, и вопрос о преемнике Гольца разрешается тем, что я сам выставляю свою кандидатуру на этот пост. Когда я здесь вступил в должность, я еще имел надежду на соглашение с палатой. Когда я однако познакомился ближе с этими большими детьми, из которых она состоит, с их политической наивностью и идеологической экзальтированностью, мне стало совершенно ясно, что эти доктринеры и болтуны (Katrhederschwätzer) не могут управлять Пруссией, если бы мы предоставили возможность подрывать королевскую власть, мы безудержно покатились бы в бездну полнейшей анархии. По природе не в моем это вкусе играть роль Геслера; гораздо приятнее быть популярным. Но я должен был бы упрекнуть себя перед лицом моего бога и перед моей совестью в трусости и в измене моему королю и моей стране, если бы я не ударил по этому осиному гнезду после того, как я убедился, что прусское государство в руках парламентского правительства безнадежно идет навстречу своему распадению. Смогу ли я этому воспрепятствовать, знает один лишь бог, но — «авось», как говорите

вы в России. При всех обстоятельствах я остаюсь однако вашим благодарным и преданным другом и почитателем.

фон-Бисмарк.

Если представиться к тому подходящий случай, позвольте мне просить вас положить к ногам их величеств благоговейное выражение моей благодарной преданности.

7 [1])

Берлин. 2 февраля 1863 г.

Глубокочтимый друг!

Я не могу позволить уехать генералу фон-Альвенслебен, не дав ему с собой знака моей преданной памяти о вас. Из нашего поведения в турецких делах вы могли заключить, что впечатления, под которыми я оставил Петербург, не остыли и что наши так называемые внутренние затруднения не мешают свободе наших действий в вопросах внешнеполитических. Оппозиция в стране начинает терять свою решительность, и политический флюгер уже поворачивается по курсу правительства. С нынешними депутатами мы не пойдем на мировую, значит, мы опять распустим палату без бюджета, затем, вероятно, издадим несколько постановлений против чиновников и печати и под их влиянием доживем с божьей помощью через 12—15 месяцев до лучших выборов; однако «человек полагает, а бог располагает».

Рекомендую вам Альвенслебена, как посредника столь же надежного, как и скупого на слова. Мы очень желали бы, чтобы относительно всякого польского восстания, как и в отношении всякой опасности из-за границы оправдались прекрасные слова, сказанные в Москве императором Гольцу, что Россия и Пруссия так солидарно выступают против общей опасности, как будто они составляют одну страну.

Сейчас меня дважды вызывали ко двору, и потому я принужден кончить на этих словах. Добавлю только сердечные уверения в уважении, в котором я не мог бы вам отказать, если бы вы были моим политическим противником и которое неразрывно связывает меня с вами в благодарной памяти о той дружбе, которую вы мне всегда оказывали.

С искренней дружбой

ваш фон-Бисмарк.

8 [2])

Карлсбад. 5 июля 1864 г.

Уважаемый друг!

Вследствие курортных путешествий наших обоих всемилостливейших государей, мы очутились в том своеобразном положении, что, находясь на гораздо более близком, нежели обычно, расстоянии, мы должны потратить на нашу официальную и политическую переписку в три раза больше времени, нежели требуется между Петербургом и Берлином. Побуждая лечащего Редерна врача прописать ему другие воды, а не Киссингенские, я предполагал, что Лоен останется поблизости от

[1]) Перевод с немецкого.

[2]) Перевод с немецкого. На подлиннике помета: «Kissingen. le 25 Juin — 7 Juillet»

вас и что таким образом будет существовать орган для конфиденциальных между нами сношений; поскольку этого не случилось, я побудил барона Лоена теперь еще направиться в Киссинген; хотя в данный момент, пока в Копенгагене не одержат верх более миролюбивые взгляды, датские дела дают мало возможностей для переговоров,—все же в любой момент обстоятельства могут принять такой оборот, который вызовет потребность в скором и доверительном обмене мнений, а я придаю слишком много веса вашему совету и вашему согласию, чтобы не заботиться постоянно об установлении быстрой и легкой связи между нами. Разрешите поэтому, чтобы в соответствии с вашими первоначальными намерениями Лоен играл на то время, которое вы еще проведете в Киссингене, исключительно лишь роль телеграфной станции и, в случае надобности, почтового голубя между нами.

Вызванное оскорбительными выпадами лорда Ресселя в парламенте неудовольствие его величества короля и венского двора было, понятно, одинаково сильно; я очень рад, что успокоительные разъяснения лорда Пальмерстона пришли на помощь моим личным стараниям побудить к более легкой оценке данного случая. Наше доверие к мирным намерениям Англии было существенно укреплено направлением политики Пальмерстона и заявлениями лорда Кларендона, сведения о которых до нас дошли. Эти факты были бы еще знаменательнее, если бы можно было предположить, что английские министры действительно поверили в подлинность тех измышленных с начала до конца депеш, которые напечатала «Морнинг Пост». Я никогда не получал написанной по-французски депеши от Вертера и весь июнь месяц не писал Гольцу; да и на немецком языке ничего подобного не существует. Думается мне, что выдумка эта польского происхождения. Предъявление великим герцогом Ольденбургским своих претензий вызвало среди сторонников герцогов Августенбургских и в революционном лагере большое смущение. До тех пор, пока речь шла о претензиях короля датского и наследного принца Августенбургского, последний обладал монополией на освобождение герцогств из-под власти копенгагенцев. Перед великим герцогом же он в этом отношении не имеет никаких преимуществ, а его королевское высочество представляет собой, кроме того, гарантию для консервативных интересов, каковой наследный принц представить более не может с того момента, как он выступил в союзе с герцогом Кобургским. Для германских интересов представляется безразличным, будет ли владеть герцогствами тот или иной германский князь; с европейской же точки зрения, все зависит от того, бросит ли Россия свою гирю на чашку весов великого герцога или же ограничится тем, что сама устранится из спора. Барон Бейст едет через Париж во Франкфурт с тем, чтобы в обоих местах содействовать признанию Августенбурга; наш посланник при союзном сейме имеет указания со всей решительностью выступить против этой попытки создать fait accompli. Со стороны Австрии последует, наверное, то же. О том, что наше согласие с Веной все время не оставляет желать ничего большего, вам господин фон Коцебу, наверное, уже говорил; с тех пор, как он расстался со мной после пребывания императора Франца-Иосифа, ничего не изменилось, и встреча обоих монархов устранила последний остаток воспоминаний о прошлогодней встрече и о Франкфуртском съезде государей. Король намерен нанести ответный визит и поехать в Вену; состоится это до или после лечения в Гаштейне, будет зависеть от решения врачей; мне

хотелось бы, чтобы король отправился отсюда через Вену в Гаштейн; врач однако опасается, что это его чересчур утомит, и напоминает о несчастьи, постигшем покойного короля, когда тот сразу после Карлсбада предпринял утомительное путешествие в Вену.

Только что получил сообщение из Гамбурга о том, что принц Иоганн фон-Глюксбург, брат короля Христиана, проследовал через Любек с тем, чтобы направиться сюда к королю; я однако лишь первую часть этого известия считаю вероятной.

Отнеситесь, глубокочтимый друг, снисходительно к этой доверительной форме моего письма, которое я пишу вам в условиях — физически очень неблагоприятных. Меня зовут к королю, и я должен кончать: но если бы даже я и использовал остающиеся пустыми три страницы для выражения чувств, которые связывают меня лично с вами, я все же не мог бы сказать ничего иного, как то, что я во всякое время с искреннейшим почитанием и с благодарной памятью о Петербурге остаюсь всем сердцем вам преданным. Если представится тому подходящий случай, не откажите в любезности положить к ногам их величеств выражения моей всепокорнейшей привязанности.

Ваш фон-Бисмарк.

9 [1])

Берлин. 27 марта 1865 г.

Глубокочтимый друг!

Не бойтесь, что под прикрытием частного письма я произведу политическое на вас покушение; письмо имеет только тот смысл, что я слишком большую придаю цену вашей дружбе и вашему мнению о моем политическом такте, чтобы таким путем не исправить недоразумения, возникшего путем официальной информации после того, как вы так запугали Рёдерна, что он не посмел бы это сделать.

Убри прочел мне письмо, согласно которому вы считаете, что я, хотя и конфиденциально, хотел вмешаться во внутренние русские дела. Эта предпосылка ошибочна, — я очень жалею, что информация Убри могла дать возможность ее возникновению, и я почел бы урок, даваемый мне вашим письмом, заслуженным, если бы факт, который вы осуждаете, имел место. Вспоминая о доверии, которым вы меня дарили в Петербурге, я сносился с Убри почти как с земляком и не сомневался, что его сообщения, подобно тем, которые я писал из Петербурга, прежде всего будут иметь своей целью доброе согласие обоих кабинетов. В этом направлении я беседовал с господином фон-Убри также и о внутренних р у с с к и х делах и, между прочим, о следующем: здешние духовные лица писали мне, призывая меня ходатайствовать перед его императорским величеством за некую категорию российских подданных; я отклонил это, как вещь невозможную с точки зрения международного права. После этого мне заявили, что меня об этом публично будут интерпеллировать в ландтаге. Я настоятельно рекомендовал этого не делать, разъяснял, что подобный шаг только повредит делу, оскорбит русское национальное чувство и с моей стороны вызовет лишь

[1]) Перевод с немецкого. На подлиннике помета рукой Александра II: «Ne sachant trop comment se justifier, il accuse Oubril d'abus de confiance! C'est plus commode, mais pas loyal!» «29 Mars».

ответ, что королевскому правительству не присвоены ни задача, ни право вмешиваться во внутренние российские дела. Духовные лица ответили мне, что доводы человеческого разума не должны решать там, где речь идет о верности богу и что, кроме того, если они будут молчать (будут «немыми собаками», как они, говоря языком библии, выразились), вопрос этот будет поднят их единоверцами из evangelical alliance в английском парламенте. Хотя я и надеялся уговорить молчать тех из них, которые являются политическими друзьями правительства, все же остается опасение, что иные среди них не так-то легко откажутся от благоприятного случая риторического выступления. Искушение к тому у моих политических противников тем сильнее, что все, что сказано было бы в ландтаге против России, было бы направлено одновременно своим острием против меня, ибо я с полным основанием считаюсь сторонником дружественных отношений с Россией.

Помешать по возможности внесению интерпелляции было в моих интересах; смогу ли я это сделать, я не знаю еще сейчас. При этом положении дел я спрашивал себя, что будет более соответствовать моим дружеским отношениям с Убри: поставить его в известность о том, что мне предстоит, или же промолчать, предоставив ему узнать об этой интерпелляции, когда она последует, лишь из прений в палате. Я считал первое более правильным и более соответствующим нашим дружеским отношениям; и хотя Убри и сейчас еще того мнения, что я был в этом прав, я убедился в обратном,—что я ошибся, и в будущем я в подобных случаях буду молчать и предоставлять свершиться тому, чего я не в состоянии изменить. Я бы и этого письма не написал, если бы мне не было важно, возражая вам, констатировать, что я ничего не сказал господину фон-Убри такого, что, хотя бы в самой отдаленной степени, было бы похоже на попытку заступничества за российских подданных. Прошу вас верить, что я столь же проникнут недопустимостью подобного шага, как и вы сами; если бы я все же попытался его сделать, то не в отношении Убри, а доверил бы его выполнение заслужившему вашу похвалу такту Редерна. Во время беседы я имел много раз случай повторить Убри, что я не предпринимаю никаких дипломатических демаршей ни официально, ни конфиденциально, что я не предлагаю ему их делать, что я рассказываю ему просто вещи, которые происходят или произойдут скоро в Пруссии, и о шагах, какие собираются в Пруссии предпринять против меня и которые я пытаюсь предотвратить, не будучи уверен в успехе. Меня в высшей степени поразило, что Убри мог сообщать об этой беседе, что вы сочли себя в праве написать то письмо, которое Убри, по вашему поручению, прочел мне. При всем благожелательном отношении лично к Убри, я не могу отрицать, что мое доверие к объективности его информации пошатнулось, что я принужден проявлять значительно бо́льшую сдержанность в моих беседах с ним. Мои отношения к вам во время моего пребывания в Петербурге, столь радостные для меня и столь полезные для взаимоотношений обоих правительств, не могут уже более служить мне примером для моих отношений к Убри.

Я повторяю снова, что я не делал никакой попытки вмешательства и что господин фон-Убри не вправе был представить мои сообщения о фактах, которые имеют место здесь и по отношению к которым я до-

казал свой дружественный образ мыслей, в таком виде, как вы их поняли.

Ваша справедливость и ваша дружба дают мне смелость надеяться, что вы соблаговолите использовать содержание этих строк, о которых я сообщаю только его величеству королю, чтобы противодействовать у его императорского величества тем впечатлениям, которые мне особенно тягостны, ибо меня воодушевляют не только чувства благодарной привязанности и почитания к личности, но и полнейшего уважения к правам вашего высокого монарха.

Насколько мне это важно, вы усмотрите из длины этого письма, которое прошу читать без нетерпенья; заканчиваю я его уверениями искреннейшей дружбы и высокого почтения.

Ваш
фон-Бисмарк.

10 [1])

Путбус. 10 ноября 1866 г.

Глубокочтимый друг!

Я использую отсутствие моей жены, оберегающей меня подобно Артусу, чтобы первым письмом, которое пишу своей отвыкшей за 6 недель от пера рукой, выразить вам горячую благодарность за ваше любезное письмо от 3/15-го. Я здесь серьезно хворал, но надеюсь, что теперь я, с божьей помощью, на длительное время покончил со своим нездоровьем. Я уже год тому назад нуждался в отдыхе, но не находил покоя ни на один день. Врачи, правда, хотят еще наложить на меня секвестр на более долгое время;, я чувствую себя однако достаточно крепким, чтобы в конце этого месяца снова отправиться в Берлин, и надеюсь с наступлением нового года снова полностью приступить к работе.

До сих пор мне разрешали читать только приятные письма, и поскольку ваше письмо, даже после боязливой цензуры моей жены, безусловно относилось к категории благодетельно действующих, я мог бы ответить на него уже раньше, если бы не испытывал потребности сделать это собственноручно, чтобы первыми же чернилами, которые я проливаю, сказать вам, как сильно меня обрадовала, помимо личного вашего участия, политическая сторона вашего письма. С самого начала моей политической карьеры я никогда не сомневался в надежности той дружбы, которая вот уже более 100 лет связывает наши страны и их государей, а со времени моего пребывания в Петербурге моя вера в эту дружбу и мое стремление способствовать ее укреплению поддержаны были чувствами личной благодарности и привязанности. Я поэтому радуюсь не только политически, но и лично, от всего сердца, той гарантии, которую дает моим желаниям и нашим общим интересам ваше «Ein Mann, ein Wort».

---

[1]) Перевод с немецкого. На подлинном помета: „6 Novb."

Моя жена благодарит вас за память, шлет вам поклон и вместе со мной просит повергнуть к стопам их императорских величеств наши почтительнейшие поздравления по случаю бракосочетания [1]).

С неизменной дружбой и почтением

Ваш фон-Бисмарк.

11 [2])

Эмс. 7 августа 1867 г.

Мой дорогой князь!

Я получил 26 июля письмо, которое вы соблаговолили послать мне 9-го; я искренно благодарю вас за него и охотно пользуюсь случаем установить с вами снова обмен взглядами, которому я придаю, как вы знаете, огромнейшее значение.

Так же, как и вы, я надеялся, когда мы расстались с вами в Париже, что уступки, сделанные Пруссией по вопросу о Люксембурге, будут иметь своим последствием обеспечение всеобщего мира хотя бы на некоторое время и возрождение общественного доверия, в чем Европа столь нуждается для своего благосостояния. С этой целью я ничем не пренебрег для того, чтобы убедить императора Наполеона и его министров в лойяльности чувств короля, моего государя. Вы помните, князь, те обещания, которыми обменялись в вашем присутствии, избегать той и другой стороне всякого выступления, которое могло бы возбудить вновь национальную подозрительность. Однако уже через некоторое время после нашего отъезда из Парижа началось давление, которое оказывалось французским правительством на южно-германские дворы, чтобы побудить их отказаться от продолжения таможенного союза. Это вмешательство в основную работу Zollverein'a должно было быть живо воспринято германским народом, так же ревниво относящимся к своей независимости, как и французский народ.

Письмо, которое вы направили по этому вопросу барону Будбергу и которое вы пожелали довести до моего сведения, свидетельствует о возвышенности и беспристрастности ваших, князь, взглядов. Мой августейший государь был весьма этим удовлетворен, и я, по личному его распоряжению, искреннейше благодарю вас за этот шаг.

Затем идет запутанный вопрос о Шлезвиге, который Франция еще усложнила, добавив к большим затруднениям, представляющим для нас выполнение ст. V Пражского договора, новое тем, что выставляет нас в глазах общества как бы действующими под комбинированным давлением Франции и Дании. Таково должно было быть естественное и легко предвидимое впечатление от последних шагов французского правительства и одновременных сообщений, сделанных им многим дворам. Из сообщений венской прессы Европа узнала о том, что французское правительство передало нам предостережение, которое должно тем более занимать общественное мнение Германии и даже немецких правительств, что в то же самое время Франция продолжает вооружаться с поспешностью, предвещающей мало хорошего, и в то самое время, как наше правительство досрочно распускает по домам более 70 000 человек.

[1]) Против этой фразы в копии этого письма помета рукой Александра II: «Nous l'en remercions sinièrement».

[2]) Перевод с французского. На подлиннике помета рукой Александра II: «C'est une fin de nous recevoir tradès adroite». «29 Juillet».

С вами, князь, я приступаю к рассмотрению вопроса о Шлезвиге со всей той искренностью, на какую дают мне право давние наши с вами отношения и то доверие, каким вы меня всегда удостаивали. Мы заключили статью V Пражского мира с твердым намерением честно выполнить ее. Это намерение с тех пор не изменялось, каковы бы ни были те трудности, которые усложняют вопрос. Нашу линию поведения легко было бы начертить, если бы дело касалось однородной национальности в этих пограничных округах. Что нас заставляет колебаться, это не мысль отказаться от датской части населения, но мысль подчинить немецкую часть датскому господству. Даже в пограничных общинах имеется постоянно от 20 до 40 процентов немцев среди «датского» населения, и главным образом это зажиточные и образованные классы, которые состоят из немцев, живущих бок-о-бок с датским большинством. Будущее этих соотечественников — вот что занимает германский народ и что обязывает правительство короля зрело взвесить свои решения, прежде чем сделать их бесповоротными. Мы ожидали, пока соберется северный парламент, для того, чтобы уяснить себе положение и для того, чтобы выяснить общественное мнение в Германии. К сожалению, декламации и преувеличенные претензии двух депутатов Шлезвиг-Голштинии и в то же самое время волнения в Шлезвиге помешали публичному обсуждению вопроса оказать на взгляды в Германии то воздействие, какого я ожидал; не достигши цели, они отдалили нас от соглашения вместо того, чтобы приблизить к нему.

Далее неожиданно возник и вызвал задержку вопрос о Люксембурге. Когда этот инцидент был исчерпан, королевское правительство поспешило сделать в Копенгагене доверительные сообщения, имевшие целью устранить затруднения на пути к выполнению ст. V. Как вам известно, князь, кончилось тем, что их не приняли во внимание и лишь в результате повторного нашего выступления копенгагенский кабинет предлагает нам вступить в конфиденциальные переговоры о гарантиях, которые для нас необходимы для обеспечения судьбы немцев в тех округах, которые будут оставлены. Мы готовы вступить в эти переговоры и будем вести их в самом примирительном духе и сделаем все уступки, которые совместимы с нашим положением в Германии. Но гарантии, которых мы требуем, для нас абсолютно необходимы и, не обладая ими, для нас будет невозможно взять на себя ту ответственность, какая может лечь на нас за судьбу немцев под датским господством. Наши опасения в этом отношении, к сожалению, слишком даже обоснованы тем обращением, какое терпели немцы в герцогствах после 1850 г. Опыт нас научил, что даже лучшие предписания датского правительства не в состоянии воспрепятствовать излишествам национальной ненависти, ибо датская конституция не предоставляет правительству достаточно власти, чтобы обуздать крайности демократии. Даже сегодня газеты не перестают сообщать о фактах, доказывающих, каким притеснениям и оскорблениям могут подвергнуться в Дании немецкие путешественники и рабочие исключительно только из-за их национальности! Какова была бы тогда, например, судьба немецких граждан общины Хадерслебен, если бы они отданы были датчанам без покровительства, после того, как они отличились среди всех герцогств Шлезвига пылом чувств, связывающих их с германским народом? Их «крики скорби» вскоре раздались бы в Германии и тем создали бы такое же возбуждение, какое в прошлом подготовило войну 1864 г.

Вот, князь, соображения, обязывающие нас действовать в этом вопросе с осмотрительностью, которая ничего не отнимает у искренности намерений короля. Давая этому вопросу созреть, мы, правда, облегчаем Франции возможность найти предлог для войны, если она в самом деле его ищет. Но в Германии, несомненно, мы вытесним до некоторой степени стремления, которые делали себе из принципа «неразделимых герцогств» мощное оружие против королевского правительства. Выполнение условий статьи V не оспаривается у нас более с той резкостью, как в прошлом году; общественное мнение приняло самый принцип, и теперь речь идет только о пределах его применения.

Впрочем, князь, как бы мирны ни были намерения, с которыми королевское правительство подойдет к переговорам с Данией, мы не сможем подчинить наше отношение мысли, что воинственные поползновения, которые приписываются Франции, имеют своим источником вопрос о Шлезвиге. Прежде всего, я склонен думать, что этот вопрос лишь мало интересует французский народ. Затруднения, которые, видимо, испытывает правительство Тюльери и которые внушают ему опасения относительно общественного мнения во Франции, имеют своим источником поражения, понесенные французской политикой по д р у г и м политическим вопросам. Система льстить национальному самолюбию французов за счет других народов путем успехов военных или дипломатических действует плохо со времени польского вопроса. Твердость политики России помешала этому развернуться и одновременно привлекла к его величеству императору Александру и к прославленному канцлеру его империи всеобщие симпатии населения России. Точно также и мы находим себе поддержку не в доброй воле Франции, но в национальном чувстве Германии.

В имеющих начаться переговорах с Данией позиция королевского правительства докажет намерение его величества в точности выполнять постановления Пражского мира и будет свидетельствовать о чувствах сердечной дружбы, которые побуждают короля считаться со взглядами его величества императора Александра, намеченными в вашем письме. Но по отношению к Франции мы не можем больше делать уступок. Если уступки по вопросу о Люксембурге недостаточно для того, чтобы утихомирить воинственные настроения, которые приписывают французскому народу, то следует опасаться, что, продолжая итти по пути уступок, мы компрометировали бы себя, не достигнув в результате прочного мира. Уступки, которые положение в Германии позволит сделать относительно Шлезвига, мы предоставим королю датскому, который пользуется полным уважением моего августейшего государя, и король сделает их с удовольствием, ибо они соответствуют пожеланиям его величества императора Александра. Но на новое вмешательство Ф р а н ц и и мы будем считать себя вынужденными ответить заявлением, несомненно менее блестящим, но продиктованным тем же чувством национального достоинства, красноречивое выражение коего во время польского вопроса вам доставило, князь, одобрение вашего государя и признательность русского народа. Мир в Европе плохо будет обеспечен, если на самом деле одна из великих держав будет руководствоваться в своей политике сознанием, что она не может поддержать у себя порядок иначе, как беспрестанно угрожая миру своих соседей.

Вот, дорогой мой князь, та точка зрения, с какой я рассматриваю современное положение этого вопроса; и я слишком хорошо знаю бла-

городное сердце его величества императора и возвышенность тех чувств, с какими вы служите вашему государю и вашей родине, чтобы не быть уверенным, что я заставляю звучать в вашей душе струну симпатии, что король, если он принужден будет признаться, что жертва Люксембурга была бесполезной для поддержания мира, не сочтет себя более обязанным покупать новыми уступками положение, которое будет следствием длительного применения режима, рассчитанного на то, чтобы лечить нездоровье одной из европейских наций, добровольно жертвуя здоровьем другой, в равной степени важной. Мы — сторонники мира, и, если он под угрозой, мы готовы его защитить, но каждые три месяца покупать его то политической уступкой, то жертвуя самолюбием значило бы слишком дорого платить за него. Я уверен, князь, что между нашими личными убеждениями по этому вопросу у нас нет ни малейших расхождений.

Примите, дорогой князь, уверения в преданности и неизменности моей дружбы.

фон-Бисмарк.

12 [1])

Берлин. 15 ноября 1867 г.

Дорогой мой князь!

Благодарю вас за любезные слова, которые вы адресовали мне, рекомендуя мне вашего сына. Даже и без этой рекомендации вы могли бы быть уверены в том, что я с удовольствием увидел бы его у нас. Я вам тем не менее благодарен за то, что вы дали мне случай сказать вам, что я восхищен возобновлением добрых моих с ним отношений и что в назначении князя Михаила я вижу лестное отличие для императорского посольства в Берлине. Надеюсь, дорогой князь, часто получать через вашего сына добрые вести от вас и что он, в свою очередь, будет вас держать в курсе искренних чувств преданности, кои я доставляю себе удовольствие вам снова выразить.

фон-Бисмарк.

13 [2])

Варцин. 20 ноября 1872 г.

Дорогой князь!

От всего сердца благодарю вас за то, что думали обо мне, когда проезжали через Берлин. Среди тех лишений, каким подвергает меня состояние моего здоровья, то, что я не мог пожать вам руку при вашем проезде, было одним из наиболее чувствительных. В моей жизни мне приходилось завязывать много официальных отношений, но отношения с вами, дорогой мой князь, единственные, которые мне по-сердцу продолжать и после прекращения официальных сношений, и мой отдых перед смертью, если господь даст нам его, я был бы счастлив провести с вами в качестве соседа по деревне. Простите мне это излияние

[1]) Перевод с французского.
[2]) Перевод с французского. На подлиннике помета: «13/25 Novembre 1872».

немецкой сентиментальности, ибо оно искренно. Вы — единственный государственный деятель в Европе, с которым я мог бы снова вспомнить о двадцати годах деловых отношений без примеси горечи. Не всегда была общность интересов, но всегда прямодушие дворянина и благожелательность. — Лишь после того, как я сам достиг положения министра, переобремененного делами, я в полной мере научился ценить всю ту доброту, всю ту снисходительность, какие вы проявили по отношению ко мне в Петербурге, а среди моих недостатков нет неблагодарности.

Здоровье мое заставляет меня все время держаться в стороне от дел, но я надеюсь, что смогу к ним вернуться, как только мои коллеги согласятся предоставить мне два месяца покоя без перерывов.

Я надеюсь, что король согласится, по моей просьбе, освободить меня от всякого участия во внутренних делах Пруссии [1]) с тем, чтобы ограничить мою работу заведыванием иностранными делами и делами Германской империи. — Внутренние дела Пруссии в первую очередь требуют от меня напряжения сил, ибо я несу там ответственность за все, что делают, не предупреждая меня, мои коллеги, причем я не имею по отношению к ним никакой другой власти кроме просьб и убеждений.

Жена моя очень тронута вашей доброй памятью и поручила мне передать от нее привет вам, и я прошу вас верить, что я постоянно и вполне искренно

Весь ваш
фон-Бисмарк.

14 [2])

[1873 г.] Воскресенье.

Я вас хотел взять сегодня приступом, вооруженной силой, и я был у ваших дверей, однако в неурочный час, по сохранившейся, несмотря на промежуток в одиннадцать лет, привычке. Соблаговолите назначить мне свидание завтра, когда я и обещаю вам стряхнуть с себя ту сонливость, которая охватила меня сегодня.

Я не хотел бы начинать моих визитов без того, чтобы вы мне не сказали: «С богом!»

Весь ваш
фон-Бисмарк.

15 [3])

[1873 г.) Воскресенье.

Я буду к вашим услугам завтра в 1 час, и, так как вы желали, чтобы это было здесь, я буду ждать вас в Комендантском подъезде.

фон-Бисмарк.

---

[1]) Набранное разрядкой в подлиннике подчеркнуто Александром II, сделавшим пометy: «Et c'est la justement ce que je déplore et ce qui selon moi ne lui fait pas honneur».

[2]) Перевод с французского. На подлиннике помета карандашом: «Le 15 Avril 1873 Pétersbourg».

[3]) Перевод с французского. На подлиннике помета: Pètersbourg, Le 15 Avril, 1873».

16[1])

[1873 г.] Понедельник.

Вот, дорогой князь, при сем документ, о котором шла речь, и примите мою благодарность за снисходительность, с какой вы отнеслись к неисправимому соне.

Весь ваш
фон-Бисмарк.

17[2])

Среда. 1873[3])

Смогу ли я застать вас, дорогой князь, вечером? Вчера вы были за столом, когда я постучался к вам, возвращаясь из дворца.

Весь ваш
фон-Бисмарк.

18[4])

Варцин. 13 ноября 1876.

Дорогой князь.

Будучи втечение шести месяцев вдали от центра дел и не имея возможности сказать, когда мое здоровье позволит мне снова окончательно взяться за отправление моих правительственных обязанностей, я рассматриваю письмо столь высокого политического интереса, которое вы соблаговолили мне направить, как личное отличие, которым вы почтили старого друга. Не видя его величества императора со времени короткой аудиенции, которую я имел в Вюрцбурге в июле месяце, я все же достаточно хорошо знаю его взгляды и чувства, чтобы иметь возможность удовлетворительным образом ответить на тот призыв к воспоминаниям о 1870 годе, какой вы делаете.

Если, в свою очередь, император Александр должен будет поддержать достоинство и интересы своей страны, дружеское и лояльное содействие императора Вильгельма не обманет его ожиданий.

Традиции, завещанные нам историей наших обеих стран и дружба, связывающая наших государей на протяжении более чем двух поколений, исключают всякое сомнение относительно нашего поведения при кризисе, на возможность которого вы указываете и в предвидении которого мой августейший государь, исполненный желания, чтобы Европа была в состоянии избежать его, никогда не имел иной мысли, как воздать своему августейшему другу и близкому родственнику взаимностью за благожелательный образ действий и дружескую позицию России в 1870 году.

Бесполезно напоминать нам по этому поводу о тех обязательствах, какие, возможно, наложит на нас наше звание европейцев; они не стоят тех, какие мы имеем по отношению к императору Александру. Вте-

[1]) Перевод с французского. На подлиннике помета: «Pétersbourg, 24 Avril 1873».
[2]) Перевод с французского. На подлиннике помета: «Pétersbourg».
[3]) «1873» приписано карандашом.
[4]) Перевод с французского. На подлиннике помета: «6/18 Novembre».

чение веков Европа не дала себе труда оказать нам какую бы то ни было услугу; в 1870 г., при наличии несправедливейшей войны, которая была нам объявлена в центре этой самой Европы, ее голоса не было слышно.

Быть другом своих друзей, это на мой взгляд — правильная политика, а я принадлежу к числу наиболее старых и постоянных ваших друзей, оставаясь им даже и в те редкие моменты, когда я не был уверен во взаимности.

Как в прошлом, так и впредь, я думаю, что правильно буду служить своей стране, рекомендуя своему государю сохранение и развитие традиций верной дружбы и добрососедских отношений, которые втечение века связывали нас с Россией, которые были полезны для обеих стран и которые, с нашей стороны, не могут быть нарушены каким бы то ни было вопросом, лежащим вне непосредственных и жизненных интересов Германии.

Весь ваш

фон-Бисмарк.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Альвенслебен — генерал-адъютант прусского короля. В 1863 г. приезжал в Петербург заключать с росс. правительством конвенцию, направленную против Польши.

Бейст, бар. — министр президент и министр ин. дел Саксонии. После австро-прусской войны 1866 г. Бейст перешел на австрийскую службу в качестве м-ра ин. дел.

Бернсторф — прусский посланник в Лондоне. В июле 1861 г. после ухода Шлейница был м-ром ин. дел Пруссии (до октября 1862 г.) с правом получения обратно своего лондонского поста.

фон-Бонин — б. прусский военный министр (1858—1859).

бар. Будберг — росс. посланник в Берлине. В 1862 г. получил назначение в Париж.

Вертер — посланник Пруссии в Вене (с 1859 г.)

Гесслер — дейст. лицо трагедии Шиллера «Вильгельм Телль».

Гольц — посланник Пруссии в Петербурге (1862—1863); 17/5 января 1863 г. получил назначение в Париж.

Кавеньяк — французский генерал и государственный деятель. Был избран в 1848 г. в Национальное собрание, получил портфель военного министра. В июне 1848 г. подавил восстание парижского пролетариата.

Каниц (Юлий) — чрезвычайный посланник и полномочный министр Пруссии в Дармштадте.

Каниц (Карл) — прусский посланник в Риме.

Коцебу — атташе росс. миссии во Франкфурте.

Лоен — флигель-адъютант Вильгельма I, прусс. военн. атташе в Петербурге.

Моренгейм — советник российской миссии в Берлине.

Окунев — 1-й секретарь российской миссии в Риме. В 1863 г. назначен 1-м секретарем в Париже.

Пальмерстон — премьер министр Англии (1859—1865).

Перпонхер — прусский посланник в Неаполе. В 1860 г. во время болезни Бисмарка был поверенным в делах прусской миссии в Петербурге.

Редерн — прусский посланник в Бельгии. 11 янв. 1863/31 декабря 1862 г. назначен посланником в Петербург.

Рессель — министр иностранных дел Англии (1859—1865). После смерти Пальмерстона (1865 г.) был назначен премьером и передал министерство иностранных дел гр. Кларендону.

Рейс Генрих VII — секретарь прусской миссии в Париже.

Савиньи — в 1862 г. чрезв. посланник Пруссии в Дрездене.

Убри — росс. посланник в Берлине (с 24/12 янв. 1863 г.).

Шверин — м-р внутр. дел Пруссии (1859—1861).

Шлейниц — м-р ин. дел Пруссии (1859—1861).

Шуленбург — чрезв. посланник и полн. министр Пруссии в Штуттгарте.

Ставка и Московский комитет общественной безопасности в 1917 г.

В ночь с 25 по 26 октября 1917 г, восставшие по призыву Центрального комитета РСДРП(б), руководимого В. И. Лениным, и Петроградского комитета партии петроградские рабочие и солдаты взяли Зимний дворец, и заседавшие в нем члены Временного правительства были арестованы.

Планы контрреволюции, обезглавленной этим арестом, строились в тот момент по двум направлениям: во-первых, по линии восстановления старого Временного правительства, для чего ею было организовано неудавшееся юнкерское восстание в Петербурге в ночь с 29 на 30 октября, и во-вторых, по линии создания нового временного правительства в Москве.

Первый план был рассчитан на то, что войска Керенского и генерала Краснова, наступавшие на Петроград, подойдут к самому Петрограду к моменту юнкерского восстания. Этого не случилось. Восстание юнкеров в Петрограде было подавлено в самом его начале. Это был военный путч, на успешность которого могли рассчитывать лишь военные профессионалы, как, например, генерал Дитерихс из ставки, который 28 октября уверял помощника командующего войсками Московского военного округа меньшевика поручика Ровного, «что сегодня или завтра дело с Петроградом будет окончено».

Буржуазные и мелкобуржуазные политики это, очевидно, понимали и все свое внимание сосредоточили на втором плане — плане образования нового временного правительства с центром в Москве.

По получении в Москве известий о том, что 2-й Съезд советов, несмотря на все попытки его срыва со стороны социал-соглашательских партий и буржуазии, открылся, председатель Главного комитета Союза городов, московский городской голова, социалист-революционер В. В. Руднев обратился по телеграфу ко всем городским и земским самоуправлениям с предложением «немедленно избрать делегатов, которые по первому призыву съедутся для организации поддержки Учредительному собранию».

Одновременно в Москву приехал освобожденный из-под ареста как социалист министр продовольствия во Временном правительстве С. Н. Прокопович и совместно с организованным Московской эсеровско-кадетской городской думой Комитетом общественной безопасности приступил к организации нового временного правительства, для чего из Петрограда были вызваны все товарищи министров.

Противопоставить Съезд городских и земских самоуправлений 2-му Съезду советов, новое Временное правительство — Совету народных комиссаров, Москву — революционному Петрограду, — так расшифровываются планы российской контрреволюции, потерпевшие крушение в октябрьские дни 1917 г.

Уже в начале октября буржуазные и мелкобуржуазные партии в Москве стали готовиться к переезду правительства Керенского в Москву.

10-й съезд кадетской партии, состоявшийся в Москве, выносит постановление о необходимости полнейшего отказа от какого бы то ни было сотрудничества с социалистическими партиями.

Командование войсками Московского военного округа принимает все меры к разгрузке Москвы и округа от революционно настроенных солдат: семнадцать запасных пехотных полков к 25 октября должны быть расформированы, т. е. отправлены на фронт, остающиеся полки подлежат сокращению наполовину в порядке реорганизации их из 16-ротных в 8-ротные.

Одновременно Московский областной комитет добровольческих формирований производит усиленную вербовку офицеров и буржуазной молодежи—солдат и штатских—в ударные «революционные» батальоны.

Фабриканты и заводчики, во главе с министром торговли в правительстве Керенского Третьяковым, организуют «Всероссийский союз союзов», с основным капиталом в 50 миллионов рублей, для организации борьбы с рабочим движением. Руководителем этого «союза союзов» фабрикантов приглашен бывший царский министр Кривошеин, в его руководящий орган входят крупнейшие московские фабриканты, как, например, государственный контролер в правительстве Керенского Смирнов, Крестовников, Четвериков и др.

24 октября Московская городская дума выносит постановление о всемерной поддержке коалиционного Временного правительства и обсуждает вопрос о создании «революционного» органа по охране порядка и спокойствия, имеющего своей целью борьбу с «анархическими выступлениями безответственных элементов».

С половины октября по Москве распространяются провокационные слухи, будто бы 20 октября ожидается выступление большевиков.

24 октября командующий войсками Московского военного округа полковник Рябцев официально опровергает в печати «слухи об аресте в Петрограде высшей правительственной власти» и одновременно в приказе по округу заявляет, «что никакие погромы, никакая анархия не будут допущены. В частности в Москве они будут раздавлены верными революции и народу войсками беспощадно. Сил же на это достаточно» *).

Развернувшиеся события опровергли это самоуверенное заявление. Вооруженных сил для подавления массового восстания московских рабочих и солдат, на которые рассчитывал Рябцев, в распоряжении контрреволюции оказалось недостаточно. Московский гарнизон отказался выполнять приказы командования. В распоряжении Рябцева оказалось всего около 8 тысяч юнкеров и офицеров и буржуазная учащаяся молодежь; артиллерии же совсем не было.

И уже в первый день после избрания Московского Военно-революционного комитета московская контрреволюция обращается в ставку верховного главнокомандующего за вооруженной помощью.

Публикуемая серия документов, включающая в себя отдельные телеграммы и переговоры по прямому проводу как непосредственно Московского комитета общественной безопасности и его штаба со ставкой и со штабом западного фронта, так и распоряжения ставки и штабов отдельных фронтов, и информацию фронтового командования о ходе выполнения этих распоряжений, дает нам развернутую картину создавшейся в дни Октябрьского восстания политической обстановки.

Советы старых царских генералов, как вести беспощадную уличную борьбу с восставшими рабочими и солдатами, их поучения о том, что «эти мерзавцы

*) Телефонограмма, переданная в Алексеевское военное училище ЦАОР, фонд МВРК, папка I, лист 11, а также ВИА, дело штаба Моск. воен. округа, связка 14, приказ № 1482).

[восставшие рабочие и солдаты] должны быть уничтожены, никаких договоров с ними не может быть» (док. № 10), были беспрекословно приняты к исполнению связавшими свои судьбы с российской контрреволюцией московскими социал-соглашателями.

Они «с мятежниками расправляются беспощадным образом» (док. № 10); они, подписав в 7 часов 30 минут вечера соглашение о перемирии, в тот же день в 11 часов вечера отправляют отряд с заданием прорваться к Брянскому вокзалу, встретить там прибывающих с фронта ударников и расчистить им путь к центру города *).

Если бы все распоряжения ставки верховного главнокомандующего могли быть фронтами выполнены, в Москву для расправы с восставшими рабочими и солдатами прибыло бы два кавалерийских гвардейских полка с артиллерией, казачья батарея с сотней казаков, три эскадрона драгун, две сотни казаков, девять ударных пехотных баталионов, броневики, а всего около 10 тысяч человек, не считая вызванных с Дона начальником штаба верховного главнокомандующего генералом Духониным казаков.

Ответ же на вопрос, почему эти войска не прибыли в Москву, находим в публикуемых документах.

Для того, чтобы вывести отдельные части с фронта в Москву, социал-соглашатели из армейских и фронтовых комитетов и из Московского комитета общественной безопасности пытались уверить фронтовиков в том, будто бы большевики организовали «в Москве погром», будто бы «в Москве жгут все и режут ни в чем неповинных людей пьяные банды».

Телеграфная переписка между Духониным и Калединым показательна во многих отношениях. Она показывает рост сознательности широких казачьих масс, вышедших из беспрекословного подчинения своим атаманам, полное бессилие бывшего командного состава не только армии в целом, но и казачества, на которое пыталось опереться контрреволюция, и, наконец, отображает ту ложь и клевету, к которым прибегала контрреволюция, пытаясь привлечь на свою сторону широкие солдатские и казачьи массы.

Публикуемые документы неоспоримо устанавливают следующие факты: Московский комитет общественной безопасности, объявляя 27 октября Военно-революционному комитету свой ультиматум о сдаче, ожидал прибытия с западного фронта артиллерии не позже 28 октября; заключая вечером 29 октября перемирие на 24 часа, он знал, что 30 октября к Москве, по расчетам ставки, должны подойти и кавалерийская бригада и ударные баталионы с юго-западного фронта.

Казалось бы, все рассчитано было правильно. Но расчеты не оправдались. Контрреволюция не доучла того, что против нее за власть Советов, под руководством большевиков, поднялись с невиданным энтузиазмом рабочие и солдатские массы всей России, и потому она оказалась разбитой на-голову.

В публикацию вошли основные документы из фондов Военно-исторического архива, и лишь три документа взяты из фонда Московского совета солдатских депутатов.

Приводим указания на номера дел, из которых взяты публикуемые документы: документы №№ 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 22, 27, 28 и 29— из дела № 814 ВИА.

Документы №№ 25, 26, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 38, 39, 40, 41, 42— из дела № 815 ВИА.

---

*) ЦАОР, фонд МВРК, папка I, л. 537.

Документы № 12 из дела № 2185, № 23 из дела № 2186, № 43 из дела № 154—894, №№ 4 и 16 — из фонда штаба Московского военного округа, связка 14, ВИА.

Документы №№ 1, 2 и 3 — из фонда Московского совета солдатских депутатов, 1917 г., МОАУ.

Часть публикуемых документов уже появлялась в печати. Однако, с целью дать по возможности полную картину взаимоотношений ставки и Московского комитета общественной безопасности и продвижения посылавшихся фронтом на помощь Комитету общественной безопасности войск, они включены в настоящую публикацию.

Э. Рожен.

1. Телеграмма московских городского и губернского комиссаров в ставку верховного главнокомандующего от 6 октября 1917 года [1]).

Военная. Срочная.

Два адреса: верховному главнокомандующему, начальнику штаба верховного главнокомандующего.

Московский штаб округа бессилен оказать противодействие мятежникам, которыми захвачен Кремль. Фактически командного состава нет [2]). Вокруг городской думы, верной Временному правительству, образовался Комитет общественного спасения. Воинские части, верные Временному правительству, не имеют руководства [3]). Необходима срочная помощь фронта. [№ 991]

Московский городской комиссар Григорьев [4]).
Московский губернский комиссар Эйлер.

2. Телеграмма ставки и Общеармейского комитета [1]).

С фронта. В 8 часов утра 27 октября, через информационное бюро [Московского комитета общественной безопасности] [2])

От имени армий фронта мы требуем немедленного прекращения насильственных большевистских действий, отказа от вооруженного захвата власти, безусловного подчинения действующему в полном согласии с полномочными органами демократии Временному правительству, единственно могущему довести страну до Учредительного собрания — хозяина земли русской. Действующая армия силой поддержит это требование [3]). № 7950.

Начальник штаба верховного главнокомандующего Духонин.
Помощник начальника штаба верховного главнокомандующего Вырубов.
Временно исполняющий должность верховного комиссара при ставке подполковник Ковалевский.
Председатель Армейского комитета Перекрестов*).

*) На подлиннике помета: «Передано для уездов в 8 час. 30 мин. утра 27 октября 1917 г.» [4]).

3. Телеграмма [1]).

Из ставки верховного главнокомандующего. Принята 27 октября 1917 года.

Москва. Городскому комиссару Григорьеву. Губернскому комиссару Эйлеру.

На № 991. Совместно с армейскими комитетами [2]) принимаю меры помощи Москве и освобождения ее от мятежников. № 7951.

Начальник штаба верховного главнокомандующего Духонин.

4. Телеграмма.

Из 103 полевой конторы.

Срочно. Москва. Городскому голове Рудневу [1]).

На помощь против большевиков в Москву двигается кавалерия [2]). Испрашиваю разрешения ставки выслать артиллерию. В районе фронта положение создалось тоже тяжелое, но армия, стоя на страже революции и родины, поборола большевистское выступление и шлет привет сердцу России, будучи уверена, что в настоящий грозный момент Москва, как собирательница России, соединит всех верных сынов ее и спасет родину. От единой армии фронта шлю сердечную благодарность за приветствие и пожелание полного успеха в борьбе с врагами революции.

Главнокомандующий западным фронтом генерал Балуев.

5. Телеграмма.

Москва. Командующему войсками.

Копия: Городскому голове [1]).

Для подавления большевистского движения ставкой посылается в ваше распоряжение гвардейская бригада с артиллерией с юго-западного фронта, — начнет прибывать в Москву 30 октября, — и с западного фронта — артиллерия с прикрытием [2]). Необходимо, чтобы части до прибытия в Москву были встречены вашими делегатами [3]). Необходимы решительные действия совокупными силами для полного подавления мятежников, поднявших смуту в сердце России.

Начальник штаба верховного главнокомандующего Духонин.

6. Телеграмма.

Начальнику штаба верховного главнокомандующего. 27 октября. 23 часа 45 мин. [1]).

Даю сведения от городского головы.

Большевики пытаются захватить власть. Заняли телеграф [2]), случайно укрепились в Кремле [3]), допускают ряд эксцессов [4]).

Вокруг думы образовался Комитет общественной безопасности из Совета солдатских депутатов, Совета крестьянских депутатов, Почтово-телеграфного союза, Железнодорожного союза, командующего [войсками округа], уездного земства [5]).

Двухдневные попытки предотвратить гражданскую войну привели только к усилению позиции большевиков и уменьшили наши шансы [6]).

Сегодня Комитет [общественной безопасности] принял решение: опираясь на вооруженную силу, попытаться сломить большевиков.

Предъявлен ультиматум в семь часов вечера.

По истечении срока начались военные действия против Кремля [7]).

Есть раненые.

Ввиду настроения в гарнизоне и в рабочих кругах, задача овладеть положением в Москве нелегкая. Не теряем мужества, но катастрофически *) требуем поддержки с фронта. Если таковая может быть оказана, прошу срочно сообщить. Самый акт посылки подкрепления ободрит государственный элемент.

Помимо задачи борьбы с большевиками перед Москвой встала необходимость организовать временное правительство. Комитет [общественной безопасности] предполагает создать немедленно технический аппарат для обслуживания продовольствия и снабжения фронта и страны, обеспечив в ближайшем же будущем возможность демократии выразить свою волю относительно характера будущего правительства путем созыва съезда общественных организаций, демократического управления и советов [8]).

Но дальнейшие планы по спасению родины зависят от успехов, от того, удастся ли подавить решительно большевизм в Москве. Затруднения нельзя преуменьшать, но сочувствие всех здоровых общественных элементов на нашей стороне.

В ставку послан делегат [9]).

Сегодня имеем известие, что помощь может быть только тридцатого [октября] [10]).

Сообщите ставке [11]) все сейчас передаваемые сведения и скажите о возможности помощи с вашей стороны. Поддержите прежде всего телеграммой.

7. Телеграмма.

Срочно. Начальнику штаба верховного главнокомандующего.

Получена 28 октября 1917 года.

Городской голова Москвы сообщает, что положение тяжелое. Большевики пытаются захватить власть, укрепившись в Кремле, допустили ряд эксцессов. Вокруг думы образовался Комитет общественной безопасности, но не надеется своими силами побороть выступление большевиков и просит дать для поддержки войск и, главное, артеллерии [1]). С фронта могу послать только артиллерию, на что прошу указания [2]).

В Минске наступает успокоение [3]).

Получил сейчас сведения о беспорядках в Ржеве [4]).

Принимаются меры.

В остальных местах фронта спокойно. № 165.

Балуев.

8. Телеграмма.

Инспектору артиллерии западного фронта и начальнику дивизии Кавказской. Копия: начальнику окружного штаба—Москва. Генерал квартирмейстеру штаба верховного главнокомандующего на № 7970;

*) Так в подлиннике.

начальнику военных сообщений западного фронта; комиссару западного фронта и фронтовый комитет [1]).

Вследствие распоряжения ставки главнокомандующий западным фронтом приказал спешно отправить в Москву в распоряжение командующего войсками находящуюся в вашем распоряжении одну батарею Сибирского казачьего артиллерийского дивизиона с прикрытием в один взвод от Кавказской кавалерийской дивизии. Батарею будет сопровождать представитель от фронтового комитета. Перевозка по соглашению с начальником военных сообщений западного фронта. 28 октября. № 11580.

Малявин.

9. Переговоры по прямому проводу с Москвой 28 октября [1]).

— У аппарата капитан Михеев.

— Здесь член комитета телеграфа Воронина.

Вот здесь полковник Сергиевский просит дать сведения, да и...

Передайте ему — можно подождать.

[*Воронина*]. — По нашим сведениям, следующие города в отношении телеграфа заняты большевиками: Вязьма, Коломна, Шуя, Казань, Царицын, Минск, Новгород, Торопец, Киев, Речица, Витебск, Ржев, Подольск Московской губ., Уфа, Самара, Брянск, Егорьевск, Рязань. Там на телеграфе контроль большевиков, но в крайнем случае можем туда передать обходным путем через надежных людей.

Александровск-на-Мурмане и Тифлис — имеем шифровки. Передать можем и за границу. Прямой провод с Гатчиной дать трудно, но передать в Гатчину Керенскому можем. Депеши давайте в Москву, дальше передадим в Гатчину [2]).

От городского головы сведения:

В Москве организовывается власть. Приехал министр Прокопович, вызываются товарищи министров в Москву [3]).

Вы просили позвонить в штаб, чтобы вам давали сведения о положении в Москве. Это все передано.

Сами же мы с телеграфа военные сведения будем давать по мере возможности, когда будем видеть военное начальство.

Послать по Москве посланного не представляется возможным. Телефон плохо действует.

Представитель городского головы присутствует все время на телеграфе. Спрашивает, посланы ли эшелоны.

Еще малость скажу: от нас, с телеграфа, то-есть с крыльца, большевики ушли сами [4]), без всяких усилий со стороны юнкеров.

10. Переговоры по прямому проводу штаба Московского военного округа с генерал-квартирмейстером штаба верховного главнокомандующего генералом Дитерихсом [28 октября 1917 г.)].

[*Москва*]... По приказанию помощника командующего войсками поручика Ровного, который очень занят и прибыть к аппарату не может, сообщаю общее положение в Москве для ориентации, о чем было ваше распоряжение. В Москве позавчера *), после известий, полученных из Петрограда, образовался Военно-революционный комитет, который издал приказ о подчинении себе и исполнении только его приказов московским гарнизоном. Совет солдатских депутатов раскололся, и большая часть не

*) Так в подлиннике; следовало бы: «в ночь на позавчера», т. е. 25 октября.

приняла участия в образовании этого комитета. В противовес ему образовался Комитет общественной безопасности, который объединил большую часть Совета солдатских депутатов, Совет крестьянских депутатов, Железнодорожный, [Почтово-]Телеграфный союз, городское самоуправление, штаб округа. Представители всех этих организаций вошли в комитет. Попытка достигнуть соглашения успехом не увенчалась [1]).

Вчера [27 октября], когда определилось соотношение сил, Комитет общественной безопасности и командующий округом, опираясь на постановление Центрального исполнительного комитета, предъявили Военно-революционному комитету ультиматум об отмене его приказов, о полном подчинении Комитету общественной безопасности и роспуске, после чего всякие сношения были прерваны.

К этому времени большевики поставили свои караулы на телеграфе центральном и заняли Кремль.

Сформированный отряд из юнкеров, казаков и добровольцев приступил к активной деятельности. Мятежным солдатам, засевшим в Кремле, на рассвете был предъявлен ультиматум о сдаче, при условии ареста всех находящихся в Кремле [2]); в противном случае они были поставлены в известность о возможности орудийного обстрела. Ультиматум был принят, и Кремль сдался [3]).

После этого солдаты снова захватили винтовки и вероломно напали на часть юнкеров [4]).

В настоящее время Кремль очищается, и все арестованы.

Телеграф занят юнкерским караулом [5]).

Мятежники потеряли почву, и восстание приняло неорганизованный характер. Есть попытки собраться около здания Совета депутатов [в генерал-]губернаторском доме. По отношению к мятежникам, засевшим там, тоже предъявлен ультиматум [6]).

Отдельные шайки в разных местах города открывают стрельбу, в целом ряде мест зарегистрированы случаи обстрелов улиц с крыш домов и верхних этажей. Чрезвычайная распыленность этих шаек крайне затрудняет борьбу.

Сейчас вокруг штаба округа идет перестрелка: отдельные лица стреляют с крыш ближайших домов, юнкера отвечают. Убитые и раненые есть с обеих сторон [7]).

Прошу сообщить, как скоро прибудет высланная помощь. Мы ожидаем послезавтра, — не будет ли раньше?

Все семнадцать [8]).

[*Дитерихс*]. — Рассчитываю, что сегодня вечером сможет начать подходить артиллерия с прикрытием, высланная из западного фронта [9]).

Позвольте вам посоветовать в уличном мятеже меньше останавливаться на ультиматумах, так как это дает время мятежникам оправляться и устраивать новые гнезда. Уличный мятеж должен подавляться быстрыми решительными действиями, не дробя своих сил по всему городу. Такой элемент, как вы имеете в юнкерах, исключительно благоприятный, не надо только утомлять их затяжкой дела ультиматумами. Дело ясное, — мерзавцы должны быть уничтожены, никаких договоров с ними не может быть. Дитерихс [10]).

[*Москва*]. — Позвольте ответить. Командующий войсками в полном согласии с Комитетом общественной безопасности, до последней минуты

хотел избежать кровопролитной гражданской войны и предотвратить события путем мирного разрешения. Когда оказалось это невозможным, приступлено к подавлению мятежа самыми решительными мерами, и с мятежниками расправляются беспощадным образом [11]). Прошу сообщить, если нужно что-либо передать.

[*Дитерихс*]. — Пожалуйста, доложите: полагаем, что сегодня или завтра дело с Петроградом будет окончено [12]). На фронтах спокойно. Работа наша идет успешно благодаря полной солидарности со всеми комиссариатами, комитетами и теми гражданами России, которым дорога родина и ее свобода, а не личные интересы. Глубоко уверен, что настоящее тревожное время послужит только на пользу объединения родины. Дитерихс.

— Все это я доложу. Считаю, что я сообщил вам все сведения для вас интересные. Если есть еще вопросы, я их жду.

— Очень вам благодарен за ориентировку и прошу втечение сегодняшнего дня еще раз вызвать меня к аппарату для той же цели. Будьте добры передать наш привет командующему войсками и скажите, что мы, насколько можем — физически, а морально — в полной мере, готовы его поддерживать и вполне понимаем всю трудную задачу, которая выпала на его долю. Дитерихс.

— Передам. В котором часу удобно сообщить вам положение в Москве?

[*Дитерихс*]. — В 22 часа.

— Слушаю-с.

[*Дитерихс*]. — До свидания.

— Всего хорошего.

11. Переговоры по прямому проводу помощника командующего войсками Московского военного округа поручика Ровного с генерал-квартирмейстером штаба верховного главнокомандующего генералом Дитерихсом [в ночь с 28 на 29 октября].

— У аппарата генерал Дитерихс.

— У аппарата помощник командующего поручик Ровный. Прошу вас сообщить, что у вас известно о положении Петрограда, так как Москва не имеет достаточных связей с Петроградом, 2) Когда выйдет помощь и из кого она состоит? 3) Каково положение фронтов?

[*Дитерихс*].— Прямой связи с Петербургом мы не имеем. От коменданта Ратчины мы знаем, что сегодня между Лигово и Петроградом шел бой. Результаты еще неизвестны. До сих пор вследствие некоторых обстоятельств связь с Керенским мы держим через Москву, почему я ждал, что услышу что-либо от вас [1]).

Помощь вам уже выслана, как я говорил, — с юго-западного фронта бригада кавалерии с батареей и с западного фронта — батарея казачья под прикрытием сотни. Когда они должны подойти к Москве, точно вам не могу сказать. Это зависит от успешности движения по железным дорогам [2]).

На фронтах спокойно, Эксцессов пока нет. Большевики притихли, но тайная работа их чувствуется. Немцы пытаются завязывать братание.

Что вы можете сказать о положении в Москве?

[*Ровный*].— После взятия Кремля движение большевиков начинает принимать дезорганизованный характер. В данный момент положение можно охарактеризовать так.

Центр главным образом в наших руках, за исключением района, прилегающего к дому генерал-губернатора.

Окраины — в руках Красной гвардии и взбунтовавшейся части солдат.

Замоскворечье — не в сфере нашего воздействия.

Стрельба большевиками ведется главным образом с крыш из пулеметов и ружей.

Большинство войск находится у себя в казармах, и только незначительная часть выходила на улицу и выходит. По сообщениям наших союзников [3]), появляются целые роты и взводы пьяных солдат, а также толпы пьяных рабочих [4]). Москва может очутиться, в силу того, что масса имеет оружие, перед пьяным погромом.

Можно сказать с уверенностью, что массы вышли уже из подчинения.

В руках большевиков в центре не находится ни одно из казенных или общественных учреждений. Вокзалы же Курский и Александровский заняты красногвардейцами.

Ввиду недостатка сил и переутомленности верных правительству войск, не представляется возможным быстрое очищение Москвы от восставших.

В данный момент получены сведения, что из района Владимирской губернии — Иваново-Вознесенского фабричного, где находится вся власть в руках большевиков, двигается батальон красногвардейцев. Приняты все меры к их задержке.

В 20 часов вечера в Комитет общественной безопасности явились руководители большевиков Ногин и Ломов, вместе с представителями партии меньшевиков (последние — в качестве нейтральных лиц), и запросили пощады, предложив следующие условия: [Военно-] революционный комитет распускается, распускается также Комитет общественной безопасности, и должен быть создан новый, коалиционный *) орган, и немедленное перемирие. Предложение не было принято. Комитету общественной безопасности с трудом удалось гарантировать безопасность явившимся большевикам [5]).

[*Дитерихс*]. — Прошу вас задавать вопросы, если таковые вы имеете.

[*Ровный*]. — Не имеете ли чего из Гатчины?

[*Дитерихс*]. — Получен приказ генерала Краснова, командующего отрядом Керенского, с призывом ко всем казачьим войскам сплотиться в борьбе с анархией и предоставить свои силы правительству. Кроме этого имеются сведения, что повстанческие войска потерпели поражение. Министры-социалисты выпущены из Петропавловской крепости **). Других сведений нет. Большие ли у вас потери? Все.

[*Ровный*]. — В войсках и населении в среднем около 30 человек убитыми и больше сотни раненых.

[*Дитерихс*]. — Благодарю вас, пока больше ничего не имею. Очень прошу завтра в 11 часов утра снова ориентировать. Пока до свидания.

[*Ровный*]. — До свидания. Привет Василию Васильевичу Вырубову.

[*Дитерихс*]. — Я имею передать вам, по приказанию главнокомандующего верховного, для вашего личного сведения, следующее его приказание, обращенное ко мне: «Приказываю вам, в случае надобности, по соглашению с начальником штаба северного фронта, устранять от фак-

*) В подлиннике: «коллективный».

**) В подлиннике: «из Петропавловска».

тического исполнения обязанностей всякого начальника без исключений, с последующим мне и начальнику штаба верховного главнокомандующего донесением» [7]).

[*Ровный*]. — Передайте эту ленту начальнику штаба верховного главнокомандующего.

12. Переговоры по прямому проводу между вр. и. д. комиссара при ставке и вр. и. д. комиссара западного фронта.

— Временно исполняющий должность комиссара при ставке верховного главнокомандующего у аппарата [1]).

— По приказанию вр. и. д. комиссара верховного главнокомандующего, у аппарата прапорщик Литке [2]).

— Что известно об отказе Приморского полка выйти из Витебска на Петроград?

— Ничего неизвестно.

— Захвачен ли узел Орша батальоном большевистских войск?

— Только что комиссар [Минского] округа Галин сообщил об этом и передал, что будет обращаться к вам за помощью [3]). Состоявшееся в Минске соглашение фронтового комитета с Советом депутатов парализовало всякое местное выступление большевиков, но точно также и всякую помощь другим. Сейчас хлопочем об оказании помощи Москве, которая усиленно об этом просит. Необходимые для Москвы силы есть, но отправить их без согласия Комитета [спасения революции] невозможно. Смоленский окружной комитет обратился сейчас к местному за помощью. Может быть, общими усилиями удастся сдвинуть его с мертвой точки, но уверенности нет.

В Минском округе Ржев, Вязьма, Рославль и Орша в руках большевиков. На фронте сильное большевистское брожение во 2-й армии. Парализует всякую работу отсутствие вестей из Петрограда,— нет ли у вас?

13. Переговоры по прямому проводу генерал-квартирмейстера штаба западного фронта Малявина с генерал-квартирмейстером штаба верховного главнокомандующего Дитерихсом.

— У аппарата генерал-квартирмейстер штаба западного фронта генерал Малявин.

— Сию минуту докладываем генерал-квартирмейстеру штаба верховного главнокомандующего.

— Там ли?

— Здесь.

[Дитерихс]. — Генерал Дитерихс у аппарата. Здравствуй, Борис Семенович. Я оч... Дело в том, что надо послать в Москву хотя бы два-три эскадрона или сотни, но из ближайшего к Москве района, дабы оказать помощь как можно скорее [1]). Можете ли сделать что-нибудь?

[Малявин]. — Здравствуй, Михаил Константинович. Мы, конечно, готовы помочь, но дело в том, что наш Комитет спасения революции препятствует отправлению в Москву войск с фронта. Так, например, назначенная к отправке в Москву батарея казачьего сибирского дивизиона не отправлена, так как этот комитет не позволил. Надо, чтобы ставка сделала категорические указания, чтобы этот комитет не препятствовал отправке войск распоряжением штаба фронта для подавления большевист-

ского движения. Комитет этот создан фронтовым комитетом. Фактически вся власть на всем фронте находится в руках этого Комитета спасения революции. Главнокомандующий и комиссар Временного правительства также подчинены этому комитету. Малявин.

[Дитерихс]. — Но ведь вы можете послать не с фронта, а из Минского округа.

[Малявин]. — Дело в том, что у нас в тылу всюду выступления большевиков и захват ими власти. Всюду требуются войска. Имеется как бы резерв в Калуге, но начальник округа требует пересылки войск из Калуги в Смоленск, в Ржев и Вязьму. Сейчас доложу главнокомандующему и о последующем сообщу [2]).

[Дитерихс]. — Доложи, что очень нужно. Очень, — повторяю второй раз. Дитерихс.

[Малявин]. — До свидания.

14. Телеграмма.

Передается для генерал-квартирмейстера штаба верховного главнокомандующего.

Необходимо спешно помочь Москве в борьбе с большевиками. Главнокомандующий западным фронтом приказал немедленно отправить в Москву три эскадрона нижегородцев. В Смоленск предположено отправить с фронта казачий полк. Крайне необходимы спешные распоряжения, чтобы три эскадрона нижегородцев возможно скорее прибыли в Москву в распоряжение командующего войсками. [?] октября. № 11602.

Генерал-квартирмейстер западного фронта Малявин.

15. Телеграмма.

Военная. Генералу Дитерихсу в ставку.

Сделано распоряжение о спешном направлении в Москву трех эскадронов нижегородских драгун, которые или находятся еще в Калуге или направляются в Смоленск. 29 октября. Малявин.

16. Телеграмма.

Москва. Командующему войсками.

Общеармейский комитет, в полном согласии с подавляющим большинством армии, принимает все меры для борьбы с восставшими. Общеармейский комитет приветствует революционные войска Москвы, своим оружием сумевшие *) подавить все попытки захватить власть [1]). Войска, во главе с Керенским, идут на Петроград, где восстановят законную власть в полном согласии с уполномоченным органом демократии Всероссийским комитетом спасения страны и революции.

Общеармейский комитет.

17. Переговоры по прямому проводу помощника командующего войсками Московского военного округа поручика Ровного со штабом ставки верховного главнокомандующего.

— Поручик Ровный.

— Дежурный офицер штабс-ротмистр Кузьминский.

[Ровный]. — Пока я вас буду информировать о положении Москвы, я попросил бы вас пригласить к аппарату генерала Дитерихса.

*) В подлиннике: «сумеющие».

[Кузьминский]. — Так он в курсе всех наших разговоров... У начальника штаба верховного главнокомандующего... Прошу давать мне.

[Ровный]. — До сих пор ниоткуда мы не получили никакой поддержки. Силы наши, состоящие только из юнкеров, казаков, количество коих вам известно, а также добровольческих дружин, постепенно тают и страшно переутомлены. С другой же стороны, силы противника увеличиваются, и он становится с каждым часом наглее.

Окраины для нас совершенно недоступны. Приходится защищать центр и от поры до времени делать нападение на окраины.

Ввиду сильной стрельбы, на улицах население не показывается, почему оказывается отрезанным от питательных своих пунктов.

Сегодня большевики заняли уже все вокзалы, а в центре градоначальство, а также почту и телеграф, которые пришлось оставить, за переутомленностью отряда, отбивавшего успешно неоднократные атаки. Отряд пришлось перевести на телефонную станцию [1]).

Алексеевское [военное] училище, где осталась рота юнкеров, мужественно защищается, хотя тяжелая артиллерия большевиков разрушила верхнюю часть здания и вызвала пожары [2]).

На многих домах на крышах установлены пулеметы большевистские, а также отдельные стрелки, расстреливающие даже отдельных проходящих юнкеров и офицеров.

Шрапнелью из Кремля стараемся очистить крыши от повстанцев [3]). Результаты более-менее успешные. Противник отвечает нам также артиллерийским огнем.

Действия его не массовые, а чисто партизанского характера.

Необходима крайняя помощь, так как положение, не имея в перспективе поддержки, не из блестящих.

Центральный исполнительный комитет железнодорожных служащих, как нейтральное лицо, предложил условия для прекращения бойни, но едва ли они будут приняты.

Я вам текстуально приведу эти условия:

1) Устанавливается перемирие на 24 часа. 2) Оружие, захваченное той и другой стороной во время схваток, возвращается обратно. 3) Солдатские массы возвращаются с оружием в свои казармы. 4) Сборные части расформировываются. 5) Боевые действия прекращаются на 24 часа с тем, чтобы за правильностью выполнения условий следил Викжель, командующий войсками и советы. 6) Вплоть до окончания соглашения штаб действует с ведома советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов [4]).

Я вам сообщаю эти условия потому, что принципиально в вопросе о составе правительства (о демократическом составе) нет разногласий ни у Комитета общественной безопасности, ни у восставших [5]).

В конце информации я прошу вас сообщить начальнику штаба, что Москва нуждается в крайне спешной поддержке. Иначе, если таковой не будет, результаты сражений для нас очень неопределенны, чтобы не сказать больше [6]).

29 октября. 21 час. 10 мин.

18. Телеграмма.

Военная. Оперативная. Новочеркасск. Наказному атаману.

Не найдете ли возможным направить на Москву для содействия

правительственным войскам в подавлении большевистского восстания отряд казаков с Дона, который, по усмирении восстания в Москве, мог бы пройти на Петроград для поддержки войск генерала Краснова? [№ 117991]. Духонин[1]).

19. Телеграмма.

Действующая армия. Начальнику штаба Минского округа вне всякой очереди.

Командующий войсками Московского военного округа просит вашего приказания отряду, находящемуся в Калуге, в распоряжении главнокомандующего западным фронтом, прибыть скорее с броневиками на помощь в Москву. Если не всему отряду, то хотя бы части[1]).

Помощник командующего войсками поручик Ровный*).

30 октября 1917 г.

20. Телеграмма.

Начальнику штаба верховного главнокомандующего в ставку. Из Новочеркасска.

На № 117991. Посылка противоречит постановлению круга, и требуется наличие чрезвычайной необходимости для оправдания в глазах казаков. По нашим сведениям, большевистское движение идет быстро к ликвидации. Благоволите осветить обстановку для сведения войскового правительства. Полагаю, что если и возможна посылка, то не иначе, как на смену наших частей, например, первой Донской дивизии, давно просящих об отводе на Дон.

Необходимо иметь ввиду возможный отказ в перевозке со стороны железных дорог[1]). № 46. Каледин.

21. Телеграмма.

Новочеркасск. Наказному атаману. Срочно. Отправлена 30 октября 1917 г. 14 час. 35 мин.

На № 46. Моя просьба была вызвана очень тяжелым положением небольшого отряда верных правительству войск. Отряду этому удалось кровопролитными боями очистить от большевиков Кремль и центр города, но подавляющая масса красногвардейцев, черни и пьяных солдат владеет всей окраиной и вокзалами города, и в уличной напряженной борьбе силы верных правительству частей тают. С фронтов направлены части и подготовляются подкрепления, но невероятные тормазы движения по железным дорогам и местные вспышки большевистских выступлений парализуют своевременность прибытия на помощь Москве наших сил. Помощь ваша необходима до крайности, иначе Москва перейдет во власть большевиков и пьяной черни. Взамен посылаемых вами при первой возможности будут возвращены на-днях части с фронта[1]).

Начальник штаба верховного главнокомандующего Духонин.

*) На подлиннике резолюция: «30 октября 1917 г. Прошу запросить штаб западного фронта, исполнено ли отданное уже приказание».

22. Телеграмма.

Начальнику штаба верховного главнокомандующего. Вырубову. Копия генерал-квартирмейстеру штаба верховного главнокомандующего. На № 8009.

По всем адресам секретно. Принята 30 октября 1917 г.

На № 226. Приходится делать так много войсковых нарядов, не исключая посылки в Петроград и Москву, что помощи в Курскую губернию дать не могу. 29 октября. № 266170. Володченко[1]).

23. Переговоры по прямому проводу помощника командующего войсками Московского военного округа полковника Кравчука из Смоленска со штабом ставки верховного главнокомандующего[1]).

— Там ли комиссар и помощник командующего войсками Московского округа?

[Смоленск]. — Да, здесь. Помощник командующего войсками у аппарата.

[Кравчук]. — Для сообщения Московскому комитету спасения [революции] командующему войсками необходимо знать следующее: в каком месте находится кавалерийская бригада с конной батареей и Сибирская казачья батарея, которую мы сегодня ожидали в Москве? Когда предполагается ликвидировать Оршу?

[Ставка]. — Пока, до разговора с начальником штаба, дополнительно сообщаю: из Калуги двинуты три эскадрона нижегородцев. Керенский пока не в Петрограде. Есть сообщения о движении красногвардейцев к нему навстречу. Его главная сила — казачьи полки. В Гомеле тревожное положение, но через него должны проходить отряды кавалерии, которые примут надлежащие меры. Вообще положение на узлах такое же, как в Орше.

[Кравчук]. — Поддержка Москве требуется спешно. Настроение правительственных войск чрезвычайно твердо. Мы взяли Кремль, [кремлевский] арсенал в Москве, занимаем Александровское [военное] училище, район штаба округа, храм Христа спасителя, на один квартал впереди Арбатской площади до половины Никитской улицы, манеж перед Кремлем и городскую думу. Вчера [29 октября] пришлось очистить дом бывшего градоначальника на Тверском бульваре *). В городе пулеметная, ружейная и артиллерийская стрельба. Ночью [на 28 октября] казакам, юнкерам и добровольцам из студентов и жителей удалось атаковать на Ходынке 1-ю запасную артиллерийскую бригаду и с боем захватить два орудия со снарядами и двадцать четыре замка.

[Ставка]. — Там ли помощник командующего войсками?

[Кравчук]. — Здесь.

[Ставка]. — Пока, не получив ответа от начальника штаба, по наведенным сведениям, сообщаю: кавалерийская бригада с конной батареей в пути, где сейчас — пока неизвестно. Для продвижения Сибирской казачьей батареи на западном фронте есть препятствия. Ликвидация Орши наступит скоро. Сейчас аппарат передаем начальнику штаба; вы будете лично говорить.

*) В подлиннике: «На Тверской».

24. Переговоры по прямому проводу помощника командующего войсками Московского военного округа полковника Кравчука из Смоленска с начальником штаба верховного главнокомандующего генералом Духониным.

[Кравчук]. — Здесь штаб Минского военного округа. У аппарата помощник командующего войсками Московского округа полковник Кравчук и член Комитета спасения революции, председатель окружного комитета подпоручик Тюлин.

[Духонин].—У аппарата начальник штаба верховного главнокомандующего. Здравствуйте. Что скажете?

[Кравчук]. — Здравствуйте. Мне удалось прорваться из Москвы, по поручению Комитета спасения и командующего войсками, навстречу кавалерийской бригаде, идущей в Москву. Но я не знал, где бригада в данный момент находится. Доложен ли вам мой разговор по аппарату, чтобы мне не повторяться?

[Духонин]. — Да, прочитал сейчас.

[Кравчук]. — Положение московского отряда тяжелое, за отсутствием достаточного количества патронов и продовольствия. Настроение твердое и устойчивое. Патронные склады и продовольственные заняты большевиками. При моем отъезде формировался отряд для нападения на склады. Мне неизвестно, удалось ли его осуществить. Если нет, долго держаться отряд не может, и, весьма возможно, придется пробиваться из Москвы.

Среди большевиков заметно разложение. Ни одна из частей в полном составе не выступает; некоторые заняли нейтральную позицию.

Наш отряд окружен и чрезвычайно утомлен бессменной, крайне утомительной работой. Потери отряда — около 100 человек.

Комитет спасения революции настоятельно просит самой спешной и энергичной поддержки.

Жду ваши распоряжения.

[Духонин]. — Все распоряжения — и самые категорические — были отданы ставкой своевременно и после этого неоднократно подтверждались и подтверждаются. В Москву назначена гвардейская кавалерийская бригада с батареей [Гродненский гусарский и Варшавский уланский полк]. Эшелоны в пути. Точно сказать, где они находятся в данную минуту, не могу, ибо прервана связь с югом, и сейчас принимаются меры к ее восстановлению [1]). Во всяком случае, когда узнаю, вам точно сообщу в штаб округа.

Кроме того назначены Сибирская казачья батарея с прикрытием и три эскадрона Нижегородского драгунского полка [2]), последние из Калуги.

По полученным донесениям, Комитет спасения революции западного фронта в Минске постановил частей этих не посылать [3]). Мною послана вновь подтверждающая телеграмма от имени главнокомандующего верховного послать немедленно эти части. Может быть, вы в свою очередь обратитесь в этот комитет по аппарату?

Кроме того мы просили румынский фронт сформировать отдельный отряд, примерно в шесть батальонов, с артиллерией, и срочно направить его в Москву. Однако до сих пор отряд этот не сформировался, встречая трения в различных местных комитетах, ныне образовавшихся на местах [4]).

Подтверждаем каждый день срочность посылки и опасность положения в Москве. Надеемся, что удастся преодолеть затруднения, но время проходит.

Кроме того просили направить отряд казаков с Дона и сейчас вновь подтверждаем эту просьбу, так как и на Дону встретились трения для исполнения нашей просьбы [5]).

Вот все, что я могу сказать. Сейчас предлагаю говорить с Минском.

[Кравчук]. — Прошу вас, если будут новые данные о движении на Москву, сообщить мне прямым проводом, — мне или комиссару в штаб Минского военного округа в Смоленск, а также и в Москву командующему войсками. Но это надо сделать осторожно, так как я не уверен, что телеграф в наших руках. Больше доложить ничего не имею.

[Тюлин]. — Сейчас было сообщено состояние в Смоленске. Крайне необходимо утвердить положение здесь. У нас нехватает сил. Будем просить у Минска. Подпоручик Тюлин.

[Духонин].—Да, просите, потому что ставка дала, что могла, — четыре сотни Оренбургского казачьего полка, которые находятся в Смоленске. Передайте полковнику Кравчуку, что мы все время помним о Москве и делаем и будем делать все возможное, чтобы облегчить ее положение. До свидания! Духонин.

[Кравчук]. — Всего хорошего! С вашей помощью отстоим Москву.

25. Телеграмма.

Военная. Главнокомандующему верховному.

Отправлена 31 октября 1917 г. 0 час. 35 мин.

...Сведения о наступлении успокоения в Москве неверны. Наоборот, там ведется чрезвычайно упорная борьба войск, верных правительству, с большевиками, получившими подкрепление, и наши войска настоятельно нуждаются сами в скорейшем подкреплении. К сему принимаю все меры, встречая однако на пути ряд препятствий и главным образом со стороны комитетов спасения революции на фронтах. [Комитетом спасения революции] западного [фронта], только сегодня разрешившим пропустить через фронт части, и румынским [проявляется] малая энергия, которая в этом деле привела к тому, что с этого фронта ни одна часть не отправлена еще в Москву. Между тем силы московского гарнизона начинают уже иссякать, и положение в Москве [становится] угрожающим. № 8029. Духонин [1]).

26. Телеграмма.

Только генерал-квартирмейстеру штаба верховного главнокомандующего. Главноначальнику округа Минского.

Копии: полковнику Бранту, Калуга, начальнику снабжения западного фронта. Начальнику военных сообщений штаба западного фронта. Генерал-квартирмейстеру штаба верховного главнокомандующего. Комиссару западного фронта.

Командующему войсками, Москва.

Изменение № 11602. Вследствие распоряжения ставки и тревожного положения в Калуге в Москву надлежит отправить немедленно только сотни кубанцев из Калуги. Делается распоряжение об отправлении одного казачьего полка в Смоленск [1]). 30 октября. № 1614. Малявин.

27. Телеграмма.

Весьма срочная. Военная. Командиру 17 драгунского Нижегородского полка. Копии: начальнику штаба западного фронта и начальнику военных сообщений штаба верховного главнокомандующего.

Пассажирским поездом 17 Нижегородскому полку приказываю немедленно прибыть в Гатчину [1]).

Гатчина. 31 октября 1917 года, 1 час. 10 мин. [№ 172].

Керенский.

28. Телеграмма.

Секретно. Военная. Начальнику штаба верховного главнокомандующего.

31 октября 1917 года. Вчера в 23 часа я говорил по прямому проводу с Минском. Узнал, что в Москву через Минск вчера начала проходить Финляндская дивизия [1]).

Относительно бригады гвардейской конницы сообщили по предположению, что она прошла Гомель; кроме того из Калуги направлены три эскадрона.

Не имея точных сведений, где бы я мог встретить начальников отрядов, чтобы их ориентировать в московской обстановке, прошу сообщенные мною вчера сведения передать начальникам отрядов двигающихся на Москву войск и приказать пробиться к Кремлю. Отсутствие определенной задачи может вызвать нерешительные действия подходящих войск. Необходимо мне знать район, станции, где бы я мог встретиться с командиром кавалерийской бригады [2]).

Я в Смоленске, в штабе округа. № 194.

Помощник командующего войсками Московского округа. Кравчук.

29. Телеграмма *).

Секретно. Смоленск. Штаб округа. Полковнику Кравчуку.

Четвертая гвардейская кавалерийская бригада идет через Оршу, Смоленск. Встретьте ее в последнем пункте. Финляндцы идут на Петроград. № 8051.

Дитерихс.

30. Телеграмма.

Только главнокомандующему западным фронтом. Главнокомандующему юго-западным фронтом. Копии: Москва. Командующему войсками. Начальнику военных сообщений штаба верховного главнокомандующего. Черкассы. Главному комиссару Кременчову на № 6.

Прошу о срочном направлении из Черкасс в Москву в распоряжение командующего войсками для подавления большевиков трех революционных баталионов, дважды выразивших горячее желание поддержать Временное правительство.

Ставка. 31 октября 1917 г. [№ 8036].

Духонин.

---

*) На подлиннике указан исполнитель: «Штабс-капитан Видергорн».

31. Почтотелеграмма *).

Ставка верховного главнокомандующего. 30 октября 1917 г., № 2112.

Телеграфный адрес: Ставка, Ценикревбат. Почтотелеграмма комиссару при ставке верховного главнокомандующего.

Прибывший в Центральный исполнительный комитет революционных баталионов делегат Областного московского комитета [революционных баталионов] [1]) передал просьбу Комитета охраны общественной безопасности Москвы прислать добровольческие баталионы для усиления войск, верных Временному правительству. Просим распоряжения отправить срочно эшелонами пятый, седьмой и девятый ударные революционные баталионы южного фронта, стоящие в полной боевой готовности в Черкассах, изъявившие готовность всеми мерами водворить порядок и оказать активную поддержку Временному правительству. О последующем просим известить Центральный исполнительный комитет революционных баталионов [2]).

Председатель Центрального исполнительного комитета революционных баталионов Аристов.

Председатель Центродобрармии Любн.

32. Телеграмма начальника штаба верховного главнокомандующего.

Начальнику штаба юго-западного фронта. Копии: Москва, командующему войсками. Начальнику военных сообщений штаба верховного главнокомандующего. Центральному исполнительному комитету революционных баталионов, Быховская, 3. Копии посланы на № 2112.

Ввиду того, что три революционных баталиона из Черкасс до получения приказания № 8036 уже были отправлены в Киев, прошу о назначении и перевозке в Москву взамен них других трех штурмовых или революционных, вполне надежных, баталионов. Об исполнении телеграфируйте

Ставка. 31 октября 1917 г. № 15443.

Духонин.

33. Телеграмма.

Военная. Секретно. Командующим армиями 7 и 11. Начальнику военных сообщений юго-западного фронта. Копии: генерал-квартирмейстеру штаба верховного главнокомандующего. Комиссару юго-западного фронта. Исполнительному комитету юго-западного фронта. Командующему войсками — Москва.

Главнокомандующий юго-западного фронта приказал срочно отправить по одному наиболее надежному революционному ударному бата-

*) На подлиннике помета: «1 ноября. Входящий № 1385». Далее помета вр. и. д. комиссара при ставке верховного главнокомандующего: «По приказанию главнокомандующего юго-западным фронтом направлены 31 октября на Киев [2]). 1 ноября 1917 г. Подполковник Ковалевский».

лиону из армии в Москву в распоряжение командующего войсками. О том, какие баталионы будут назначены, и о времени отправления прошу сообщить.

31 октября. № 266223.

Стогов.

34. Телеграмма.

Черкассы. Начальнику гарнизона. Начальнику военных сообщений юго-западного фронта. Копии: Москва, командующему войсками. Исполнительный комитет юго-западного фронта. Начальнику снабжения юго-западного фронта и генерал-квартирмейстеру штаба верховного главнокомандующего.

Главнокомандующий юго-западного фронта приказал срочно отправить в Москву в распоряжение командующего войсками Сибирский революционный баталион, по сообщению начальника снабжения юго-западного фронта, изготовлявшийся и выразивший горячее желание поддержать Временное правительство. О получении сего и исполнении донести.

31 октября. № 266222.

Стогов.

35. Телеграмма.

Военная. Начальнику штаба армии 10. Срочно. Секретно. Копии: комиссару западного фронта. Фронтовый комитет. Начальнику военных сообщений западного фронта. Начальнику штаба верховного главнокомандующего на № 15444. Командующему войсками — Москва.

Начальник штаба верховного главнокомандующего приказал срочно отправить в Москву в распоряжение командующего войсками полковника Рябцева штурмовой баталион 73 пехотной дивизии, который заявил о своем желании поддержать Временное правительство, и об исполнении донести. По приказанию главнокомандующего западным фронтом сообщаю на распоряжение. № 11660.

Малявин.

36. Телеграмма.

Военная. Секретно. Отправлена 31 октября 1917 г. 19 час. 10 мин. Главнокомандующему западным фронтом.

Копия: главнокомандующему верховному.

Главнокомандующий верховный приказал безотлагательно командировать для усиления его отряда на Петроград несколько броневых машин, кроме тех, которые должны быть отправлены на Москву. О времени отправления благоволите телеграфировать.

31 октября. Ставка.

Духонин.

37. Записка по телеграфу.

Военная. Генералу Дитерихсу. Ставка.

Комитет спасения революции препятствует отправлению в Москву броневиков. Необходимо категорическое приказание от имени главнокомандующего верховного.

31 октября.

Малявин.

38. Телеграмма генерал-квартирмейстера штаба верховного главнокомандующего.

Начальнику штаба западного фронта.

Копия: Москва. Командующему войсками.

614. Вследствие усиленной просьбы командующего войсками Московского округа, благоволите, кроме сотен кубанцев, выслать в Москву и броневики.

Ставка. 31 октября 1917 года. № 8038.

Дитерихс.

39. Телеграмма.

Ставка. Начальнику штаба верховного главнокомандующего. Принята 31 октября 1917 года.

Орша. 31 октября. 13 часов. Два эшелона 623 пехотного полка продолжают оставаться на станции Орша, ведут себя спокойно, но объявили, что никого не пропустят через Оршу для подавления большевиков. Таким образом на станции Орша задержано около 300 безоружных сибирских казаков, следовавших на пополнение из Минска в Смоленск. Я решил этих казаков выгрузить, вооружить заручными винтовками 2 кавказского полка и временно усилить ими кавказцев на станции Орша. После успокоения они сдадут винтовки и будут отправлены по назначению. № 1238.

Начальник 2 кубанской дивизии Николаев.

40. Телеграмма.

Могилев. Начальнику штаба верховного главнокомандующего. Срочно. Главнокомандующему западного фронта.

Положение в Орше критическое. Утром первого [ноября] станция Узловая и город будут во власти большевиков. Всем властям предъявлены ультиматумы. Драгуны не прибыли, противодействовать нечем. У них целый пехотный полк, стоящий в эшелонах на станции. Вышлите к 8 часам четыре броневика и батарею. Телеграфирую не по команде, — не стерпела душа.

Комендант города подполковник Шебалин. № 8067.

Духонин.

41. Телеграмма.

Генерал-квартирмейстеру штаба верховного главнокомандующего. Срочно. Секретно.

Минск. 31 октября. Начальником военных сообщений западного фронта получено донесение от коменданта станции Вязьма о том, что гарнизон Вязьмы не пропускает дальше эшелон казаков, идущих из Калуги через Вязьму для дальнейшего следования в Москву или Петро-

град. Начальник военных сообщений западного фронта просит оказать содействие, так как железные дороги от Вязьмы на Москву и Петроград находятся вне района западного фронта. № 1165.

Малявин.

42. Телеграмма.

Военная. Генерал-квартирмейстеру штаба верховного главнокомандующего.

Принята 1 ноября 1917 г.

[На №] 8038. Комитет спасения революции препятствует отправке броневиков в Москву. 31 октября. № 11653.

Малявин.

43. Переговоры по прямому проводу начальника гарнизона Калуги полковника Петина со штабом западного фронта 1 ноября 1917 г.

— У аппарата ротмистр Старицкий.

[Петин]. — Я, полковник Петин, прошу к аппарату генерал-квартирмейстера штаба западного фронта.

[Гоерц] — Генерал-квартирмейстер штаба западного фронта сейчас занят, к аппарату подойти не может. Вместо него у аппарата начальник оперативного отдела Гоерц.

[Петин]. — Здравствуйте. Я вам сообщаю обстановку, как она рисуется здесь, в Калуге, после прибытия делегатов из Москвы [1]: в последней весь гарнизон — на стороне большевиков. Правительственные войска составляют [военные] училища, школы прапорщиков, белая гвардия из студентов и офицерский корпус, — всего, по словам делегатов, около восьми тысяч. Большевиков гораздо больше. Делегация прибыла от [городской] думы с просьбой о помощи. По ее словам, Москва, если не подойдет помощь, может продержаться не долее пятницы [3 ноября].

В Вязьме весь гарнизон на стороне большевиков. Наши эшелоны кубанцев и драгун задержаны не доезжая тридцати верст до Вязьмы.

Полковник Брант, ссылаясь на приказание главнокомандующего западным фронтом, потребовал к себе броневики, которые сейчас заканчивают погрузку.

[Гоерц]. — На пути в Гатчину полковник Брант встретит препятствие, кроме Вязьмы, еще в Ржеве, где Комитет спасения арестован, и власть в руках революционного комитета большевиков.

[Петин]. — Не будучи осведомлен об общей обстановке, считаю лично, что направление драгунского полка с броневиками, а также с двумя сотнями в Москву было бы более рационально, как к центру важнейшего политического значения в данный момент, тем более, что подход подкреплений к Москве со стороны Калуги, по словам прибывших делегатов, наиболее удобен для соединения с правительственными войсками, занимающими Арбат и Кремль. Все вокзалы в руках большевиков, и прорваться легче всего из Брянского вокзала.

Орган [калужской] губернской власти и помощник комиссара [Временного правительства] с моим мнением совершенно согласны.

В городе Калуге тихо, но положение остается прежним и в случае падения Москвы чревато большими последствиями, как и во всех городах, окружающих Москву.

Я вступил в исполнение обязанностей начальника гарнизона [2]).

ПРИМЕЧАНИЯ

К док. № 1.

1) Московские городской и губернский комиссары отправили публикуемую телеграмму в ставку без согласования с Московским комитетом общественной безопасности, как об этом свидетельствует комиссар московской милиции А. Н. Вознесенский в своих воспоминаниях. Комитет общественной безопасности не пригласил ни городского, ни губернского комиссаров на свое заседание 26 октября, и они, явившись в городскую думу во время заседания, на нем не присутствовали, а дожидались в кулуарах его решения (А. Н. Вознесенский, «Москва в 1917 году», 1917). А. Н. Вознесенский называет московским городским комиссаром Базилева неправильно; см. примечание 4.

Ответ ставки на эту телеграмму — см. док. № 3.

2) Авторы телеграммы, очевидно, имели в виду командующего войсками Московского военного округа полковника К. И. Рябцева, из подчинения которого фактически вышли солдаты московского гарнизона. Конкретно это к моменту отправления данной телеграммы выразилось: 1) в занятии по приказу большевистского партийного центра 11 и 13 ротами 56 пехотного запасного полка центрального телеграфа и почтамта (О. М. Берзин, «Октябрьские дни в Москве», «Пролетарская революция», 1927 г., № 12, стр. 173—174), 2) в занятии солдатами самокатного батальона, по приказу партийного центра большевиков, постов охраны в здании Совета, гостинице «Дрезден», где помещался Московский комитет РСДРП(б), и в Политехническом музее, где 25 октября происходило заседание пленума московских советов, а 26, 27 и 28 октября — гарнизонные собрания ротных комитетов расквартированных в Москве воинских частей; 3) во вводе в Кремль на рассвете 26 октября роты 193 пехотного запасного полка по приказу Московского Военно-революционного комитета. Командующий войсками полковник Рябцев того же 26 октября вступил в переговоры с председателем Московского совета рабочих депутатов В. П. Ногиным, только что приехавшим из Петрограда, и представителями Московского военно-революционного комитета (стенограмма заседания Исполнительного комитета Московского совета 26 октября 1917 г.).

3) См. примечание 2. 26 или 27 октября в Москву прибыл помощник военного министра меньшевик поручик В. В. Шер, который возглавил ту группу контрреволюционного офицерства, которая была недовольна мягкой, по их мнению, линией поведения полковника Рябцева (см. запись событий, опубликованную П. Стефановским, сборник Истпрофтрана № 2, 1923 г.).

4) Московским городским комиссаром был Базилев, который еще до октябрьских дней подал в отставку по болезни. О назначении городским комиссаром Григорьева в московских газетах того времени никаких указаний не находим. Вероятно, назначение это состоялось в последние часы существования Временного правительства.

К док. № 2.

1) Публикуемая телеграмма ставки и Общеармейского комитета, заседавшего при ставке в Могилеве-губернском, была разослана «всем, всем, всем» по получении известий о событиях в Петрограде и Москве.

2) При Московском комитете общественной безопасности было организовано специальное «информационное бюро», куда поступала вся получаемая Комитетом общественной безопасности информация и откуда рассылалась информация как в московские учреждения и газеты, так и по всей России.

Это бюро организовало также и выпуск листовок и воззваний Комитета общественной безопасности. Кроме того, бюро издавало «Бюллетени Московского комитета общественной безопасности», которых вышло всего четыре номера. Два первых номера (№№ 1 и 2 от 26 и 27 октября) были отпечатаны типографским способом; бюллетень № 3 от 28 октября разыскан в архивных фондах лишь в виде черновиков: он так же, как №№ 1 и 2, был разослан в редакции всех социал-соглашательских и буржуазных газет, при чем и меньшевистская газета «Вперед» и эсеровский «Труд» всю информацию из этих бюллетеней перепечатывали полностью без ссылки на источник. Бюллетень № 4 от 31 октября был отпечатан на ротаторе. Первые номера бюллетеней печатались в типографии Московской городской управы и в типографии при Арнольдо-Третьяковском училище для глухонемых, чему Московский военно-революционный комитет воспрепятствовал, заняв эти типографии красногвардейскими отрядами.

Во главе информационного бюро Московского комитета общественной безопасности стояла тройка, в которую входили: 1) председатель Комитета, московский городской голова, правый социалист-революционер В. В. Руднев, 2) прибывший из Петрограда в Москву помощник военного министра, бывший до назначения военным министром генерала Верховского помощником командующего войсками Московского военного

округа по политической части — меньшевик, впоследствии один из участников процесса социал-интервентов, поручик В. В. Шер и 3) член Московской городской управы инженер Л. К. Рамзин. Ни одно сообщение не могло быть переданным для печати без визы одного из этих трех лиц.

3) Как видно из публикуемой ниже телеграммы ставки московскому городскому комиссару Григорьеву и губернскому комиссару Эйлеру (см. док. № 3), ставка прибегла к Общеармейскому комитету за содействием в организации отправки вооруженных сил с фронта против восставших рабочих и солдат Петрограда и Москвы. См. док. № 16.

4) В начале публикуемого документа: «В 8 ч. утра 27 октября, через информационное бюро» — не находим указания, кто являлся адресатом подлинника. Помета в конце документа нам его раскрывает: очевидно, подлинник был адресован московскому губернскому комиссару Эйлеру, который и передал эту телеграмму комиссарам всех уездов Московской губернии.

К док. № 3.

1) Публикуемая телеграмма Духонина из ставки является ответом на телеграмму московских городского и губернских комиссаров (см. док. № 1 и примечания).

2) См. док. № 2 и примечание 3 к нему.

К док. № 4.

1) Московский городской голова В. В. Руднев обращался за помощью непосредственно только в Минск к главнокомандующему западным фронтом генералу Балуеву (см. док. №№ 7, 6 и 9), который получаемую из Москвы информацию передавал в ставку. Непосредственно со ставкой сносилось командование Московским военным округом в лице помощника командующего войсками округа меньшевика, подпоручика Ровного (см. док. №№ 10, 11, 17) и второго помощника командующего войсками — подполковника Кравчука (см. док. №№ 23, 24, 28).

2) Об отправке 4 кавалерийской гвардейской бригады, в составе Гродненского гусарского и Варшавского уланского полков с артиллерией — с юго-западного фронта и Сибирской казачьей артиллерийской батареи с прикрытием — с западного фронта,— см. док. № 5, а также док. №№ 11 и 24.

К док. № 5.

1) Публикуемая телеграмма Духонина командующему войсками Московского округа полковнику К. И. Рябцеву и московскому городскому голове В. В. Рудневу в подлиннике не имеет указаний на время отправки. Очевидно, она была получена в Москве 27 октября, поскольку в информации, переданной от имени московского городского головы, полученной ставкой через штаб западного фронта в 23 ч. 45 мин. 27 октября, находим указание, что «сегодня (т. е. 27 октября) имеем известие, что помощь может быть только 30 [октября]». (См. док. № 6). См. также примеч. 1 к док. № 4.

2) См. док. №№ 11 и 24. Артиллерия с прикрытием с западного фронта при нормальных условиях отправки и передвижения по железным дорогам должна бы была прибыть в Москву на двое суток раньше гвардейской кавалерийской бригады с юго-западного фронта, т. е. 28 октября. Очевидно, получение Комитетом общественной безопасности и его штабом этой телеграммы Духонина сыграло решающую роль в предъявлении Рябцевым в 7 ч. вечера 27 октября ультиматума Московскому военно-революционному комитету о сдаче и в переходе юнкеров в тот же вечер в наступление (см. ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 586). Подробно об отправке в Москву с западного фронта одной батареи Сибирского казачьего артиллерийского дивизиона с прикрытием см. док. №№ 8 и 10, о препятствиях к ее отправке — док. №№ 12 и 13.

3) В док. № 6, полученном ставкой в 23 ч. 45 мин. 27 октября, находим указание, что «в ставку послан делегат». Помощник командующего войсками Московского военного округа полковник Кравчук, посланный штабом для встречи направляемых распоряжением ставки с фронта частей, как видно из сопоставления док. №№ 28, 24 и 23, прибыл в Смоленск, в штаб Минского военного округа, 30 октября. Как видно из док. № 31, в Могилев-губернский, где находилась ставка, в тот же день, 30 октября, прибыл делегат Московского областного комитета по формированию добровольческой армии, который выступал от имени Московского комитета общественной безопасности, добиваясь отправки войск в Москву. В док. № 43 находим указание, что Комитет общественной безопасности направил своих делегатов за вооруженной поддержкой и в Калугу. Очевидно, такие же делегаты были Комитетом общественной безопасности разосланы и в другие города Центральной промышленной области.

К док. № 6.

1) Данная телеграмма была передана в ставку штабом западного фронта, с которым в первые дни октября сносился городской голова Руднев. Лишь с 28 октября Комитет общественной безопасности, в лице помощника командующего войсками Московского военного округа меньшевика подпоручика Ровного, стал сноситься непосредственно со ставкой (см. док. №№ 10, 11 и 17). С 30 октября связь московского бело-

гвардейского штаба со ставкой поддерживает помощник командующего войсками Московского военного округа полковник Кравчук, прибывший в качестве делегата для встречи войск с фронта в Смоленск (см. док. №№ 23, 24 и 28).

2) Телеграф, почта и междугородная телефонная станция в Москве были заняты, по приказу избранного 25 октября Московским областным бюро РСДРП(б), Московским городским и Московским окружным комитетом партии партийного боевого центра, отрядом солдат 56 пехотного запасного полка в 1 ч. 30 мин. дня 25 октября (см. стенограмму выступления А. С. Ведерникова на пленуме Московских Советов 25 октября — ЦАОР, ф. 94).

3) «Случайность» сводится к тому, что расквартированные в Кремле 5 рот 56 запасного пехотного полка были большевистскими. В ночь на 26 октября, по приказу московского партийного центра и Московского военно-революционного комитета, в Кремль были назначены комиссар Кремля (Ем. Ярославский) и его комендант (прапорщик О. М. Берзин).

4) На рассвете 26 октября комиссар Кремля ввел в Кремль невооруженную роту солдат 193 пехотного запасного полка, а Военно-революционный комитет направил в кремлевский арсенал грузовики от всех районов за оружием. Комендант Кремля прапорщик Берзин приказал арсеналу выдать 1.700 винтовок. Эти винтовки частью пошли на вооружение роты 193 полка, а около 1.500 штук было погружено на три прибывших из районов грузовика. Эти грузовики остались невывезенными, так как юнкера оцепили Кремль и задержали остальные прибывающие из районов за оружием грузовики (см. рапорт генерала Кайгородова от 8 ноября — «Борьба классов», 1930 г., № 7—8, а также заявление Сущево-Марьинского районного военно-революционного комитета, — ЦАОР, ф. МВРК, т. I, л. 356).

В тот же день, 26 октября, на основании телефонограмм партийного центра и Военно-революционного комитета, районы Москвы заняли комиссариаты милиции, избрали районных комиссаров, назначили комиссаров милиции, почтово-телеграфных отделений и т. д. На улицах красногвардейские патрули отбирали оружие у офицеров и юнкеров.

5) Вопрос об образовании Комитета общественной безопасности был решен Московской городской думой в заседании 25 октября. О первом заседании этого Комитета говорит в своих воспоминаниях А. Н. Вознесенский («Москва в 1917 г.», 1927). Первое воззвание Комитета общественной безопасности датировано 26 октября без подписей Железнодорожного союза и командующего войсками, зачеркнутых в подлиннике, очевидно, с целью ввести Военно-революционный комитет в заблуждение (МОАУ, д. ССД, «Сводки с мест о захвате власти большевиками Комитета общественной безопасности»).

6) 26 и 27 октября шли переговоры между Военно-революционным комитетом и командующим войсками Рябцевым. В этих переговорах Военно-революционный комитет ставил своей целью добиться снятия оцепления Кремля юнкерами, для того, чтобы получить возможность вооружить московский пролетариат находившимся в кремлевском арсенале оружием.

Рябцев первоначально требовал вывода приведенной большевиками в Кремль роты 193 пехотного запасного полка. Военно-революционный комитет на это согласился, при условии снятия оцепления юнкеров. 27 октября утром оцепление юнкеров было снято, рота 193 пехотного запасного полка из Кремля была выведена. Но Рябцев слова не сдержал, и Кремль вновь был оцеплен юнкерами. Рябцев предъявил новое требование: вывести из Кремля 56 полк с тем, что он будет заменен юнкерами. Представители Военно-революционного комитета на это не согласились, и переговоры закончились предъявлением ультиматума Рябцевым.

Втечение этих двух дней московскими большевиками была проведена большая организационная работа в районах и в воинских частях. Комитету общественной безопасности было известно о результатах гарнизонных собраний 26 и 27 октября, выявивших настроение солдатских масс, примкнувших к Военно-революционному комитету, а также о перевыборах бригадного комитета 1 артиллерийской запасной бригады, где 27 октября был избран большевистский бригадный комитет. Создание последнего исключало для Рябцева возможность иметь в своем распоряжении артиллерию.

7) Первое нападение юнкеров произошло на Красной площади на отряд двинцев в 50 человек, вызванных Военно-революционным комитетом из лазарета «Озерковцы» из Замоскворечья (ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 22). О военных действиях против Кремля — см. воспоминания коменданта Кремля Берзина («Пролет. револ.», 1927 г. № 12).

8) В архивном фонде контр-разведки Московского военного округа находим следующий документ, относящийся к 27 октября: «Все, кроме министерства иностранных дел, представлены в данное время в Москве, завтра приедут остальные, и здесь, в Москве, будет, повидимому, объявлено временным правительством министерство продовольствия

со всем техническим аппаратом. Уже здесь налаживается технический центр, остальные приедут с минимальным техническим аппаратом».

9) См. док. № 5 и примеч. 3, а также примечание к док. № 23.

10) См. док. № 5.

11) Публикуемая телеграмма не была прямо адресована Рудневым в ставку. Сопоставляя ее с док. № 7, приходим к заключению, что первоначальным адресатом был штаб западного фронта, переотправивший ее начальнику штаба верховного главнокомандующего в ставку.

К док. № 7.

1) Передаваемая главнокомандующим западного фронта генералом Балуевым информация из Москвы является сжатым изложением полученной им информации, публикуемой выше (док. № 6) и тоже переданной в ставку.

2) Указания ставкой были даны, и от штаба западного фронта последовало распоряжение, публикуемое ниже (док. № 8).

3) В Минске 26 октября большевики вышли из фронтового исполнительного комитета западного фронта и образовали военно-революционный комитет (В. Кнорин, Мясников, Калманович, К. И. Ландер, Фрейман и др.). Оставшиеся во фронтовом комитете контрреволюционеры и соглашатели в тот же день вечером создали свой комитет спасения революции, вошедший в тесную связь с главнокомандующим западного фронта генералом Балуевым и комиссаром фронта меньшевиком Ждановым. В ночь на 27 октября в Минск прибыли вызванные Балуевым и комитетом спасения революции 2 Кавказская дивизия и ударный батальон. 27 октября город представлял собою вооруженный лагерь. По улицам разъезжали казачьи патрули, во дворах и на площадях стояла кавалерия, на площади Свободы была выставлена артиллерия и пулеметы.

Группа членов комитета спасения революции, во главе с меньшевиком-интернационалистом А. Б. Штерном, будучи принципиально «за единый социалистический фронт» и против «гражданской войны внутри демократии», начала добиваться от обоих сторон мирного соглашения.

Минский военно-революционный комитет, после долгого обсуждения этого предложения, учитывая, что в данный момент реальная сила была на стороне контрреволюции и что временное соглашение даст ему возможность получить необходимое подкрепление с фронта и лучше сорганизовать имеющиеся в городе силы, подавляющим большинством высказался за соглашение, при условии включения в него пункта, безусловно воспрещающего пропуск через Минск воинских частей на Петроград и Москву. Приводим основные пункты состоявшегося соглашения:

«1) Комитет спасения революции не признает образовавшегося в Петрограде Военно-революционного комитета и не подчиняется ему.

2) Комитет спасения революции признает, что вопрос о власти решается не в Минске и не на западном фронте, а в столицах.

3) Комитет спасения революции отказывается от посылки вооруженных частей на Петроград и Москву и не пропускает частей через Минск.

4) Комитет спасения революции признает амнистию политических арестованных, произведенную [в октябрьские дни] Минским советом, но находит необходимым их разоружить.

5) Минский совет посылает в комитет спасения революции двух представителей [Алибегова и Перно] до тех пор, пока он строго выполняет взятое на себя обязательство о непропуске войск на Петроград и Москву.

6) Комитету спасения революции временно принадлежит вся власть в районе западного фронта до сконструирования постоянной власти в центре и на местах» (В. Кнорин. «1917 год в Белоруссии и на западном фронте», стр. 45—46, и А. Киржниц, «Октябрьские дни в Белоруссии», «Пролет. революция», 1927, № 12).

Преобладавшие в комитете спасения революции активные контрреволюционеры, во главе с социалистами-революционерами Николаевым и Нестеровым и меньшевиками Колотухиным и комиссаром фронта Ждановым, расценивали это соглашение, как первый шаг по пути подавления восстания.

Комиссар западного фронта меньшевик Жданов, с целью поднять дух в контрреволюционных кругах и парализовать движение на фронте, рассылает следующую провокационную телеграмму, полученную в 10 час. 30 мин. 28 октября в Москве:

«Из 103 почтово-телеграфной конторы. № 12080/1374. 237 слов. Передана 27 октября в 19 час. 30 мин. Только Москва.

Гор. Луга. Комитету объединенных организаций. Верховному главнокомандующему Керенскому. Комиссару [при ставке] верховного главнокомандующего. Москва, городскому голове Рудневу. Комиссару северного фронта. Комиссару юго-западного фронта. Комиссару кавказского фронта, генеральному комиссару Черного моря в Севастополе.

Комиссарам 2, 3 и 10 армий. Комиссару Минского военного округа Галину. Смоленск. Армейским комитетам 2, 3 и 10 армий.

Продолжение. Положение в Минске и на западном фронте.

Вчера [26 октября] большевистский Минский Совет депутатов издал приказ о переходе к нему всей власти, арестовал штаб фронта и занял все учреждения связи, но встретил резкое и активное противодействие со стороны фронтового комитета, который совместно с комиссаром западного фронта и главнокомандующим западного фронта приступил к ликвидации большевистского выступления. Сегодня [27 октября] влияние большевиков устраняется, организована охрана в городе, все посты большевиков сняты, почта, телеграф и учреждения освобождены от их контроля. Сейчас производится разоружение арестантов, выпущенных большевиками из минских мест заключения, вооруженных винтовками, захваченными из оружейной мастерской. События протекают бескровно, так [как] не встречается противодействия, ибо авторитет руководителей большевиков не имеет веса в массах, среди которых не чувствуется никакого подъема. Фронтовый комитет предъявил ультиматум Совету депутатов подчиниться своему авторитету. В армиях войсковые комитеты работают в том же направлении, что и фронтовой [комитет]. Исключение составляет лишь один корпус, комитеты коего разошлись с общим настроением, но никаких действий, клонящихся к разрушению единства фронта, не предпринимают. Такое изолированное положение объясняется тем, что в армию проник приказ Петроградского [военно-революционного] комитета большевиков, и некоторое время не было сведений, рисующих картину восстания. Получены дополнительные сведения, что войска, вызванные объединенным Комитетом демократических организаций, находящимся в Луге, подходят к Гатчине, направляясь к Петрограду, во имя спасения республики и свободного созыва Учредительного собрания. Комиссар западного фронта Жданов». (МОАУ(ф. ССД, д. № 54, л. 120).

Это тенденциозно-извращенное сообщение комиссара Временного правительства Жданова находит свое косвенное разоблачение в той информации, которую дал штаб западного фронта (генерал Малявин) ставке о позиции, занятой вновь образовавшимся в Минске комитетом спасения революции, в состав которого вошли представители Минского Совета и фронтового комитета (см. док. №№ 12 и 13).

29 октября произошел большевистский переворот во 2-й армии западного фронта. Революционный штаб 2-й армии решил немедленно отправить в Минск на поддержку Минского совета бронированный поезд, броневики и два полка пехоты. 2 ноября бронированный поезд прибыл в Минск. В тот же день большевики вышли из фронтового комитета и комитета спасения революции, так как последний нарушил соглашение о непосылке и непропуске войск на Петроград, и взяли власть в свои руки.

4) В Ржеве был организован Советом военно-революционный комитет, и при полном содействии солдат гарнизона власть была им взята в руки (см. док. №№ 9 и 43).

К док. № 8.

[1]) См. док. № 5 и примеч. 2.

К док. № 9.

1) Публикуемые переговоры отнесены к 28 октября в силу указания в последнем абзаце на занятие телеграфа в Москве юнкерами, что произошло утром 28 октября.

2) Член комитета московского телеграфа Воронина, очевидно, отвечает на запрос начальника связи при ставке Сергиевского. Из содержания ее ответа видим, что ставка не имела связи ни с Петроградом, ни с Гатчиной, где находился Керенский, и пыталась наладить эту связь через Москву. 30 октября эта возможность, с установлением контроля на телеграфе Московским военно-революционным комитетом, отпала, хотя не исключена была все же возможность пользоваться «обходным путем, через надежных людей». Интерес, проявленный ставкой (в лице начальника связи полковника Сергиевского) к возможности установления связи с заграницей, требует дальнейших изысканий.

3) См. док. № 6 и примеч. 8.

4) Телеграф был занят солдатами 56 пехотного запасного полка; знающих технику телеграфного дела среди них не было. Под угрозой телеграфистов бросить работу, солдаты очистили внутренние помещения телеграфа. Это была ошибка, допущенная Московским военно-революционным комитетом: руководство занятием телеграфа надо было поручить солдатам 1 прожекторно-телеграфного запасного полка, знавшим телеграфное дело, а не пехотинцам.

К док. № 10.

1) См. док. № 6 и примечание 6.

2) В переговорах по прямому проводу между Московским бюро Викжеля и Викжелем в Петрограде, опубликованных в сборнике Истпрофтрана № 2 1923 г., члены Московского бюро Викжеля Федотов и Платонов сообщили, что в заседании Комитета

общественной безопасности 27 октября Рябцев сообщил о том, что Кремль был им занят вечером 27 октября.

3) О сдаче Кремля — см. воспоминания коменданта Кремля Берзина в № 12 «Пролет. револ.», 1927 г. На основании информации о сдаче Кремля юнкерам, изложенной в данном документе, в рассылаемые ставкой по всему фронту информационные сводки было включено сообщение о ликвидации большевистского восстания в Москве. См. док. №№ 16 и 25 и примечания к ним.

4) О расправе юнкеров над солдатами — см. воспоминания Жарова (сборник «Октябрьские дни в Москве и районах») и Страхова (приводятся в книге Я. Я. Пече «Красная гвардия в Москве», стр. 100—107).

5) Заняв 25 октября днем по приказу партийного боевого центра телеграф, почтамт и междугородную телефонную станцию, отряд солдат 56 пехотного запасного полка 28 октября утром, под натиском отряда юнкеров, вынужден был их оставить.

28 вечером или 29 октября утром красногвардейские отряды, по приказу Военно-революционного комитета Городского района, с боем взяли почтамт и телеграф обратно, причем юнкера отступили на центральную городскую телефонную станцию в Милютинском переулке.

6) Ультиматум Военно-революционному комитету, находившемуся в доме Совета (б. дом генерал-губернатора), был предъявлен Рябцевым в 7 ч. вечера 27 октября.

7) 28 октября началось наступление рабочих и солдат, объединенных в красногвардейские дружины, на юнкеров. Каждый район выполнял свое боевое задание. Руководство операциями Красной гвардии в районах находилось в руках районных военно-революционных комитетов, действовавших по принятому собранием представителей районных штабов 26 октября плану, разработанному штабом Московского военно-революционного комитета (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 600).

До момента занятия градоначальства (29 октября) Военно-революционный комитет и его штаб оказались в окружении юнкеров, и связь с районами была весьма затруднена. Единственный путь от Совета в районы вел с Тверской по Б. и М. Дмитровке к Садовой, где у Сухаревой башни находился Военно-революционный комитет Городского района, почему Московский военно-революционный комитет и руководить действиями районов непосредственно не мог. Это руководство взял на себя переехавший 28 октября в Городской район, а 29 октября перебравшийся в Замоскворецкий район партийный боевой центр.

8) Запись не полная. Очевидно, Москва отвечает на вопрос ставки. По всей вероятности, речь идет о расформировании 17 наиболее революционных полков Московского военного округа, о чем командующим военным округом полковником Рябцевым был отдан приказ 15 октября (ВИА, ф. штаба МВО, св. 14, приказы по округу, № 1431). Стоявший в Москве в Хамовнических казармах 193 пехотный запасный полк 25 октября должен был быть, по приказу от 15 октября, отправлен на фронт. Полк на этот приказ ответил отказом, заручившись поддержкой всего Московского гарнизона, обещавшего с оружием против полка не выступать (сб. «Октябрьские дни в Москве и районах», Дубровин, «193 полк», стр. 45).

9) См. примеч. 2 к док. № 5.

10) Этот совет опытного в усмирениях и расправах над рабочими старого царского генерала Дитерихса был полностью проведен Комитетом общественной безопасности 30 октября, когда, несмотря на заключение перемирия в 12 ч. ночи на 30 октября, штаб белых уже после заключения соглашений о перемирии направил отряд юнкеров к Брянскому вокзалу для встречи ожидавшихся с фронта ударников.

11) «Расправа с мятежниками беспощадным образом» была произведена юнкерами 28 октября после сдачи им. Кремля, когда был произведен расстрел из пулеметов солдат 56 пехотного запасного полка и команды кремлевского арсенала. Подробности этой расправы — см. воспоминания Жарова (Сборник «Окт. дни в Москве и районах», стр. 36) и Страхова (Я. Я. Пече «Красная гвардия в Москве», стр. 100—107).

12) Это заявление генерала Дитерихса свидетельствует о том, что ставка была осведомлена о подготовлявшемся в Петрограде восстании юнкеров. Восстание это, начавшееся в ночь на 30 октября, было в тот же день подавлено петроградскими рабочими и солдатами.

К док. № 11.

1) См. док. № 9 и примечание 2. Сообщение от коменданта Гатчины ставка, очевидно получила через московский телеграф.

2) См. док. № 5 и примечания, а также док. №№ 8 и 10.

3) Под «союзниками» следует, очевидно, понимать дипломатических и военных агентов Франции и Англии в Москве. Это были в первую очередь генеральные консулы этих стран и их военные миссии. Возможно, что употребляя термин «союзники»,

меньшевик Ровный имел в виду представителей «нейтральных» социалистических партий и Викжеля.

4) И центральный и районные военно-революционные комитеты вели беспощадную борьбу с пьянством и погромами. Застигнутые на месте преступления подвергались тут же расстрелу. Об этом в частности свидетельствуют следующие приказы: «Военно-революционный комитет доводит до сведения гарнизона и жителей гор. Москвы, что все пьяные будут немедленно арестовываться и предаваться военно-революционному суду.

Военно-революционный комитет» (ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 38).

«Приказ штаба Военно-революционного комитета московских сов. раб. и солдатских депутатов. Виновные в учинении погрома и застигнутые на месте преступления расстреливаются немедленно без суда». (ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 43).

При военно-революционных комитетах как в центре, так и в районах были организованы следственные комиссии, которые производили дознание по делам всех задержанных и арестованных.

5) Подробно о посещении Комитета общественной безопасности В. П. Ногиным и Г. И. Ломовым — см. «Бюллетень Комитета общественной безопасности», № 4, от 31 октября (МОАУ, д. ССД, «Сводки с мест о захвате власти большевиками Комитета общ. безоп.»). В «Бюллетене» указано время этого посещения: 28 октября.

6) Об освобождении министров-социалистов в архивных фондах находим письмо секретаря Всероссийского исполнительного комитета крестьянских депутатов С. Маслова, адресованное или московским социалистам-революционерам или Московскому комитету общественной безопасности (МОАУ, д. ССД, «Сводки с мест о захвате власти большевиками Комитета общ. безоп.»).

7) Это приказание Керенского, очевидно, находится в связи с телеграммой Московских городского и губернского комиссаров в ставку от 26 октября, в которой они сообщали, что руководить вооруженной борьбой с восстанием в Москве некому (см. док. № 1).

К док. № 12.

1) Временно исполняющий должность комиссара при ставке верховного главнокомандующего — подполковник Ковалевский.

2)Прапорщик Литке — дежурный по телеграфу офицер штаба западного фронта. Переговоры же вел, по всей вероятности, помощник комиссара западного фронта Моисеенко (см. А. Киржниц. «Октябрьские дни в Белоруссии», «Пролет. революция», 1927 г., № 12, стр. 117-118).

3) Комиссар Минского военного округа Галин обращался за помощью к Комитету спасения западного фронта в связи с большевистским восстанием в Смоленске. О событиях в Смоленске на пленуме областного бюро РСДРП(б) 9-10 ноября 1917 г. докладывалось следующее: меньшевики и социалисты-революционеры ушли из Смоленского совета рабочих депутатов, в котором остались 4 большевика, 2 левых социалиста-революционера и 1 анархист. Большевиками был организован из представителей воинских частей Смоленский военно-революционный комитет. Организованный одновременно меньшевиками и социалистами-революционерами Комитет спасения революции ночью с 26 на 27 октября обманным способом именем Совета рабочих депутатов стал принимать меры к разоружению большевистски настроенных солдат; отобрал 30 пулеметов и т. д.

Возмущенный смоленский гарнизон вынес решение подчиняться только большевистскому военно-революционному комитету, который и предложил Комитету спасения революции разойтись, чтобы избежать кровопролития.

В ночь с 30 на 31 октября Комитет спасения революции предъявил военно-революционному комитету требование сдаться. К этому моменту контрреволюция в Смоленске располагала 4 казачьими полками. 300 драгун, 2 броневиками и легкой артиллерией. После полуторачасовых переговоров белые начали обстрел совета ружейным огнем: дали несколько залпов. Ответный ружейный и пулеметный огонь заставил казаков замолчать. Войска военно-революционного комитета начали обстреливать городскую думу, где находился Комитет спасения революции. Было сделано пять выстрелов из орудий: один снаряд попал в крышу здания городской думы. Белые заняли государственный банк. Утром, очевидно, 1 ноября бой прекратился. Перемирие закончилось соглашением, по которому Комитет спасения революции был распущен, и был организован демократический орган власти в составе 2 представителей эсеровской городской думы, 2— от Совета солдатских депутатов, 2— от Совета рабочих депутатов, 1— от большевиков, 1— от меньшевиков, 1 —от социалистов-революционеров, 1— от железнодорожников и 1— от служащих почты и телеграфа.

Выпедшие из совета в начале восстания социалисты-революционеры и меньшевики туда не возвратились.

К док. № 13.

1) См. док. № 7 и примечание 3 к док. № 12.

2) В результате доклада главнокомандующему западным фронтом генералу Балуеву были отданы распоряжения о направлении в Москву трех эскадронов Нижегородского драгунского полка из Калуги (см. док. №№ 14 и 15).

К док. №№ 14 и 15.

Три эскадрона Нижегородского драгунского полка в Москву отправлены не были, так как их затребовал к себе Керенский (см. док. № 27). Тогда была сделана попытка заменить их двумя сотнями кубанских казаков из той же Калуги (см. док. № 26).

К док. № 16.

1) В связи со сдачей юнкерам (утром 28 октября) Кремля (см. док. № 10), ставка поторопилась включить в рассылаемые по фронту сводки сообщение о ликвидации большевистского восстания в Москве. Так, 28 октября в 4 ч. 45 мин. дня комиссар западного фронта Жданов разослал следующую телеграмму: «Срочно. Штаб северного фронта. Верховному главнокомандующему. Комиссару северного фронта. Комиссару юго-западного фронта. Комиссару румынского фронта. Комиссару кавказского фронта. Комиссарам 2, 3 и 10 армий [западного фронта]. Смоленск, комиссару [Минского военного округа].

Передаю последние сведения: в Москве большевики сегодня сдались Комитету спасения революции. Кремль освобожден. Оружие сдается. 1378.

Комиссар западного фронта Жданов».

Комиссаром и председателем армейского комитета 11 армии 28 октября была по всей армии разослана следующая телеграмма:

«Из Киева по прямому проводу сообщают: в Киеве получена телеграмма из Москвы, подтверждающая имевшиеся уже раньше сведения о ликвидации выступления московских большевиков. Кремль, почта, телеграф и телефон в руках правительственных войск, юнкера ходили в атаку на 193 полк, который разбежался, оставив 18 пленных и немало убитых и раненых. Осаждается гостиница «Националь», где засели большевики. В городе наступило успокоение и порядок».

Сведения о ликвидации большевистского выступления в Москве подтверждаются телеграммой Исполнительного комитета юго-западного фронта, который получил приведенное сообщение от комиссара западного фронта: «Сегодня большевики сдались Комитету спасения революции. Кремль освобождается, оружие сдается».

(ВИА, д. № 287—057, лл. 39, 40).

Такое же сообщение находим и в телеграмме Исполнительного комитета 12 армии по всем частям армии (ВИА, д. 412—419, л. 9).

В сводке № 5 Исполнительного комитета юго-западного фронта от 30 октября читаем:

В Москве в ночь на 28 [октября] взят с боем Кремль. Большевики сдались. В остальном городе стрельба с крыш; движение принимает характер пьяного буйства. Главари большевиков предлагали сдачу на условиях объединения Военно-революционного большевистского комитета и Комитета спасения в коалиционный. Предложение отвергнуто».

В той же сводке находим радио-телеграмму от комиссара при верховном главнокомандующем Станкевича, в которой сообщается, что «в Москве Красная гвардия разбита».

Публикуемая телеграмма Общеармейского комитета при ставке командующему войсками Московского военного округа, поздравляющая с победой над московскими большевиками, явилась прямым последствием этой информации.

Опровержение этих сведений было послано Керенскому Духониным только в 12 ч. 35 мин. ночи на 31 октября (см. док. № 25).

К док. № 17.

1) См. док. № 9 и примечание 4.

2) Алексеевское военное училище сдалось 30 октября; договор о сдаче был подписан в 12 ч. дня 30 октября.

3) Единственные два трехдюймовых орудия, находившиеся в распоряжении юнкеров, были ими захвачены во время ночного налета на 1 артиллерийскую запасную бригаду в ночь с 27 на 28 октября, о чем ставке сообщил помощник командующего войсками Московского военного округа Кравчук 30 октября (см. док. № 23). С орудиями, очевидно, были захвачены и передки. Белогвардейцы могли пользоваться этими орудиями лишь постольку, поскольку в передках были снаряды к ним, так как запасов снарядов у них не было. Самый факт артиллерийского обстрела со стороны юнкеров, таким образом, подлежит сомнению.

4) Подлинный текст условий перемирия, сообщенный Ровным ставке в сжатой форме, см. в протоколе согласительной комиссии при Викжеле от 30 октября, опубликованном в сборнике Истпрофтрана № 2, 1923 г.

5) Основанием к такому заявлению Ровного служило согласие, данное Московским Военно-революционным комитетом, на организацию демократического органа власти в Москве в составе 17 человек, с участием всех организаций, включая городскую думу, земство, Викжель, Почтово-телеграфный союз. В этом органе большевикам должно было принадлежать 9 голосов, а другим партиям 8. О такой схеме организации власти член Московского военно-революционного комитета Г. А. Усиевич докладывал от имени Военно-революционного комитета и всех фракций Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов гарнизонному собранию 27 октября (см. стенограмму доклада Усиевича Исполнительным комитетам Советов 7 ноября — ЦАОР, ф. 94).

6) К моменту этих переговоров телеграф был занят красногвардейцами и солдатами 56 пехотного запасного полка, среди которых, очевидно, не было лиц, знакомых с телеграфным делом. Поэтому центральный телеграф совершенно незаметно для них включал в прямой провод со ставкой телеграфный аппарат Юза, находившийся в здании штаба Московского военного округа, откуда и вел свои переговоры помощник командующего войсками Ровный.

В дальнейшем московские белогвардейцы прямых переговоров из Москвы со ставкой по телеграфу не имели,— по крайней мере, в архивных фондах никаких указаний на ведение этих переговоров не находим.

К док. № 18.

1) См. док. №№ 20 и 21.

К док. № 19.

1) Распоряжение о посылке в Москву из Калуги трех эскадронов Нижегородского драгунского полка было сделано штабом западного фронта еще 29 октября (см. док. №№ 13, 14, 15 и примечания к ним); распоряжение об отправке в Москву броневика из Калуги было отдано ставкой 31 октября (док. № 38). Однако командир вызванного Керенским в Петроград Нижегородского драгунского полка Бранд на основании приказания главнокомандующего западным фронтом потребовал эти броневики к себе (см. док. № 43), очевидно, намереваясь с их помощью расправиться с гарнизоном Вязьмы, задержавшим в 30 верстах от Вязьмы эшелоны Нижегородского полка, направлявшиеся к Петрограду по вызову Керенского. См. также док. № 38 и примечание.

К док. №№ 20 и 21.

1) См. док. № 18.

К док. № 22.

1) Публикуемая телеграмма штаба юго-западного фронта от 29 октября свидетельствует о том, что юго-западному фронту давались наряды на посылку войск и в Петроград, и в Москву.

К док. № 23.

1) См. док. № 5, примеч. 3 и док. № 7, примеч. 5.

К док. 24.

1) См. док. №№ 28, 29.

2) См. док. №№ 14 и 15 и примечания к ним.

3) См. док. № 7 и примечание 3.

4) Кроме этого указания, в архивах не разысканы распоряжения ставки румынскому фронту, так же как и ответы последнего ставке.

5) См. док. №№ 18, 21 и 22.

К док. № 25.

1) См. док. № 16 и примечание.

К док. № 26.

1) См. док. №№ 14 и 15. Направленные первоначально через Вязьму две сотни кубанских казаков были задержаны Вяземским советом и гарнизоном в 30 верстах от Вязьмы, где были разобраны железнодорожные пути. Тогда эти казачьи сотни попытались пробраться в Москву кружным путем, но были задержаны в Туле, о чем докладывал на пленуме областного бюро РСДРП(б) 9-10 ноября 1917 г. делегат от Тулы т. Каминский (см. протоколы пленума).

К док № 27.

1) См. док. №№ 14, 15, 26 и примечания.

К док. № 28.

1) Финляндская дивизия направлена была не в Москву, а в Петроград (см. док. № 29).

2) См. док. № 29.

К док. № 30.

Телеграмма ставки о направлении трех ударных батальонов из Черкасс в Москву по существу является ответом на почтотелеграмму находившихся при ставке в Могилеве-губернском Центрального исполнительного комитета революционных батальонов и центра добровольческой армии (см. док. № 31).

К док. № 31.

1) Областной Московский комитет по формированию добровольческой армии, так же как и Центральный комитет, были организованы социалистами-революционерами после Февральской революции. В этой организации активное участие принимал «матрос» Баткин. Московский областной комитет помещался на Тверской, д. № 34. После Октябрьской победы в Москве этот комитет превратился в штаб по переотправке юнкеров и офицеров на Дон и на Украину и продолжал запись добровольцев, о чем свидетельствует его воззвание, опубликованное в газете «Утро России» от 8 ноября. Этот же областной комитет явился организующим центром добровольческих белогвардейских отрядов в дни Октября в Москве.

2) См. док. № 32.

К док. № 35.

В ответ на требование ставки, предъявленное юго-западному фронту (док. № 32), последний назначил по одному батальону от 7 и 11 армий, третий же батальон Сибирский — из Черкасс, где находился штаб формирований добровольческих батальонов Особой армии юго-западного фронта.

К док. № 35.

В архивах находим телеграмму ударного батальона 73 пехотной дивизии, входившей в состав 10 армии западного фронта (ВИА, д. № 814).

К док. №№ 36, 37, 38 и 42.

См. примеч. к док. № 19. Броневиков из Калуги не удалось вывезти ни в Петроград, ни в Москву. Отправка же броневиков с западного фронта в Москву встретила сопротивление фронтового комитета спасения революции (см. примеч. 3 к док. № 7 и док. № 13).

К док. №№ 39 и 40.

Занявший станцию Орша 623 пехотный полк задержал в Орше 22 эшелона войск, посланных ставкой на помощь к Керенскому в Петроград и Комитету общественной безопасности в Москву. Указания на число эшелонов и количество войск были изложены в телеграмме комиссара Александровской железной дороги Эйзенбета, но подлинник, к сожалению, от времени не поддается прочтению (ЦАОР, ф. МВРК).

К док. № 41.

Подробнее о действиях Вяземского гарнизона см. док. № 43.

К док. № 43.

1) Делегатами, посланными в Калугу от Московского комитета общественной безопасности, были Четвериков и Снарский, о чем 5 ноября докладывал Московскому Военно-революционному комитету возвратившийся из поездки навстречу двигавшимся с фронта в Москву войскам К. Г. Максимов (ЦАОР, ф. МВРК).

2) После разгрома Калужского совета начальником гарнизона г. Калуги был руководивший разгромом командир Нижегородского драгунского полка Брант. Полковник Петин вступил в исполнение обязанностей начальника гарнизона, как старший в гарнизоне офицер, после отбытия полковника Бранта вместе с Нижегородским полком по вызову Керенского в Петроград.

Уфимское совещание и Временное сибирское правительство.

В. И. Ленин, характеризуя ход гражданской войны и роль в ней мелкой буржуазии и ее партии, меньшевиков и эсеров, писал: «Гражданская война, которая хотя начиналась сплошь и рядом при участии в союзе против нас и белогвардейцев, и эсеров, и меньшевиков, всякий раз неизбежно приводила к тому, что все эсеровские учредиловские и меньшевистские элементы оказывались, путем ли государственного переворота или без него, оттесненными на задний план, и во главе белогвардейщины выступали целиком элементы капиталистические и помещичьи» [1]). Это положение В. И. Ленина, характеризующее смену руководства в стане контрреволюции, является ключом к публикуемым документам. Они показывают и вскрывают процесс «оттеснения на задний план» меньшевиков и эсеров на одном из этапов гражданской войны, а именно в период перехода власти в руки контрреволюционной диктатуры буржуазии и помещиков в Сибири.

На Волге, в Самаре и в Сибири восстание против диктатуры пролетариата было организовано эсерами и меньшевиками. В этих восстаниях приняли с первого момента участие офицерские организации. Они дали обученные кадры кулацким восстаниям и с.-р. боевикам. В Самаре это восстание было организовано под флагом Учредительного собрания, в Сибири организатором восстания явилась Сибирская областная дума, бывшая в руках эсеров.

Сибирская областная дума на конспиративном заседании 27 января 1918 г. организовала Сибирское правительство, в которое вошли эсеры разных направлений и толков. Часть этого нелегального контрреволюционного правительства отправилась на Дальний Восток организовывать восстание против диктатуры пролетариата, часть осталась в Сибири. В Сибири эсерам с помощью чехов и казачьих и офицерских отрядов удалось вырвать временно власть из рук пролетариата. Место советской власти занял Западно-Сибирский комиссариат, состоявший сплошь из эсеров. Он занялся реставрацией буржуазной системы отношений, под его покровом стали расти организации буржуазии, кулаков, офицеров, он возглавил и санкционировал кровавый террор против пролетариата и коммунистической партии. Западно-Сибирский комиссариат расчищал дорогу к буржуазно-помещичьей реставрации. В период действия Западно-Сибирского комиссариата в Сибири была часть Временного сибирского правительства, выделенная Областной думой. Эта часть правительства во главе с Вологодским, — старым сибирским буржуазным дельцом, — потребовала себе власть от Западно-Сибирского комиссариата. Переход власти к Сибирскому правительству был крупным шагом на пути «оттеснения» от власти эсеров и перехода ее реально и номинально в руки буржуазии и помещиков. Сибирское правительство повело открытую, упорную, систематическую и настойчивую борьбу за власть с эсеровско-меньшевистскими группами внутри Сибири и с Самарским комитетом Учредительного собрания.

---

[1]) В. И. Ленин, Сочинения, 2-е изд., т. XXVI, стр. 388.

Для организации управления и повседневной работы немногочисленному Сибирскому правительству, члены которого были заняты чисто политико-декларативными выступлениями, пришлось создать административный аппарат управления, «министерства», в состав которых вошли старые чиновники, представители буржуазии и т. п. Во главе их были поставлены товарищи министров, подобранные самостоятельно Сибирским правительством. Состав товарищей министров был чисто буржуазно-помещичий: военное министерство всецело находилось в руках офицерства, стремившегося к единоличной, генеральской диктатуре. Товарищи министров составляли административный совет, который замещал правительство во время отсутствия его членов и который добился от Временного правительства определенной устойчивости своего состава; рост функций и компетенции административного совета был следующим этапом по пути «оттеснения» эсеров от влияния на власть.

В самом Временном сибирском правительстве шла борьба между стремившимися сохранить контакт с Сибирской областной думой и поддержать влияние партии с.-р. министрами и открытыми сторонниками буржуазной диктатуры И. Михайловым и Вологодским. Борьба эта кончилась тем, что казачьим отрядом три министра Временного сибирского правительства были арестованы, — двое из них подали прошение об отставке, а третий был убит. Областная дума была распущена Сибирским правительством, и, наконец, Вологодскому с помощью интервентов удалось на Дальнем Востоке ликвидировать уехавшую туда часть Сибирского правительства. Эсеры отказались от власти в пользу Омской части Сибирского временного правительства, — почва для установления буржуазно-помещичьей диктатуры в Сибири была готова окончательно, и будущий диктатор адмирал Колчак поехал с Дальнего Востока в Омск.

Наряду с тем, что Сибирское правительство вело борьбу с эсерами и их стремлениями к власти в Сибири, оно, опираясь на офицерско-кулацкие отряды и сочувствие буржуазии и помещиков, вело борьбу с Самарским комитетом Учредительного собрания. Эта борьба ярко вскрылась на Челябинском и особенно Уфимском совещаниях.

Сибирское правительство стремилось к тому, чтобы стать единым всероссийским, ему нужно было не соглашение с Комитетом Учредительного собрания, а золотой запас, захваченный в Казани чехами. В переговорах и телеграммах, которыми обменивались представители Сибирского правительства на Уфимском государственном совещании с Сибирским правительством в лице И. Михайлова, вопрос о судьбах золотого запаса фигурирует неоднократно.

На Уфимском совещании линия Сибирского правительства была такой же, как и в Сибири по отношению к Сибирской областной думе партии эсеров. Сибирское правительство стремилось к установлению открытой буржуазной диктатуры. На Уфимском совещании выступали представители ЦК партии кадетов, перебравшиеся через фронт Кроль и Пепеляев, которые открыто требовали и добивались установления диктатуры. Создание директории было переходной формой к установлению единоличной буржуазно-помещичьей диктатуры. Представители Сибирского правительства на Уфимском совещании играли одну из решающих ролей — в их руках была вся Сибирь, в их руках была еще не истрепанная в боях армия. Они воспользовались плодами эсеровского кулацкого восстания и захватили власть в свои руки, далеко отбросив от нее эсеров и меньшевиков. В Уфе они продолжали борьбу за расчистку пути к буржуазно-помещичьей диктатуре. Вокруг них концентрировались все сторонники единоличной диктатуры. Эсеры были уничтожены своим собственным детищем, — идя от уступки к уступке, стремясь к одной цели — борьбе с диктатурой пролетариата, эсеры восстановили

господство буржуазии и помещиков, демократия, во имя которой восстали эсеры и меньшевики, была уничтожена их собственными руками и действиями.

В. И. Ленин писал, что во время гражданской войны мыслима только или диктатура пролетариата, освобождающая мир и уничтожающая эксплоатацию, или диктатура буржуазии и помещиков, защищающая и укрепляющая систему эксплоатации. «В капиталистическом обществе, — писал В. И. Ленин, — когда оно развивается, держится прочно или когда оно погибает, все равно, может быть только одна из двух властей: либо власть капиталистов, либо власть пролетариата. Всякая средняя власть есть мечта».

События в Сибири, по мысли В. И. Ленина, являлись яркой иллюстрацией этого. «Всякая средняя линия приведет к господству буржуазии и монархии. Наилучшим доказательством этого служила Сибирь, где, несмотря на стремление установить царство Учредительного собрания, перешли к Колчаку и колчаковщине».

Публикуемые документы вскрывают ход этого процесса и дополняют уже известное новыми характерными чертами.

Документы состоят из коллекции телеграмм и переговоров по прямому проводу делегации Сибирского правительства на Уфимском совещании и членов Сибирского правительства И. Михайлова и Вологодского. Они содержат формулировки политических целей и стремлений Сибирского правительства и стоявших за ним буржуазно-помещичьих групп. Они формулируют и объясняют содержание борьбы и методы действия Сибирского правительства. О ходе Уфимского совещания, о значении его результатов, как непосредственной ступени к установлению единоличной диктатуры, уже известно. Публикуемые документы вскрывают то, что не отразилось в официальных протоколах Уфимского совещания, о чем не рассказывают воспоминания свидетелей. Эти документы интересны и ценны тем, что они связывают в одно единое целое события, происходившие в Сибири и на Дальнем Востоке, с событиями в Уфе. Эсеры и меньшевики организовали и возглавили борьбу кулаков против диктатуры пролетариата. Под завесой эсеровских речей организовывались помещики и буржуазия для борьбы с пролетариатом. Эсеры и меньшевики реставрировали систему буржуазной эксплоатации, но эсеры не могли и не умели обеспечить буржуазии и помещикам возможности спокойно эксплоатировать рабочих и крестьян, и, использовав эсеров и меньшевиков для борьбы с диктатурой пролетариата, буржуазия стремилась захватить всю власть в свои руки. Контрреволюция снимала с себя эсеровско-меньшевистскую маскировку, обнажая сущность того, во имя чего подняли восстание против диктатуры пролетариата партии эсеров и меньшевиков — реставрацию системы буржуазной эксплоатации.

С. Пионтковский.

Разговор председателя совета министров Сибирского врем. правительства с членом Учредительного собрания А. А. Аргуновым [1]).

Аргунов. — Здравствуйте. Я — член Учредительного собрания А. А. Аргунов и член делегации, приехавший из Москвы с поручением к Сиб. правительству — поговорить по вопросам внешней и внутренней политики, в частности по вопросу об образовании центральной власти. Кроме того, имею поручение от Союза возрождения [2]), которым объединены

[1]) Публикуемые ниже документы хранятся в ЦАОР.

[2]) В начале 1918 г. в Москве членами партии к.-д. при участии с.-р. и группы меньшевиков была создана нелегальная организация «Союз возрождения». Организация эта находилась в связи с посольствами Антанты. При их участии «Союзом возрождения» была выработана политическая платформа. Союз ставил своей задачей уничтожение диктатуры пролетариата и установление буржуазной диктатуры. Члены «Союза возрождения» входили в состав целого ряда белых правительств.

партии эсеров, кадетов, н.-с. и часть с.-д. Союза объединения [?] имеет определенный договор с союзниками, заключенный в Москве. Об условиях этого договора важно переговорить с вами. Кроме меня здесь находятся член Учредительного собрания Кроль, член центрального комитета партии кадетов Владимир Евгеньевич Павлов. Прошу сообщить, не находятся ли в Омске члены Учредительного собрания Евгений Колосов, Моисеенко, Авксентьев, Брешко-Брешковская, Кругликов, Пумпянский. Сегодня в 8 часов мы будем иметь свидание с вашими товарищами, приехавшими сюда.

Вологодский. — Никого из упомянутых вами членов Учредительного собрания в Омске нет. Подробности переговоров можете вести с представителями Сибирского правительства, находящимися сейчас в Челябинске, с командующим сибирскими войсками генералом Гришиным-Алмазовым, министром финансов Иваном Адриановичем Михайловым и тов. министра иностранных дел Головачевым.

Аргунов. — Нас интересует, какой это Головачев, как его отчество?

Вологодский. — Головачев Мстислав Петрович, приват-доцент международного права при Томском университете. Представители нашего правительства выехали в Челябинск по приглашению представителей власти Самарского района — членов Учредительного собрания Брушвита, Веденяпина и генерала Галкина. Там же в Челябинске находятся представители штаба и особого комитета чехо-словацких войск и отрядов [1]).

Аргунов. — Так как теперь нам известны полномочия ваших представителей, то вступим сегодня с ними в дальнейшие переговоры. Кстати, не известно ли вам, где находится сейчас Евгений Колосов?

Вологодский. — Точных сведений о Колосове не имеется, но, кажется, он в Томске, работает в Областной думе [2]). Сообщаю вам для сведения: сейчас сносился с Иркутском. Город сильно разрушен, ценности, военные припасы и железнодорожное оборудование — все похищено красноармейцами, которые бежали по Кругобайкальской железной до-

---

[1]) 15(2) июля в Челябинске состоялось совещание представителей Самарского комитета Учр. собрания и Сибирского правительства по вопросу о создании единой общероссийской власти. Только вмешательство чехо-словаков и французов заставило не пришедших ни к какому результату представителей контрреволюционных организаций заключить соглашение о созыве нового совещания для решения вопроса о власти. 23—25 (10—12) августа в Челябинске состоялось второе совещание контрреволюционных правительств Сибири, Приуралья и Поволжья. На собрании присутствовали представители чехо-словацкого Национального совета и французской и английской миссий. Председателем собрания был избран Авксентьев; по настоянию интервентов было решено собрать совещание в Уфе для разрешения вопроса об организации власти. Совещание происходило в Уфе 8—23 (26 авг. — 10) сентября 1918 г.

[2]) В декабре 1917 г. съезд организаций, находившихся в руках с.-р., решил образовать «Сибирскую областную думу», как орган «демократии», противостоящий диктатуре пролетариата.

1 февраля 1918 г. должно было состояться первое заседание этой думы. На частных совещаниях члены думы заняли резко враждебную по отношению к советской власти позицию.

26 января 1918 г. приказом Исполнительного комитета Томского совета дума была распущена; тогда она перешла к открытой борьбе с диктатурой пролетариата. Думой была издана особая декларация, призывавшая к свержению советской власти, и образовано нелегальное «Сибирское временное правительство».

Под защитой штыков чехо-словаков, передавших власть в Сибири в руки буржуазии, дума пробовала собираться, претендуя на власть, но контрреволюционная диктатура быстро ликвидировала думу.

роге [1]). Окончательный разгром большевистских войск потребует времени.

Аргунов. — После переговоров здесь мы всетаки рассчитываем быть у вас в Омске и в Томске, чтобы предложить все свои услуги общему делу. Желаем всяческого успеха! До скорого свидания!

Вологодский. — Спасибо. Надеемся дружно работать.

К переговорам в Челябинске делегации Комитета членов Всероссийского учредительного собрания с представителями Временного сибирского правительства.

Вчера в 4 часа дня наш сотрудник прис. пов. В. Н. Воздвиженский, поехавший в Челябинск в составе делегации в качестве ее члена, вызвал, согласно состоявшегося перед отъездом договора, редактора нашего «Вестника» С. А. Волкова и сообщил по прямому проводу следующее.

Представителями от Временного сибирского правительства явились: военный министр Гришин-Алмазов, министр финансов Михайлов и товарищ министра иностранных дел Головачев. На частном совещании представители Сибирского правительства отстаивали полную независимость Сибири как самостоятельного государства. 4 июля Сибирское правительство обратилось с нотой к местным представителям союзных держав, в которой провозгласило полную свободу независимых сношений Сибири с иностранными державами; также установило, что отныне никакая иная власть, помимо Временного сибирского правительства, не может действовать на территории Сибири или обязываться его именем. Делегация Комитета Учредительного собрания [2]) эту точку зрения признала для себя неприемлемой и настаивала на образовании центрального правительства возрождающейся России. Представители Сибирского правительства на официальном заседании заявили, что они на это не имеют полномочий, а явились сюда исключительно с целью информации. Сегодня открыто новое заседание с участием представителей Франции, чехо-словацких войск и членов Учредительного собрания от Сибири. Всеми сознана необходимость немедленного создания центрального всероссийского правительства, которое должно быть санкционировано Комитетом членов Учредительного собрания. В ближайшие дни предполагается созыв в Челябинске особой конференции с участием всех членов Учредительного собрания и представителей отдельных областных правительств по вопросу об организации всероссийского центрального правительства. Юрисконсульт делегации В. Н. Воздвиженский.

На заданные далее С. А. Волковым вопросы о времени окончания работ конференции, об отношении к власти Учредительного собрания в Че-

---

[1]) 31(18) июля происходили бои Красной армии с чехо-словаками у станции Мурино, 16—19(3—6) августа части Красной армии были разбиты на Прибайкальском фронте, 26(13) августа чехо-словаки заняли Читу.

[2]) Восстание на Волге и в Самаре было организовано с.-р. с помощью офицерских организаций и чехо-словаков. Во главе восстания встала группа членов партии с.-р., членов Учред. собрания, Комитет членов Учред. собрания. Этот «Комитет», возглавляя контрреволюционную борьбу с советской властью, расчищал дорогу буржуазной реставрации. Им была в Самаре и на прилегающей к ней территории восстановлена вся дооктябрьская система отношений и буржуазия и помещики вплотную подведены к власти.

Самара была захвачена чехами 8 июня 1918 г. 7 октября 1918 г. она была занята частями Красной армии.

лябинске, общем положении там и в Екатеринбурге и т. д. В. Н. Воздвиженский сообщил.

Сегодня в 8 часов назначено окончательное заседание. В 11 часов вечера выезжаем в Самару. Идея Всероссийского учредительного собрания пользуется всеобщим признанием населения. К нам явились депутации местных общественных организаций, которые выразили непоколебимое желание создать единую центральную власть для всей России. В Челябинске флаг Сибирского правительства. Само Сибирское правительство рассматривает Челябинский округ как оккупированную область, но все это явилось результатом временной и совершенной изоляции от России. В Челябинске с недели полторы тому назад [состоялся] съезд казаков, крестьян и представителей общественных организаций, который решил присоединиться к Сибирскому временному правительству, к этому времени уже сконструированному. Комиссар Маслов был избран съездом и потом утвержден уже Сибирским правительством. С установлением связи с Россией, очищенной от большевиков, областнические тенденции исчезают в широких демократических кругах. Растет и крепнет идея единой и нераздельной России под лозунгом Всероссийского учредительного собрания. Офицерство в особенности резко отрицательно относится к идее сепаратизма. Под Екатеринбургом идет бой [1]).

Инструкция делегации Временного сибирского правительства, отправляющейся в г. Уфу на совещание по организации всероссийской власти.

1. Уфимское совещание может стать источником образования всероссийской власти.

2. Делегация Временного сибирского правительства должна сделать все возможное, чтобы на Уфимском совещании был положительно решен вопрос о создании всероссийской власти.

3. Необходимыми условиями создания всероссийской власти должны быть следующие основания ее организации.

а) Всероссийская власть должна быть организована по типу директории в составе не более 5 лиц.

б) Политическая ответственность всероссийской власти возможна только перед будущим полномочным органом правильного волеизъявления народа, и до создания такового органа всероссийская власть является несменяемой.

в) Организуемая власть должна быть твердой, крепкой, сильной, с единою волею, направленной прежде всего на воссоздание Великой России и возобновление, в единении с союзниками, войны с Австро-Германской коалицией.

4. Всероссийская власть должна немедленно взять в свои руки дело создания единой всероссийской армии, единое руководство иностранной политикой, единое управление путями сообщения, почты и телеграфа, финансов в общегосударственном масштабе, оставляя высшее руководство прочими отраслями государственной и хозяйственной жизни в пределах Сибири за соответственными органами сибирского территориального автономного правительства.

---

[1]) 25 июля 1918 г. Екатеринбург был захвачен чехо-словаками. 14 июля 1919 г. Екатеринбург был занят Красной армией.

Разговор председателя Государственного совещания Н. Д. Авксентьева с министром финансов Сибири И. А. Михайловым.

Авксентьев. — Здравствуйте, Иван Адрианович. Третьего дня Вологодский сообщил мне, что через два-три дня в Уфу прибудут представители Сибирского правительства: Березовский и вы. Вчера, как было условлено раньше, состоялось торжественное открытие Государственного совещания, ибо все, кроме ваших представителей, приехали. После торжественного заседания мы отложили деловую работу до вторника, ожидая ваших представителей. Все с нетерпением ждут их, ибо медлить с решением вопроса об общероссийской власти нельзя — это значило бы вредить общему делу российского освобождения. Будьте любезны сообщить, когда будут в Уфе представители Сибирского временного правительства и кто они персонально, чтобы я мог, как председатель, информировать съехавшихся членов Государственного совещания.

Михайлов. — Я понял все, теперь говорю я. Членам совещания, вероятно, известно, что задержка наших делегатов вызвана тяжелым политическим кризисом, последовавшим из-за иностранного вмешательства [1]). Кризис этот вполне не исчерпан и, думаю, не будет исчерпан, пока иностранные представительства сами не сделают шагов в этом направлении. Сегодня в Уфу выезжает профессор Сапожников; на него пока возложено представительство в совещании. Я остаюсь здесь в ожидании разрешения кризиса. Все.

Авксентьев. — Совещание не знало об этом кризисе, ни тем более о его причинах; знало лишь об отставке одного из управляющих министерством генерала Гришина-Алмазова, чего не могло рассматривать, конечно, как общеправительственного кризиса. Теперь, если вы позволите, Иван Адрианович, я высказал бы вам, в частном порядке, некоторые свои соображения.

Михайлов. — Я слушаю.

Авксентьев. — Я полагаю, что Сибирское правительство уже выработало свои взгляды на характер и задачи российской центральной власти. И никакие кризисы в тех или иных частях правительства, вызванные внешними, а не внутренними причинами, не видоизменят этого взгляда. Поэтому я думал бы, что несмотря на кризис мы должны были бы иметь здесь сильное и авторитетное представительство Сибирского правительства, состоящего не только из уважаемых представителей Сибирского правительства, но также и членов правительства, лишь в таком случае возможно быстрое и имеющее влияние на всей освобожденной территории решение совещания о центральной власти. А ведь без этого решения и этой власти причины, вызвавшие ваш кризис, будут создаваться ежечасно то у того, то у другого правительства, и дело будет не улучшаться, а ухудшаться. Мое категорическое мнение: устранить ваш кризис радикально можно и должно не в Омске, а в Уфе, не переговорами областных правительств с союзниками, а разговором с ними голосом авторитетной, общероссийской власти. Поэтому я очень ходатайствовал бы перед вами и г. председателем совета министров о более широком и полном представительстве Сибирского правительства на Государственном совещании в Уфе.

---

[1]) 3 августа (21 июля) 1918 г. во Владивостоке высадилась 12-я дивизия японских войск под командой ген. Ооя. 6 августа (24 июля) последовала нота японцев о политике в Сибири.

Михайлов. — Я доложу ваше мнение. Лично с ним согласен. Скажите, не намечается ли возможность соглашения по организации власти?

Авксентьев. — Я лично смотрю на дело оптимистически. Конечно, на первых порах будут, быть может, довольно существенные разногласия. но общее желание создать власть так велико, что я ни в ком не вижу желания во что бы то ни стало ультимативно отстаивать каждую букву своих положений. Поэтому я верю, что соглашение будет достигнуто.

Михайлов. — Ваши соображения я сегодня же доложу. Пока до свидания.

Инструкция делегации Временного сибирского правительства на Государственном совещании в городе Уфе.

1. Не признавать правительства Алаш-Орды тюрко-татар, а только культурную автономию; казачьим правительствам только хозяйственное самоуправление; Урал — областная земская единица.

2. Всероссийская власть поглощает Самарский комитет и распространяется на всю территорию России, освобожденную от большевиков.

3. Туркестан подчиняется Сибирскому правительству.

4. В соответствии с положениями, изложенными в пунктах 1, 2 и 3, создание Совета областных правительств, по незначительности числа их, не требуется.

5. Верховная власть создается по типу директории, как верховной власти, с соответственным при ней кабинетом министров.

6. В руководство директории должно быть выработано положение оной, конституция, определяющая условия личных изменений в составе директории, порядок утверждения законодательных актов, кворум, верховные права в отношении армии и флота, роль директории в вопросах международной политики, право помилования, порядок назначения и смещения кабинета министров и условия ответственности министров.

7. До открытия Всероссийского учредительного собрания вновь избрано никаких общероссийских представительных учреждений не должно быть, а Учредительное собрание 1917 года немедленно распускается.

8. Для разработки положения о директории и совете министров и для определения границ полномочий сибирской власти должен быть объявлен перерыв продолжительностью не менее двух недель.

9. Все положения настоящей инструкции должны быть защищаемы полностью, без изменений, причем делегация должна руководствоваться общим положением, что ни одно постановление совещания не может иметь силу в случае недостижения единодушия.

Разговор по прямому проводу заместителя председателя совета министров Михайлова из Омска с председателем высшего совета снабжения Павловским и членом делегации в Уфе Сапожниковым 16 сентября в 22½ часа.

[*Павловский*].— Я вызвал вас лично, так как считаю момент критическим: все идут на уступки, и определенна лишь позиция Сибири. Все делегации имеют официальное разрешение на следующее: власть безответственна до созыва Учредительного собрания, кворум которого определяется в 200—250 человек. Срок созыва левыми выдвигается в ноябре, но, повидимому, все согласятся на январь, — таковы заявления и всех

казачьих делегаций, в том числе и сибирской. При нынешнем положении я считаю такой выход единственно возможным. Больше уступок не будет — будет либо соглашение, либо разрыв, т. е. изоляция Сибири. Позиция, которую все, повидимому, принимают, есть позиция, выдвинутая Союзом возрождения, защищаемая в согласительной комиссии генералом Болдыревым, которому, повидимому, удастся примирить крайние течения. Положение критическое: положение России, настроение чехов, союзники, все, что мы знаем с Востока и из Архангельска, требует соглашения во что бы то ни стало. Дело освобождения России, вся ее дальнейшая судьба, движение русской государственности — сейчас в руках Сибирского правительства. Я имею возможность говорить с вами частным образом и не стал бы вас так настойчиво убеждать, если бы не был уверен, что вы сами, если бы были здесь, не могли бы иначе расценивать обстановку. Я кончил, сейчас послал за Сапожниковым, который хочет с вами поговорить.

Михайлов. — Разрешите задать вопрос: каково положение и перспективы на Волге?

Павловский. — Положение в самое последнее время улучшается. Подходит помощь с разных сторон, но все же оно остается весьма серьезным. Из Самары и всего района мы эвакуируем все ценное. Подошел к аппарату профессор Сапожников, имеются ли еще вопросы?

Михайлов. — Да. Удастся ли удержать Самару?

Павловский. — Определенно сказать трудно. Мое впечатление, что удастся.

Михайлов. — Эвакуируется ли из Самары золото?

Павловский. — Уже эвакуировано.

Михайлов. — Думаете ли, что в Уфе можно создать власть, не симуляцию власти?

Павловский. — Власть создать необходимо во что бы то ни стало. Думаю, что при отсутствии органов, которые могли бы ее связывать, хотя бы первые четыре месяца, власть может окрепнуть и быть твердой. Я убежден, что в Уфе будет сделано максимум возможного при настоящих условиях, а в этом и заключается повелительный долг момента. Кончил.

Михайлов. — Имеются ли персональные кандидатуры?

Павловский. — Наместо меня будет отвечать Сапожников.

Сапожников. — Было ли суждение моей вчерашней телеграммы? Окончательное последнее условие, которое принимается всем совещанием, также казаками — признание Учредительного собрания первого созыва, когда оно соберется в кворуме 250 первого января или первого февраля. До этого срока власть работает без контроля. Считаю условия приемлемыми ради сохранения самой идеи Учредительного собрания. Может быть, оно и не соберется, но важно подтвердить лозунг, настроение левых партий весьма умеренное, настроение общества — напряженное. Нам оставаться на прежней точке зрения очень трудно. Персональный вопрос выяснился в кулуарах. Называют Аргунова, Чайковского, Колчака или Болдырева, Брешко-Брешковскую, Авксентьева. Я слушаю.

Михайлов. — В заседании административного совета [1]) должны были перейти к обсуждению вашей телеграммы, когда вы меня вызвали. Члены

---

[1]) 24(11) августа 1918 г. Сиб. врем. правительство учредило административный совет. В его состав вошли управляющие министерствами, управляющий делами совета министров и товарищи министров. 7 сентября (25 августа) Сибирское врем. правительство издало постановление о пределах полномочий административного совета.

совета ждут моего возвращения. Членов совета очень смущает мысль о наличности почвы для нового правительства. Компромисс, который предлагается, вероятно, не вызовет возражений, но члены совета, наверное, усумнятся в самой возможности сейчас создать всероссийскую власть. Комическое соединение имен, которое вы перечислили, только увеличит сомнения. Затем опасаются, что отступление с Волги сократит территорию России до пределов Сибири, где придется действовать двум правительствам.

Сапожников. — Будущее угадать трудно, но все говорят, даже умеренные, что лозунг Учредительного собрания жив. Ижевский завод и некоторые части на юге восстали под этим лозунгом. Наш отказ вызовет впечатление, что Сибирь против Учредительного собрания. Принятие Учредительного собрания, хотя бы в урезанном числе, гарантирует молодое правительство от нападок слева и справа. Идейно считаю необходимым согласиться. По окончании административного совета вы вызовите меня, чтобы сообщить результаты. Здесь настроение чувствуется от самой жизни. Нам необходимо доверие совета.

Михайлов. — Согласились ли самарцы эвакуировать золото и куда?

Сапожников. — По слухам, эвакуируется. Куда, не знаю.

Михайлов. — Нам нужно это выяснить в срочном порядке. После заседания вызову вас.

Сапожников. — Нельзя ли приблизительно определить время вызова?

Михайлов. — Затрудняюсь. Может быть, Миронов вас заменит? Я кончил.

Телеграмма 16/IX.

Чита. Предсовмину Вологодскому.

В Омске пятнадцатого получена следующая телеграмма. Принята 15/IX 1918 г. «Ощущение необходимости создания всероссийской власти остро чувствуется. Казачество начинает склоняться на образование власти, которая созовет Учредительное собрание первого февраля или января 1919 года для отчета ему, считая, что за четыре месяца власть укрепится настолько, что собрание не будет ей угрожать какими-либо опасностями. На этом единственном компромиссе возможно притти к соглашению, за исключением, может быть, группы центровых эсеров. Испрашиваем разрешения на этот компромисс. В отрицательном случае можем поставить вопрос о нашем отзыве из совещания и замене другими представителями Сибирского правительства. Чехи угрожают уходом за Златоуст. Предвидятся другие осложнения внутреннего характера. Сибиряки и казаки выдвигают в члены директории минфина Михайлова. Просим [на]возбужденный вопрос ответ дать срочно, завтра передать, зашифровав эту телеграмму, Вологодскому. Сибиряки, члены Областной думы и собрания, очевидно, инспирируют против делегации через Областную думу. Их заявление в совещании резко разошлось [с] нашей декларацией.—Серебренников, Сапожников».

Минфин Михайлов просит срочно вашего ответа. Помупрдел Бутов.

Разговор по прямому проводу минфина Михайлова с Яшновым 17—18/IX.

Михайлов.— Говорит минфин Михайлов. Здравствуйте, Е. Е.

Яшнов. — Здравствуйте. Совещание вплотную подошло к вопросу о кандидатах во всероссийское правительство. До сих пор названы следующие лица: эсерами: Тимофеев, Зензинов, Авксентьев; кадетами: Аргунов, Болдырев, Чайковский, Астров; Уральским правительством: Болдырев, Авксентьев, Маслов; «Единством»: Аргунов. Об Астрове, ввиду его отсутствия, в печати не сообщать. Серебренников полагал бы выставить Вологодского, (вас) Михайлова, Вострогина, Аргунова, Астрова. Казаки поддерживают два места для Сибири, называя затем Деникина, Астрова, Путилова; в крайнем случае согласны [по] одобрении Сибирского правительства ввести одного социалиста [из] числа Аргунова, Чайковского, Авксентьева, готовы даже принять Игнатьева. Были ли суждения по этому вопросу у вас в Омске? Сообщите ваши предположения.

Михайлов. — Разве вы не читали телеграммы Вологодского, переданной вам вчера через Миронова? Она ставит вопрос решительно и совершенно в иной плоскости.

Яшнов. — Читал. Фактически и наше предложение сведется к этому.

Михайлов. — Какое решение вынесено относительно ответственности власти?

Яшнов. — Власть ответственна перед Учредительным собранием, собирающимся 1 января, при кворуме не менее 250 членов.

Михайлов. — Объявлен ли перерыв заседаний, как мы об этом просили?

Яшнов. — Нет, ввиду необходимости ускорить решения.

Михайлов. — Во всяком случае, мы просили делегацию выждать прибытия Старынкевича и Иванова, которые сегодня выехали из Челябинска в Уфу. Они передадут наши настроение и решение. Вологодский обещал из Владивостока телеграфировать свой список кандидатов.

Яшнов. — А у вас нет своего списка кандидатов?

Михайлов. — Мы ждем сообщений Вологодского.

Яшнов. — Вы больше ничего не имеете передать?

Михайлов. — Каково общее настроение совещания?

Яшнов. — Теперь все ходят оживленные, так как разрешился кризис.

Михайлов. — По моему, вам нужно действовать решительно, так как соотношение сил все более меняется в нашу пользу. Особенно на Дальнем Востоке.

Яшнов. — Боюсь, что уже поздно.

Михайлов. — Это зависит от вас. Главное, подождите Старынкевича и Иванова.

Телеграмма.

Срочно. Секретно. 17/IX.

Номера Егорова, министру финансов Михайлову.

В дополнение к сообщению по прямому проводу от 15 сентября сообщаю: Учредительное собрание настоящего созыва может быть созвано не ранее первого января, при кворуме не менее 250 членов. Выслушав отчет правительства, займемся разработкой положения о выборах, после чего разойдемся. Представители казаков к этому присоединились. Просим разрешения присоединиться, иначе соглашение невозможно.

Серебренников, Сапожников.

Разговор по прямому проводу 17 сентября в 12 ч. дня заместителя председателя совета министров Михайлова с членом делегации в Уфе министром снабжения Серебренниковым.

Михайлов. — Вчера в административном совете вопрос обсуждался тщательно. Для административного совета важен не тот компромисс, который выдвинулся в Уфе, хотя указывают, что, при определенном составе директории, хотя бы, например, при перечисленных вами вчера именах, Учредительное собрание старого состава — имеет собраться в январе, феврале — будет оказывать фактическое влияние и до его созыва. Главным вопросом, вокруг которого велось вчера обсуждение, был вопрос о своевременности создания всероссийской власти, ввиду значительно изменившихся условий как в настроениях союзников на Востоке, так и событий на Западе. Затем стоял вопрос о личном составе, которому придают громадное значение. Вчерашний перечень имен абсолютно не приемлется. Важна гарантия известного направления политики директории, хотя бы она состояла персонально и не из крупнейших имен. Затем важны гарантии невмешательства директории в деловую работу Сибирского правительства. Административный совет единогласно признал необходимость хотя бы краткого перерыва, дабы вы и делегация из Омска в составе двух членов могли бы съехаться в Челябинске и переговорить. Делегация из Омска предполагала выехать сегодня вечером. Скажите, возможна ли такая отсрочка? Вы могли бы мотивировать отсрочку необходимостью переговоров ввиду недостаточности полномочий, отступления от инструкций и вашим желанием найти путь к соглашению путем переговоров в Челябинске.

Серебренников. — Здравствуйте, Иван Адрианович. Дополнительно к информации Василия Васильевича. Наша инструкция оказалась на совещании крайне правой; имейте это в виду, особенно когда все вопросы должны решаться путем соглашения. Как можно соглашаться, не уступая, я не знаю. Создание власти на тех условиях, на которые согласились все группы, кроме сибиряков, — Комитет членов Учредительного собрания, как орган власти в Самарском районе, распускается. Это считают плюсом, ибо народная армия попадает в руки высшего командования. Поэтому для меня лично принципиально уступки большой роли в данном случае не имеют. Все дело в личных свойствах членов директории, которых предполагается пять, в их платформе и гарантиях, что эта платформа будет соблюдаться, остальное фактически не страшно. Соглашение, если оно состоится, единодушно обяжет все группы, в том числе и эсеров, морально поддерживать новую власть. Последние условия намечающегося соглашения таковы.

Учредительное собрание созывается 1 января, при кворуме 250, а если менее, то 1 февраля, при кворуме 170, с весьма ограниченными полномочиями. По моему мнению, через 5 месяцев чрезвычайно изменится вся обстановка. Прошу разрешения итти на указанную уступку, иначе наше положение будет крайне затруднительным. Казаки все уже отошли от нас. Должен сказать, что на съезде присутствует около 90 членов Учредительного собрания. Предложенная эсерами платформа для директории будет правее курса Сибирского правительства, например, совершенно [?] хлебную монополию и всякие твердые цены. Прошу вас сейчас ответить прямо, можем ли мы пойти на соглашение по вопросу об Учредительном собрании. Как изложено выше, лично я считаю возможным пойти на это

соглашение. Если вы тоже считаете это возможным, то, учитывая голос Шатилова, я сегодня мог бы дать заявление согласительной комиссии, которая с замиранием сердца ждет вашего решения. Вопрос о персональных кандидатурах в члены директории почти еще не обсуждался, по этому вопросу было бы желательно наше свидание в Челябинске. Я кончил. Жду ответа.

Михайлов. — Значит, вы считаете отсрочку невозможной?

Серебренников. — Да, невозможной.

Михайлов. — А если бы мы согласились на компромисс, то возможен ли перерыв для обсуждения личных кандидатур?

Серебренников. — Считаю возможным, полагая, что мог бы выехать в Челябинск, а Сапожников продолжать работу здесь. Последний состоит официальным представителем Сибирского правительства в согласительной комиссии. Я же состою в президиуме совещания.

Михайлов. — Можем ли мы добиться определенного количества мест в директории?

Серебренников. — Боюсь сказать точно, но думаю, можно, имея в виду наш удельный вес.

Михайлов. — Сейчас я спешно созову совет и надеюсь через час дать ответ; думаю, положительный.

Серебренников. — Имейте в виду, что мы будем твердо держаться личных кандидатур; по вопросу о личных кандидатурах в члены директории пока мы не отступали ни на шаг от нашего наказа.

Михайлов. — Не узнали ли вы насчет золота?

Серебренников. — По сообщению Лебедева, отдан приказ об его эвакуации, куда — я пока не знаю.

Михайлов. — Узнайте во что бы то ни стало.

Серебренников. — Хорошо. Еще одно слово. Настоящий состав Государственного совещания — результат уступок Сибирского правительства в Челябинске.

Разговор по прямому проводу заместителя председателя совета министров Михайлова из Омска с членом делегации мин. снабжения Серебренниковым из Уфы 17/IX, 16 час. дня.

Минфин Михайлов. — Получена ли вами шифрованная телеграмма Вологодского № 88/м от 16 сентября из Манчжурии?

Серебренников. — Получена, но не расшифрована, так как нет шифра у нас; один № 7 шифр есть, хотя М 2 [?]. Прежде полученная М. 2 и М расшифрованы.

Михайлов. — Сейчас же передам вам эту телеграмму другим шифром. Все зависит от телеграммы Вологодского, о которой я говорю. Эта телеграмма исключительной важности была сегодня предметом обсуждения административного совета, который всецело присоединился к позиции, предложенной Вологодским. По этому поводу в Челябинск сегодня выезжает для свидания с вами делегация в составе генерала Иванова и Старынкевича. Ничего не предпринимайте, пока не познакомитесь с текстом телеграммы Вологодского, затем обсудите ее в составе всей вашей делегации и, если возможно, добейтесь отсрочки решения до свидания с новой делегацией.

Если же ваша делегация найдет невозможным добиться отсрочки, то, в крайнем случае, дайте согласие на компромисс, изложенный вами ут-

ром, точно его формулировав, под условием немедленного перерыва работ для свидания с новоприезжими и с предупреждением, что правительство считает основным вопросом персональный состав власти и будет настаивать, чтобы деловым аппаратом был аппарат Сибирского правительства. Но прежде всего ознакомьтесь с телеграммой Вологодского. Узнали ли вы относительно золота?

Серебренников. — По данным Бобрика, золото направляется в Уфу. Позволю себе задать вопрос, почему телеграмма Вологодского все время адресуется на имя Бобрика, а не мне и Сапожникову?

Михайлов. — Я сам недоумеваю; думаю потому, что у него шифр. Я также не получил этой телеграммы. Она была адресована в министерство иностранных дел. Сейчас дал все распоряжения, и через полтора часа вы получите повторение. Желательно, не раскрывая текста, позондировать у отдельных групп.

Серебренников. — Следовало бы нашу делегацию усилить, поэтому я просил бы снабдить отъезжающих сегодня в Челябинск на всякий случай мандатами. Активных сил в делегации крайне мало. Затем я просил бы меня заменить другим лицом; далее, я просил бы сказать, в каком положении отношение к Областной думе.

Михайлов. — Никакие заключения сейчас невозможны. Областная дума занята сейчас техническими вопросами. Кто из вас выедет в Челябинск?

Серебренников. — В Челябинск выеду я. Думаю, что поездку можно сделать без официального перерыва работ.

Михайлов. — Перерыв работ совещания нужен для обсуждения и подготовки мероприятий, предложенных в телеграмме Вологодского.

Серебренников. — До свидания.

Телеграмма.

Омск. Срочно. Министру Михайлову. Подана 18 в 11 ч. 18 м.

Вчера вечером были выдвинуты следующие кандидатуры членов директории: от эсеров—Тимофеев, Зензинов, Авксентьев; от кадетов—Болдырев, Аргунов, Астров, Чайковский, от уральцев — Болдырев, Авксентьев, Маслов; группа «Единство»—Аргунов; остальные группы воздержались. Нас просят сегодня же заявить свои кандидатуры. Я полагаю: Вологодского, Вострогина, Аргунова, Астрова. Сообщите ваши предположения сегодня к вечеру обязательно срочной телеграммой. Сообщите о вашем согласии войти в состав директории. № 39.

Серебренников.

Телеграмма.

Омск. Совмин. Из Маньгоу К. В. дор. № 65. 18/IX.

Ответственность всероссийской власти перед государственным совещанием любого состава считаю неприемлемой. В момент великого национального кризиса нельзя ослаблять силу духа единства политики, твердость и решительность действий зависимостью правительства от политических собраний многочисленного партийного или случайного состава. Этим искажается сущность директории и уничтожается весь ее смысл. За время войны даже страны последовательного народоправства и укоренившегося парламентского режима подходят близко к правительству типа

директории. Тем необходимее для России в момент всеобщего развала и тяжких опасностей организовать верховную власть, ограниченную только великими национальными целями, единодушно признаваемыми, и неустранимой обязанностью дать ответ будущему Учредительному собранию. Всякая ответственность перед каким-либо другим собранием приводит фактически к безответственности перед собранием Учредительным. Признаем только ответственность делового кабинета перед директорией, чем гарантируется соответствие деловой политики общим политическим целям. Поэтому отстаивайте решительно пункт первый инструкции, воздействуйте на единомысленные группы, подготовляйте мысль, что острота положения повелительно диктует необходимость воспользоваться для спасения России тем организованным, сложившимся, успешно работающим правительством, которое управляет государством всероссийским от Урала до Тихого океана и которое выполняет здесь всероссийские задачи. № 72.

Предсовмин Вологодский.

Телеграмма.

Омск, предсовмину. Принята 18/IX 1918 г. Из Харбина. № 001265. Подана 18/IX.

Уфа, Госсовещание, министру Серебренникову, копия — Омск, предсовмину.

В Харбине укрепилась высказанная точка зрения, что при сложившихся международных условиях немедленно должна быть организована всероссийская власть с готовым рабочим аппаратом, но на следующих условиях: первое — Сибирская директория пополняется тремя лицами по указанию Госсовещания, становится властью всероссийской; второе — сибирские министерства становятся министерствами всероссийскими.

Предсовмин Вологодский.

Разговор по прямому проводу министра финансов И. А. Михайлова (Омск) с начальником Главного управления почт и телеграфов Мироновым (Уфа). 18—19/IX.

Миронов.— Доброе утро, И. А. Говорит Миронов. Вот вопросы:

1) Предлагаем выставить в члены директории Вологодского, Михайлова, Серебренникова, Флуга.

2) Согласны ли вы выставить свою кандидатуру в члены директории? Ответ дайте сейчас, если можно.

3) Состоялся ли указ об увольнении министра юстиции Патушинского?

Михайлов. — Положение таково: прибыли Крутовский, Шатилов. Крутовский вступил в обязанности заместителя предсовмина. Вчера в заседании административного совета я поставил вопрос о личных кандидатурах. Крутовский заявил, что ни административный совет, ни наличные министры не правомочны решать этот вопрос и могут ответить лишь, посовещавшись с президиумом думы; полагаю, что вы таким образом оставлены без инструкции и можете действовать самостоятельно; но в случае, если бы моя кандидатура была выдвинута, я согласился бы только в случае приличного состава прочих членов директории, и, разумеется, не тех, которых предлагает Самара. Кроме того, второе мое условие: пребывание директории в Омске. Здесь положение напряженное.

Как вы помните, Патушинский подал прошение об отставке только после разъезда министров. Административный совет не имел права увольнять его теперь, он заявил о своем возвращении. Кроме того, Крутовский прос...[1]) и намерен ввести его в министры. Патушинский еще не был, здесь возможны острые конфликты. Все.

Миронов. — Состав директории приличен, будет обеспечен. Будьте сегодня дома, дабы вас можно было бы вызвать к прямому проводу во всякое время. Я имею возможность здесь получить провод вне всякой очереди. Разговоры ведите из конторы через старших по аппарату. Предполагаем вызвать вас часа[1]).

Разговор по прямому проводу заместителя председателя совета министров И. А. Михайлова (г. Омск) с управляющим военного министерства г.-м. Ивановым-Риновым (г. Уфа). 19/IX 1918 г.

Михайлов. — Что можете сообщить о совещании и о том вопросе, который мы вчера вам поставили?

Иванов. — Здравствуйте, Иван Адрианович. О совещании могу сказать, что власть будет сконструирована, вероятно, сегодня или завтра. Необходимость скорейшего создания власти благодаря обстоятельствам на Востоке удесятерилась.

Считаю самым важным: во-первых, немедленное создание члена директории военного с правами верховного главнокомандующего, каковым является Болдырев, и во-вторых, немедленное продвижение в директорию Вологодского с полномочиями вести переговоры с союзниками и подписать князю Львову верительную грамоту от имени Всероссийского правительства. Это самое главное. Что же касается поставленного мне вчера вопроса, то обсуждал его отдельно с Болдыревым и Павлу. Общие выводы установлены следующие: 1-е, очевидно, желание Гайды стать командующим сибирской армией совершенно не приемлется Чешским национальным советом и является бедствием для русских военных национальных интересов. 2-е, обстановка на Дальнем Востоке тяжелая, но не безнадежная. Уже появление там делегации Сибирского правительства внесло некоторое успокоение, а будущее выступление П. В. Вологодского от лица всероссийской власти, несомненно, сделает больше, чем осуществление проекта с генералом Гайда. 3-е, совершенно очевидно, что местная паника на Востоке сильно повлияла на психологию делегации нашей, а переоценка положения на Западе создала ложное представление об общей государственной конъюнктуре. 4-е, Сибирское временное правительство не правомочно на издание указа о назначении чешского генерала командующим сибирской армией, причем полагаю, что издание такого указа неминуемо вызовет конфликт с Чешским национальным советом. 5-е, как выяснил программу ген. Болдырев, указ Сиб. временного правительства о назначении ген. Гайда командующим сибирской армией будет истолкован как тяжкий удар, нанесенный делу воссоздания российской вообще армии, и неминуемо поставит Сибирское правительство [?] с будущим верховным главнокомандующим. 6-е, я считаю также передачу командования сибирской армией генералу Гайде как обстоятельство, гибельное для сибирской армии, и если бы эта передача состоялась, просил бы одновременно освободить меня от всех ныне занимаемых мною должностей. Пока все.

[1]) Пропуск в подлиннике.

Михайлов. — Не мог ли Чешский национальный совет довести до сведения Вологодского и генерала Гайда? 2-е. Какое мнение по этому вопросу Серебренникова? 3-е. Каков предполагаемый состав директории?

Иванов. — Чешский национальный совет сейчас делает все распоряжения по аннулированию намерений ген. Гайда, но я передам сейчас же Павлу ваши пожелания о его сношении с Вологодским. 2-е, мнение Серебренникова я попрошу изложить особой срочной телеграммой за его подписью. 3-е, приблизительными предполагаемыми кандидатами в состав двух членов директории Чайковский с немедленным вступлением вместо него Серебренникова и Аргунова или Авксентьев. Три члена директории стоят незыблемо: Вологодский, Астров, Болдырев. Но до прибытия Астрова назначается Вострогин, который усилит П. В. Вологодского на Востоке. По поручению члена высшего совета снабжения от чехов Шина сообщаю просьбу совета передать чешскому интенданту из их счета три миллиона рублей. Ответьте сейчас, будет ли это сделано?

Михайлов. — Это будет сделано, если нам будет прислана соответствующая телеграмма с заверенными подписями. Что касается списка директории, то он кажется мне менее удовлетворительным, чем вчерашний, так как Сибирь будет представлена лишь одним местом. Полагал бы желательным провести Серебренникова постоянным членом. Что касается кандидатуры Гайда, то свое мнение о ней, вполне совпадающее с вашим, сегодня же сообщу Вологодскому. Теперь примите весьма важную телеграмму, шифр которой известен Серебренникову, но до передачи этой телеграммы с вами желает говорить г.-м. Матковский. Пока до свидания.

Телеграмма.

Омск, наштарм Сиб. Из Санчахе, № 72 272 18 17 45.
Получена 20 сентября в 16 час. 10 мин.

19 сентября от Санчахе. Настроение нашей делегации твердое: ни Хорват, ни Дербер силы, видимо, не имеют. Наше влияние в Харбине, пока слабое, однако легко усилить. Все поехали во Владивосток. Я—в Пекин с целью выдвинуть идею Сибирского правительства как всероссийского. Полагаю кандидатуру Алексеева в директорию лучше Деникина, о Хорвате запросите предсовмина. Вопросы снабжения уже мной подняты; необходимо, чтобы кто-нибудь из трех приехал сюда с целью поднятия престижа Сибармии. В Токио колебания. Японцы пока двигаются, очевидно, на фронт. Необходима твердость в Уфе, Омске. Три дня буду в Пекине, затем во Владивостоке. Передайте Инспартарму. № 94.

Головачев.

Разговор № 1 по прямому проводу Крутовского с управляющим делами Гинсом 20 сентября.

— У аппарата министр Крутовский и министр Михайлов. Управляющий делами будет с вами говорить, можно ли?

Министр Крутовский. — Пожалуйста.

Гинс. — Здесь во Владивостоке население и печать проявляют большой интерес к Сибирскому правительству, сведений о котором было недостаточно; корреспонденты осаждают поезд; общее настроение, видимо, сочувственное; наиболее доверчивы буржуазные круги, подозреваю тождество омской и владивостокской групп по направлению, определенно

указал это председатель Дальне-восточного комитета Александров, посетивший председателя еще в Харбине; объяснения, данные делегату Александрову, повидимому, выбили из его рук оружие, он ушел с заботой, главным образом, о судьбе отдельных лиц. Востротин также посетил председателя, выслушал делегацию, проявил готовность итти навстречу намерениям правительства. Лавров встретил поезд в Никольск-Уссурийске, в присутствии делегации земства, города, жел.-дор. рабочих заявил о глубокой радости происшедшей встречи, кончил фразой: «Мы признаем с настоящего времени существование только одного правительства, возглавляемого Вологодским». За три дня до нашего приезда владивостокская группа опубликовала сообщение о предстоящем объединении правительства и в связи с этим о своем отъезде в Томск. Во Владивостоке группа устроила торжественную встречу, было много народу, после приветственных речей предсовмин сказал: «Сибирь очищена от большевиков, но не изжила мучительных дней тяжелой борьбы за честь, независимость и благополучие государства, предстоит много работы и бороться и нужно единение и умение несмотря на усталость». В ответ на любезную встречу предсовмин съездил в помещение правительства, где пробыл минут 10. Сегодня весь день ушел на прием и доклад Гайда, адмирала Колчака, профессора Мендрина, председателя коллегии чиновников, державших нейтралитет, затем русских дипломатических чиновников, прикомандированных к разным миссиям, и, наконец, на беседу с владивостокской группой, которая признала целесообразность облегчить правительству и делегации без того трудное положение своим уходом с политической сцены. Завтра утром предполагается подача прошений об отставке; благодаря этому состав нашего правительства остается неизменным, а политический принятый курс не потерпит колебаний. Завтра предстоят новые ответственные шаги; утвердительный ответ наш облегчит тяжелые задачи. Как характерную частность, могу передать намерения союзников организовать здесь наемную армию, экстерриториальную иностранному командованию; во всем проявляется недоверие к способности русского народа создать своими силами государственность; дрязги на Дальнем Востоке укрепили это недоверие; нам предстоит его развеять. Шлю привет, жду решения вопроса.

Министр Круговский. — Тема еще не расшифрована, ответ дадим немедленно. Прошу меня выслушать. Прошу председателя объяснить, чем вызвана телеграмма о роспуске думы. Ни здесь, ни в Томске этого вопроса не поднимали; прошу также сообщить мне мнение председателя о сибирских кандидатах в Уфу. Мы думаем, что кандидаты должны быть названы по соглашению совминов и президиума думы; из Уфы требуют скорого ответа, также, чем объяснить инцидент грубый с делегацией думы. Председатель думы просит ответа, когда председатель может переговорить с Якушевым, можете ли мне сейчас ответить на мои вопросы?

Гинс. — Да, постараюсь ответить. 1) Председатель телеграфировал не о роспуске — о перерыве работы думы, основываясь, во-первых, исчерпанием программы пленарных заседаний, переходом к затяжной комиссионной работе, затем сведениями о недостаточности числа депутатов, что способствует еще дальнейшему подрыванию престижа думы; затем по существу, опасением, что в момент чрезвычайно сложных, запутанных обстоятельств, может быть, более осложнится обстановка в случае прибытия в Томск быв. министров Восточной группы и в связи с этим

сравнительной оценки политики; далее имелись сведения, что дума послала во Владивосток телеграмму, подчеркивающую равноправность обоих групп правительств, что могло создать нежелательное столкновение, так как предвиделась большая целесообразность ухода владивостокской группы.

2-й вопрос. Телеграмму о кандидатах получил только что, еще не докладывал, но первые четыре имени у нас назывались, поэтому полагаю, ответ будет положителен; мы считали лишь целесообразным включение только одного военного известного генерала или казака.

3-й вопрос. Желание задержать делегацию создалось под впечатлением уфимских сообщений министра Серебренникова о расхождении делегаций правительственной и думской — их основных заявлений; вызвала также недоумение неожиданность делегации, о которой ничего не сообщалось; наконец, председателю казалась странной таинственность командировки на Восток Никонова, местопребывание которого нам сейчас неизвестно. Непонятны были также мотивы делегации, а именно: информация думы. Ни один парламент не посылает на казенный счет депутатов в качестве корреспондентов.

4-й вопрос. Время переговоров с Якушевым, полагаю, может быть назначено не ранее, чем через два дня, так как завтра и послезавтра дни целиком расписаны; Петр Васильевич сваливается с ног. Я кончил.

Министр Крутовский. — Думаем посовещаться, ответ дадим завтра. Прошу по делам совета министров сноситься непосредственно со мною. Можете ли подождать у аппарата?

Гинс. — Ну, конечно, ждем.

Телеграмма во Владивосток предсовмину Вологодскому. Копия — Уфа, Серебренникову. 21 сентября 1918 г.

В дополнение моей вчерашней телеграммы, сообщаю вам о заседании 21-го. Адмсовет нашел действие начальника гарнизона неправильным, постановил освободить Крутовского, Шатилова, Якушева[1]), но, вместе с тем, считает, что после всего происшедшего возвращение к политическому руководительству страной этих лиц немыслимо и грозило бы тяжелым потрясением; поэтому адмсовет постановил освободить Крутовского, Шатилова, согласно прошений, от занимаемых должностей впредь до окончания рассмотрения вопроса советом министров; такое же решение принято в отношении Патушинского, который имел прибыть в Омск. Вместе с тем, стремясь решительно не допустить нарастания смуты в связи с происшедшим и согласно телеграмм предсовмина, адмсовет постановил прервать занятия Областной думы и ее комиссий. В тех же целях воспретили печати оглашать сведения об аресте министров [?] Якушева. Прошу министров от имени административного совета, своего лич-

---

[1]) 20(7) сентября на заседании Сибирского правительства министры Крутовский и Шатилов выступили против деятельности административного совета. 21(8) они были схвачены казачьим отрядом полковника Волкова и подали заявление о выходе из состава правительства. Схваченный вместе член Сибирского правительства Новоселов был убит.

Этим актом Сибирское правительство выбросило из своего состава с.-р. крыло, и власть всецело перешла к группе И. Михайлова, стремившейся к установлению единоличной диктатуры, уничтожению всех областных правительств и созданию общероссийского правительства буржуазной диктатуры.

но и генерала Иванова оказать содействие разрешения трудного положения. № 56.

Михайлов.

Разговор по прямому проводу заместителя председателя совета министров И. А. Михайлова (Омск) с председателем совета министров (Владивосток) 22 сентября 1918 г. омского времени.

Указывается из Владивостока, что с разрешения японцев предоставлено для разговора по прямому проводу только 50 мин. Затем передается следующая записка председателя совмина Вологодского.

«До прихода министра финансов прошу передать следующее: прошу сообщить личное мнение каждого министра [о] выдвинутой кандидатуре. В дополнение переданного управделами сообщения — кандидатура выдвинута на совещании военных представителей генералов Пепеляев, Вишневского, других. Выбор главковерха политическим совещанием нас не должен связывать. Национальный совет непричем. Союзники, кроме Японии, одобряют Хорвата, побороть нельзя, пока не будут вывезены его войска. Это может сделать только указачный кандидат. Повторяю решительно, что отклонение кандидатуры считаю полным крахом в смысле достижения, реальной помощи союзников. Теперь о Хорвате — упорство необычайно, настойчиво требует включения в состав Всероссийской директории и Сибправительства; мы как крайнюю уступку считаем оставление Хорвата на Дальнем Востоке в качестве генерального комиссара от правительства. Сообщите ваше мнение по обоим вопросам. Предсовмин Вологодский».

Михайлов. — Получили ли вы отправленную мною вчера шифрованную телеграмму чрезвычайной важности относительно выхода в отставку Крутовского и Шатилова?

Вологодский. — Нет, еще не получили.

Гинс. — Можно ли рассчитывать на принятие тех 5 кадидатов, которых наметил Серебренников? Как к этим кандидатам отнесся Омск? Какого мнения Омск по вопросу о предоставлении российской власти сибирского аппарата [?] управления министерств? Известен ли уже главковерх? Какого мнения Омск по существу выдвинутой нами кандидатуры командарма? Жду ответа.

Михайлов. — В Уфе список, вероятно, пройдет умеренный, без включения самарцев. Единого мнения в Омске не было. Крутовский и Шатилов полагали, что ни делегация, ни совмин не могут намечать кандидатов без согласия президиума думы. Передачу аппарата они не допускали. Главковерхом будет Болдырев. Кандидатура командарма, вами выдвинутая, не встречает поддержки вследствие иностранного подданства и нежелания ставить главковерха перед совершившимся и непоправимым фактом. Но сейчас для нас чрезвычайно важен ответ на шифровку, которую сейчас вам передадим.

Предсовмин был сегодня у французского посла. Встретил чрезвычайно доброжелательно, проявивши искреннюю дружбу, хороший совет. Японцев просили начать завтра деловые переговоры. Неожиданно малопонятно отношение Америки. Головачев в Пекине. Привезет оттуда подробные информации. Предполагается поездка в Токио, где информация поставлена крайне неудовлетворительно. С одной стороны — Дербер, Аркадий Петров, с другой — правый Митаревский, там впечатление непре-

кращающейся борьбы. Прошения об отставке кабинета Лаврова все вручены. Завтра начнется прием дел. Переговоры с деловым кабинетом носят дружественный характер. Однако есть разноречия, о которых сообщаю шифром, в переданной записке. Сейчас к аппарату прибыл Вологодский. Интересуется шифровкой. Поспешите передать.

Михайлов. — Примите ответ на вашу записку. Относясь отрицательно к намеченной вами кандидатуре, согласен передать вопрос на ваше окончательное решение с просьбой, чтобы спокойно были учтены все обстоятельства и не застилала глаз восточная анархия, неосведомленность союзников и политические осложнения. Все это пройдет, а назначение, вами предполагаемое, отменить будет уже невозможно, так как кандидат явно несменяем, национально и политически чужд. Что касается Хорвата, то в директорию, он, повидимому, не пройдет. На восточное комиссарство согласен. Полагаю возможным и включение в Сибирское правительство, но это зависит от конъюнктуры, которая вам виднее.

Разговор по прямому проводу министра финансов И. А. Михайлова (Омск) с губкомиссаром Гатенбергером (Томск) в 19 час. 22 сентября.

— У аппарата губернский комиссар. Сегодня ночью между 12 и 1 ч., после того, как было объявлено президиуму думы о перерыве занятий думы, состоялось заседание думы, на котором постановлено: признать административный совет аннулированным и членов совета предать суду. Образовался и выбран исполнительный комитет, в состав которого вошли: президиум и по 2 члена от каждой фракции; пока знаю фамилии Таракановой, Павла Михайлова, Капустина; по слухам, Павел Михайлов избран диктатором. Необходимо произвести аресты комитета, президиума, краевого комитета партии соц.-революционеров и некоторых деятелей профессиональных союзов, нужны санкции правительства; телеграф, телефон и газеты под наблюдением и цензурой. Жду распоряжений.

Михайлов. — У аппарата заместитель председателя совета министров Иван Михайлов. Приказываю вам не прибегать к огульным репрессиям, немедленно арестовать всех главарей и зачинщиков. Уполномочивая вас на самые решительные меры, в зависимости от обстановки, всю ответственность в случае промедления или нерешительности возлагаю на вас. Телеграфируйте о ходе событий. Михайлов.

Гатенбергер. — Будет исполнено. Прошу подтвердить шифрованной телеграммой.

Михайлов. — Каково настроение фракций, областников и беспартийных?

Гатенбергер. — Областники участия в этом заседании не принимали, их не приглашали, а беспартийные и областники на стороне правительства. Не можете ли информировать меня, здесь циркулируют в населении самые невероятные слухи, будто бы в Омске арестованы некоторые министры, а вами, вместе с Ивановым и Гришиным-Алмазовым, объявлена диктатура?

Михайлов. — Положение здесь таково: министры Крутовский и Шатилов подали прошения об отставке и административным советом освобождены от своих обязанностей впредь до рассмотрения прошений советом министров. Никаких иных изменений состава или организации власти не произошло. В Уфе сегодня окончательно избрано Всероссийское правительство в составе Вологодского, Астрова, Болдырева, Авксентьева и

Чайковского. Во Владивостоке дербероvская группа отказалась от власти и сдает дела Вологодскому. Вот все. Мои распоряжения выполните немедленно, не ожидая шифровки, которую вы получите ночью. Каковы настроения томских кругов вообще?

Гатенбергер. — Фракции эсеров и меньшевиков, которых 8 человек, резко враждебны правительству, принимают решительные меры для подготовки борьбы, ведется усиленная агитация.

Михайлов. — До свидания.

Гатенбергер. — До свидания.

Телеграмма.

Омск, предсовмину Михайлову. Из Уфы от Миронова. Принята 22/IX 1918 г.

По поручению Серебренникова, 1) не откажите сообщить положение дела в Омске. По мнению Серебренникова, Новоселов как лицо, принадлежащее к правительству Дербера, не может быть допущен к должности в Сибирском врем. правительстве. 2) Патушинский, подавший официальное прошение об отставке, тоже не может вступить в управление. 3) Просим подробно информировать о случае с Крутовским, Шатиловым и Якушевым. Переговоры о создании власти продолжаются. Вот и все пока.

Телеграмма.

Омск, командиру Сибирской армии ген. Матковскому. Из Уфы. Получена в 19 час. 15 мин.

23 сентября. Уфа. Работы Государственного совещания приходят к концу. Пятерку составят, повидимому, генерал Болдырев, Астров, Вологодский, Авксентьев и Чайковский. Заместителем генералу Болдыреву будет генерал Деникин. Генерал Болдырев, по всей вероятности, будет пользоваться правами верховного главнокомандующего, как единственный военный представитель пятерки. По военным вопросам предстоит еще особое совещание, которое выяснит общую организацию всей русской армии. № 00128/оп.

Генерал Белов.

Телеграмма.

Омск. Штарм Сиб. Из Владивостока. 22/IX. Копии — Уфа, вокзал, поезд командарма Сиб., капитану Гайко.

21 сентября. Владивосток. Сегодня представлен был на крейсере «Бруклин». Уполномоченный американского правительства мистер Морис сообщил следующее: американцы прибыли исключительно помочь чехам. Сибирского правительства не признают. Вести переговоры будут только с Всероссийским правительством. Американский десант, может быть (подчеркнуто уполномоченным), будет отправлен западный [?] лишь по соглашении с ген. Гайда. Вопрос будет решен в ближайшие дни. Америка сохраняет за собой полную свободу действий, предоставляя [?] таковую Сибирскому правительству. Американцы так много направили на запад, что на востоке людьми и припасами помогать не могут. Успешное продвижение американцев на западе не дает германцам действовать активно на востоке. № 0153/Б.

Капитан Березин.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авксентьев, Н. Д. (р. 1878), правый с.-р., член ЦК. Активный враг диктатуры пролетариата. После Февральской революции председатель Всерос. центр. исполнительного комитета крестьянских депутатов; после июльских дней — министр внутренних дел. Член «Союза возрождения». Руководитель Уфимского совещания и член Уфимской директории.

Александров — председатель Дальне-восточного комитета.

Аргунов, А. А. (р. 1866), правый с.-р. Кандидат в члены Уфимской директории. С 1918 г. в эмиграции. Активный враг диктатуры пролетариата.

Астров, Н. И., кадет, бывший московский городской голова. Член контрреволюционных организаций «Национальный центр» и «Союз возрождения России». Член Уфимской директории.

Болдырев, В. Г. (р. 1875), генерал. После Октября руководитель военного отдела «Союза возрождения России». Член Уфимской директории и главнокомандующий ее войсками.

Брешко-Брешковская, Е. К. (р. 1844), старейший член партии с.-р. (принадлежала к крайнему правому крылу). Непримиримый враг советской власти, организатор и участница борьбы против диктатуры пролетариата.

Брушвит, с.-р., член Комитета членов Учредительного собрания (Комуча) в Самаре.

Веденяпин, М. А. (р. 1879), правый с.-р., член ЦК. Управляющий ведомством иностранных дел в правительстве Комуча. В 1922 г. судился по процессу правых с.-р. и был приговорен к 10 годам заключения со строгой изоляцией.

Волков, С. А., редактор «Вестника сибирской правды».

Востротин, С. В. (р. 1864), золотопромышленник, енисейский городской голова, член III и IV Госуд. думы. В период гражданской войны член «Делового кабинета» правительства Хорвата.

Гайда Рудольф (р. 1892), чехо-словацкий офицер, бывший фельдшер. Командовал частями восставших чехо-словаков. Был командующим одной из белых армий. В ноябре 1919 г. пытался в союзе с с.-р. организовать переворот во Владивостоке. После неудачи уехал на родину, где занимал ряд крупных постов в военном ведомстве. Ныне — глава чехо-словацких фашистов.

Галкин, полковник, начальник штаба «народной армии» в Самаре, затем генерал, занимал ряд командных постов в колчаковской армии.

Гатенбергер, томский губернский комиссар при Временном правительстве и Сибирском правительстве; министр внутренних дел в колчаковском правительстве.

Гинс, Г. К., профессор Омского сельскохоз. института, при Колчаке главноуправляющий делами верховного правителя и совета министров и председатель Государственного экономического совещания.

Головачев, М. П., приват-доцент, товарищ министра иностранных дел Сибирского правительства.

Гришин-Алмазов, А. Н., офицер царской армии. После Октября — организатор контрреволюционных групп в Сибири. Военный министр Временного сибирского правительства. За выступление против союзников был уволен и откомандирован к Деникину. Во время французской интервенции был одесским градоначальником. При попытке вернуться в Сибирь был задержан и застрелился (май 1919 г.).

Дербер, П. Я., с.-р., организатор восстания против советской власти в Сибири. Член правительства и руководитель к.-р. движения на Дальнем Востоке в 1918 году.

Зензинов, В. М. (р. 1881 г.), член ЦК партии с.-р., член Комуча и кандидат в члены директории.

Иванов-Ринов, П. П., бывший исправник. После Октября активный деятель белогвардейских организаций в Сибири. Военный министр Временного сибирского правительства. При Колчаке атаман Сибирского казачьего войска.

Капустин, А. М., член Сибирской областной думы от главного комитета Омской железной дороги.

Колосов, Е. Е., с.-р., деятель «Союза возрождения России».

Колчак, А. В. (1873—1920), адмирал, диктатор Сибири в период гражданской войны.

Кроль, М. А. (р. 1862), с.-р., член Сибирской областной думы и Уфимского совещания. С 1919 г. в эмиграции.

Кроль, Л. М., член Уральского правительства. Член партии к.-д., член Госуд. экон. совещания при Колчаке, эмигрант.

Кругликов, А. А., с.-р., член Уфимского совещания и управляющий делами директории.

Кругликов, В. М. (р. 1856), врач. Председатель 1 Областного сибирского съезда, член Сибирской областной думы, министр внутренних дел Временного сибирского правительства.

Лавров, К. П., бывший председатель иркутской казенной палаты. Председатель совета министров так наз. «правительства автономной Сибири».

Лебедев, Д. А., полковник, представитель Деникина у Колчака, затем начальник штаба главнокомандующего и военный министр.

Львов, Г. Е. (1861—1925), князь, председатель совета министров в первом и втором Временном правительстве в 1917 г.

Маслов, П. П. (р. 1867), меньшевик, профессор-экономист.

Миронов, член Сибирской делегации.

Михайлов, И. А. («Ванька Каин»), министр финансов Сибирского правительства, председатель административного совета.

Михайлов, П. Я., с.-р., член Западно-Сибирского комиссариата и Временного сибирского правительства.

Матковский — ген.-майор, врем. управл. военным министерством Временного сибирского правительства.

Моисеенко, Б. Н., с.-р., секретарь съезда членов Учредительного собрания.

Моррис, П., американский посол в Японии, командированный в Омск президентом Вильсоном вместе с генералом Гревсом.

Никонов, С. П., профессор Томского университета, юрист, член Сибирской областной думы.

Новоселов, А. Е., с.-р., областник, министр внутренних дел Временного сибирского правительства.

Павлов, В. Е., с.-р.

Павлу, Богдан, доктор, член Чешского национального комитета.

Патушинский, Г. Б., областник, министр юстиции Временного сибирского правительства.

Пепеляев, А. Н., офицер царской армии, после Октября — белый генерал. Организатор контрреволюционного восстания в Омске (май 1918).

Пепеляев, В. Н., член ЦК партии к.-д., член IV Госуд. думы. После Октября — член «Национального центра». При Колчаке — директор департамента милиции, министр внутренних дел и, наконец, премьер-министр. Расстрелян в 1920 г.

Петров, А., профессор, министр по делам национальностей Врем. сибирского правительства.

Пумпянский, с.-р.

Путилов, А. И., финансист, член «Делового кабинета» правительства Хорвата.

Сапожников, В. В., профессор и ректор Томского университета, участник Уфимского совещания, кандидат в члены директории, член административного совета Временного сибирского правительства; после колчаковского переворота вышел из состава правительства. Умер в 1924 г.

Серебренников, И. И., министр Временного сибирского правительства.

Старынкевич, С. С., с.-р., министр юстиции Уфимской директории и при Колчаке.

Тараканова, меньшевичка, член Сибирской областной думы.

Тимофеев, Е., член ЦК партии с.-р.

Хорват, Л. Д., генерал, управляющий Китайско-Восточной жел. дорогой. В 1918 г. провозгласил себя «временным правителем» и образовал «Временное правительство всей Руси». При Колчаке его верховный уполномоченный в Манчжурии.

Чайковский, Н. В. (1850—1926), народный социалист. Глава Северного правительства в Архангельске и член деникинского правительства.

Шатилов, М. Б., министр Временного сибирского правительства.

Якушев, И. А., председатель Сибирской областной думы.

Яншов, Е. Е., секретарь Уфимского совещания.

Флуг, корниловский эмиссар. Был послан в Сибирь для организации офицерских заговоров против советской власти. После чехо-словацкого восстания остался в Сибири на Дальнем Востоке. Крайний правый.

Из дневника Л. Тихомирова

1907 г.

Публикуемые нами страницы из дневника Л. Тихомирова относятся к 1907 г., к периоду расцвета столыпинского режима «военного террора», с его усиленными и чрезвычайными охранами, арестами без конца, военно-полевыми судами, карательными экспедициями, расстрелами. «Контрреволюция собралась с силами и она поступает вполне правильно с своей точки зрения, ломая конституцию (которой могли верить только наивные кадеты)», — писал Ленин, характеризуя этот период. «Люди реакции — не чета либеральным Балалайкиным. Они — люди дела. Они видят и знают по опыту, что самомалейшая свобода в России ведет неизбежно к подъему революции. Они вынуждены поэтому итти все дальше и дальше назад, разрушать все больше и больше октябрьскую конституцию, задвигать все больше всякими заслонками приоткрытый было политический клапан. Нужно все безграничное тупоумие российского кадета или беспартийно-прогрессивного интеллигента, чтобы вопить по этому поводу о безумии правительства и убеждать его встать на конституционный путь. Правительство не может поступать иначе, отстаивая царскую власть и помещичьи земли от прикрытого, придавленного, но не уничтоженного напора снизу» [1]).

Л. Тихомиров в своем дневнике касается всех важнейших событий, происходивших в стране в этот период «военного террора». Порвавший навсегда со своим революционным прошлым, посвятивший многие годы оплевыванию прошлого и защите «исконных начал» — православия и самодержавия — на страницах черносотеннейших церковно-елейных «Московских ведомостей» Тихомиров в своем дневнике дает много интересного для характеристики эпохи, попутно сообщая любопытный материал, позволяющий понять ту гнуснейшую политическую «эволюцию», которую он проделал от редакции «Вестника Народной воли» до редакции «Московских ведомостей», мундира чиновника министерства внутренних дел при Столыпине и почетного члена «Русского монархического собрания».

В дневнике Тихомирова нашли свое отражение и выборы во II Госуд. думу, и убийство Иоллоса, и история с бомбами в квартире Витте, и новый разгон Думы, и рабочее движение в России того времени, и деятельность черносотенцев, и попытки воскрешения зубатовщины в рабочей среде, и «толчея» в правительственных сферах в поисках выхода, и работа камарильи, управлявшей страной. Все это дано, разумеется, в своеобразном «тихомировском» освещении.

Связанный по своему положению официального публициста-монархиста с широкими кругами бюрократии и дворянства, Тихомиров дает довольно много сведений о настроениях самых разнообразных элементов из правящих сфер и о различных проектах выхода из того тупика, в котором очутилось самодержавие на другой день после «победы, одержанной над революцией 1905 года. Сам Тихоми-

---

[1]) Ленин. Сочинения, т. X стр. 211.

ров чутко прислушивавшийся к кругам, с которыми он был связан, характеризует общее положение в самых мрачных красках:

«Что сулит, по человеческому рассуждению, 1907 год? — спрашивает Тихомиров в канун нового года и отвечает: «Ничего хорошего. Если не будет бурного кризиса, революции, то будет медленное гниение»... «Уж хоть бы скорее кончилась эта агония! — пишет он дальше. — Правда, в 1791 году смерть старого режима потребовала 3—4 лет. Но теперь все происходит более быстро, и история могла бы не копаться так несносно». «Государства не существует, оно только взимает деньги для прожития и воровства своих «служащих», но никакой пользы не приносит». Говоря о забастовке в Баку, Тихомиров пишет: «Что это за губители России сидят в правительстве! Как можно было допустить такую подлую забастовку, против которой нужно двинуть войско в десять раз энергичнее, чем против какой-нибудь Японии! И какой позор, что Россия не умеет переменить такое правительство! Очевидно, все сверху сгнило. Но страшно подумать, во сколько миллионов жизней обойдется революция разлагающейся страны, прежде чем выдвинутся, наконец, достойные правители».

Тихомиров ярко отражает паническое настроение среди правительственных кругов и тех, кто их поддерживал, в связи со стачечным движением 1907 года в Москве: «Очевидно, готовится крупное восстание. В университете сходки по 5 000 человек, из которых половина рабочих. Стачки разрастаются. Начальство ссорится между собой. Ни судебное ведомство, ни генерал-губернатор не хотят поддержать градоначальника... Последний мрачен и предвидит нечто страшное». И далее: «Настроение рабочих вообще в союзе графиков самое революционное и социалистическое. У них очень распространена уверенность, что рабочие «возьмут в руки все средства производства». «Революционеры, видимо, готовятся к новому удару. Слухи о забастовках, о подготовляемых взрывах железнодорожных мостов для всеобщей остановки движения. На Волге тоже распространяется забастовка судовых команд. Слухи о том, что готовится повсеместное избиение «реакционеров». «Вообще ведется подготовление к окончательной революции... Если не лето, то осень должна быть моментом решительных событий...».

Выхода из положения не видит ни сам Тихомиров, ни его многочисленные собеседники и корреспонденты, — все эти Киреевы, Олсуфьевы, Нейдгардты, Павловы, Суворины. Черносотенные организации в изображении Тихомирова совершенно беспомощны. Они полны «внутренних разноречий и противоречий, которые очень искусно замазаны, закрашены одним цветом, но и только». Один из черносотенных вождей Доррер заявляет в беседе с Тихомировым, что уедет за границу! «Его предки эмигрировали в Россию при падении Бурбонов. Он хочет эмигрировать из России при падении Романовых».

В статье с подзаголовком «Кому выгодны сказки о черносотенной опасности?» Ленин писал: «Социал-демократы революционного направления давно уже указывали, что сказки о черносотенной опасности умышленно выдумываются и распространяются кадетами, которые хотят отдалить от себя опасность слева. Социал-демократов не слушали. Либеральная печать хором кричала и кричит о черносотенной опасности. Мелкобуржуазные радикалы, народники наивно вторили либералам. Оппортунисты социал-демократы тоже плелись за либералами и опускались иногда (как, напр., в Петербурге) до прямого штрейкбрехерства по отношению к пролетариату»... «Черносотенная опасность на голосованиях есть сказка, пущенная в ход кадетами, которые за спиной народа торгуются со Столыпиным» [1]).

[1]) Ленин. Сочинения, т. X стр. 341.

«Не смешны ли вопли жалкого, испуганного, малодушного интеллигента о черносотенной опасности на выборах? Не подтвердилось ли блестяще сказанное нами в ноябре (№ 8 «Пролетария»): «своими криками о черносотенной опасности кадеты водят за нос меньшевиков, чтобы отстранить от себя опасность слева?» [1]).

Сам Л. Тихомиров пытается отмежеваться от участия в черносотенных монархических организациях, фактически он — правая рука Грингмута — находится в центре «работы» этих организаций, исполняя обязанности лектора, публициста, автора популярных брошюр и т. д. Благодаря этому он в курсе многих событий внутри монархических организаций.

Большой интерес представляет сообщение Тихомирова о IV съезде «Союза русского народа», о том «скандале», который произошел на съезде в связи с постановкой аграрного (переселенческого) и рабочего вопроса. Оказывается, созванные на этот съезд отобранные и профильтрованные крестьяне потребовали... отчуждения земель («нужно переселить помещиков, давши им пособие, а их земли отдать здесь крестьянам»), а рабочие выставили «требования чисто-социалистические, но в то же время глупо-социалистические, безграмотно-социалистические». «Прямо позор на всю Европу, — пишет Тихомиров по этому поводу, — уж лучше бы принять умную социал-демократическую программу».

Без социальной демагогии в агитационной работе черносотенцам, конечно, трудно было привлечь на свою сторону хотя бы самую ничтожную часть населения. Но все же такой результат демагогии явился совершенно неожиданным для черносотенных заправил из «Совета объединенного дворянства». «Скандал был заглушен» подделкой принятой съездом резолюции. Эта работа была проделана Тихомировым по поручению Грингмута. Сам Тихомиров пишет об этом так: «Единственное средство: отдельными переменами слов довести фразы до фактического изменения их смысла или до придания им полной неопределенности смысла, так, чтобы не было ни глупо, ни умно и чтобы, в сущности, не осталось никакого смысла...»

В записках Тихомирова много отвратительного ханжества, лицемерия, внутренних противоречий, всяческой мути. При всем этом они представляют безусловный интерес для историка еще мало изученного периода «годов реакции».

Публикуемые записки являются продолжением дневника Тихомирова, напечатанного нами в №№ XXXVIII—XLII «Красного архива». В настоящей публикации нами опущены те части дневника, которые относятся к семейным делам автора, а также многочисленные цитаты из газет того времени и письма его корреспондентов. Подлинник хранится в Особом отделе Центрального исторического архива в Москве.

Вл. Максаков.

1907 год.

Канун Нового года. Ну, вот осталось только три часа до 1907 года. Дотянешь ли или не дотянешь эти три часа, а все же 1906 г. почти изжит. Встречал я его очень скверно, провел посредственно. Саша кончил и место нашел. Я сам, хотя и в самом непрочном положении, но не понизился, и если не приобрел серьезных поддержек в жизни, то все же их стало скорее больше, чем меньше. Будущее ничего не сулит, ничего не обеспечивает, серо, очень серо... но поддержал господь, авось, не оставит и впредь!

Что сказать о себе? Вот это не отрадно. Живешь и не наживаешь того разума, для достижения которого дана жизнь. Нет душев-

[1]) Ленин. Сочинения, т. X стр. 370

ного устроения. И вот о чем приходится молиться, и молюсь. Не достигнешь этого без помощи свыше.

Не отрадно и все, касающееся России, и еще важнее — церкви. Поражены пастыри, обезумели овцы, и не видать, не чуется нигде божия посланника на спасение наше. Что в этом отношении сулит, по человеческому рассуждению, 1907 год? Ничего хорошего. Если не будет бурного кризиса, революции, то будет медленное гниение. Не вижу данных на «мирное обновление». Есть, может быть, шансы на усталость и разочарование всех во всем. Отсюда может возникнуть мирное прозябание и гниение... Но ведь это еще хуже, чем революция.

Послал Владимиру Андреевичу и Любови Дмитриевне не то что «поздравление» (потому что с чем же поздравлять), а пожелания по возможности лучшего... В ответ получил тоже невеселые пожелания... Да и что сказать иного?

У нас весь дом и вся прислуга уходят на полуночное молебствие... Остаемся мы одни с Катей... По нынешним то «рукивверхним» временам!... Положим, револьвер заряжен, да тоже и это не очень то весело...

Январь. Утро. В № 1 «Московских ведомостей» моя передовая... Долго я не мог узнать: моя или не моя? До такой степени переделана, со вставкой половины новых мест, с выкидкой моих.... Ну, ладно. По отдельным фразам узнал, что моя... С «гонорарной» точки зрения эта отчаянная «правка» ничего не изменяет[1]).

Вечер. Ну, мой подарок к «Новому году». В «Новом времени» напечатана моя статья «Приходский вопрос» (№ 11064). Это против Папковской интриги провести их «нормальный устав» до собора. Послал статью 28 декабря, помещена 31 декабря. Недурно! Единственно неприятно, что поместили как «письмо в редакцию». Ну да господь с ними! Будут возражать и ругаться, но я им всадил стрелу!

2 января. Получено письмо архиепископа Антония Волынского.

Ходил на доклад к Грингмуту: не принял. Еще и не видал его в новом году.

Получил письмо Киреева все о той же стреле моей в «Новом времени».

5 января. Я вожусь с докладом о приходском вопросе (для Монархического собрания). Вчера был Степанов (Филипп) и говорил, что можно будет пустить ходатайство о недопущении проекта IV отдела.

По части политики все больше слышатся голоса, что шансы умеренных растут на выборах. Пожалуй, Государственная дума окажется согласной с идеалами Столыпина, и конституция утвердится в России. «Finis Rossiae»,— пишет Хомяков Кирееву... Что же? Если ни на что более умное неспособна, так туда и дорога. А жаль! Как многое обещала, казалось! Но достаточно было одного слабого монарха, чтобы все разрушилось. Интеллигенция — страшная сила, т. е. вообще высший класс. Всегда и все по своему переделает... Все-таки изумительна такая слабость народной самостоятельности. Скверно то, что даже и церковность так же слаба. Совсем в трубу идет. Изумительная слабосодержательность нации. Я этого все же — сознаюсь — не ожидал: думал, что душа народная сильнее и богаче.

Для марксистов все это очень просто: переменяются условия производства! У поляков то эти условия не убивают патриотизма и наци-

онального самосознания! Да и у нас — стоило явиться Александру III, и национальность проснулась. Нет, это не внешние условия, а внутренняя ничтожность. Все держалось на в е р е. Стала вера расшатываться, и все рушится.

Кстати, в «Миссионерском обозрении» такое извещение:

«В новогодней» январской книжке журнала «Миссионерское обозрение» первою статьею будет напечатано сочинение Льва Александровича Тихомирова под заглавием: «Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира».

Краткое содержание этой статьи таково. I. Несколько вступительных слов. II. О семи периодах мировой истории христианства. III. Характеристика семи эпох мира или тысячелетнего царствования Христа на земле. Четвертая эпоха — Фиатирской церкви. Пятый период — Сардийской церкви. IV. Появление зверя и жены любодейной. 6-я эпоха — Филадельфийская. 7-я эпоха — Лаодикийская. V. О численных сроках конца мира и пришествия антихриста.

9 я н в а р я. Кончил «доклад»... И тоска начинается. Тут у нас была 1½ суток Марья Дмитровна (Носкова, сестра Катина), и уж, конечно, не избежишь разговоров на политические темы. Вся эта неисчислимая, безграничная политическая неразвитость, чисто детское «передовое» сюсюканье — так и встали передо мной, как непроглядная туча тьмы египетской. И ведь почти старуха, и весь век провела в «интеллигентном» обществе!... По душе превосходная женщина... Как подумаешь, что ведь в с е 99/100 — вот как раз такие, охватывает тоска отчаяния. Что можно ждать от таких людей? Что можно делать в таком обществе? Не стоит даже и рта раскрывать... Ничто не пригодно для таких людей, кроме просвещенного деспотизма, но они, понятно, этого не понимают, да притом — этот деспотизм и сам пал до их же уровня...

Несчастная страна, но особенно несчастны те, кто хоть чуточку поразвитее, хоть чуточку более способны к свободному строю!

Русские были идеалистичны. Теперь стали просто ф а н т а з е р ы и б о л т у ш к и. Что можно делать с такими людьми и для таких людей? У меня совершенно руки опускаются.

12 я н в а р я. Пятница. Сегодня был мой доклад на приходской комиссии Монархического собрания — «Современное положение приходского вопроса». Было человек 50. Конечно, желательно было иметь аудиторию получше, но спасибо и за то.

13 я н в а р я. Сегодня я, как избиратель Тверского участка, получил именное объявление из городской управы. П о р я д к о в ы й № 45633, по избирательному списку № 3309.

Итак окончилась моя великая борьба за избирательные права!

14 я н в а р я. Любопытны первые известия газет об избрании в ы б о р щ и к о в: огромное количество «правых» и даже «монархистов». Судя по такому началу, Дума может оказаться смирной и приличной. Нелепейшая из конституций пустит тогда корни, и Николай II докажет, что в России даже слабейший из царей может, т. е. м о г, сделать что угодно... Но вопрос в том, что он будет последним царем в русском смысле. После него Алексею I или II (как его назовут) уже достанется не царская власть, а только императорская. И в о с с т а н о в и т ь порванное развитие русской империи уже некому будет!... Это легче было бы совершить какому-нибудь узурпатору, чем законному наследнику об-

щипанных прав. Узурпатор может взять, что захватит смелая и сильная лапа. Наследник — только то, что не расточил отец.

Исполняется предсказание Александра III: «Я буду последним русским самодержцем»... Проницательно сказано.

Был сегодня впервые за 1907 г. у обедни. Мало богомольцев, и както бессознательно ведут себя: певчие поют: «Тебе поем», а люди из церкви уходят. Очевидно — полное непонимание смысла литургии. Вот нынешний приход — «древняя христианская община» наших реформаторов, Папковых и К°...

Тяжело всетаки. Все земное разбито. Все рушится, что ценил, для чего стоило трудиться. Теперь можно жить «только» небесным... «Только»: пишу это слово, эту фразу, и уже она показывает, как мало я готовился к небесному, как мало места оно занимает в сердце! Значит небесное-то я оценил собственно неожиданно, поскольку оно окрашивало земные формы и земное содержание жизни. Как «юродивая дева», не запас масла, и нечем зажигать светильника при звуках: «Се жених грядет»... Все масло пожег на царей да на народ, а теперь ни царей, ни народа нет, один жених грядет, а в светильнике пустота!

15 января. Был у меня гр. Олсуфьев, Дмитрий Адамович. Ищет себе редактора для «Волги». Совета просит, но сотрудничества не предлагает...

16 января. Получил письмо Бердникова (Ильи Степановича). «Младенцы — епископы», — говорит он... Точно, что младенцы, но тут есть и худшее: готовность отдать что угодно, только бы не бороться, не рисковать, не раздражать врагов... Это похуже «младенчества», и это теперь характерическая черта всех представителей наших «основ».

18 января. Сегодня был с Тернавцевым и Новоселовым и Верой на монархическом собрании. Говорили Грингмут, Павлов и Назаревский (Борис). Последний — бесспорно большой ораторский талант, со способностью возбуждать чувство. Но содержание — довольно бедное. Ну и в технике еще недостатки. Это я его слышу в первый раз. Голос богатый: ясный, далеко слышный.

20 января. Никак не умудрюсь написать своих лекций о социализме. Казалось бы — легко, и писал я уже об этих предметах бесконечно... А не вытанцовывается. Устал, несколько раз писал и рвал... Вообще я, видимо, устал и ослабел.

Вчера, 19 января, мне стукнуло 55 лет! Много прошол пути и мало остается. И вот — поди же: все хочется жить. Как будто и тошно и гадко, а не хочется умирать!... Да и время какое — конец ли России, новая ли жизнь? Хотелось бы узнать раньше, чем помрешь.

Какая-нибудь Жанна д'Арк. Не может этого быть. Вообще ничего не может быть. Даже чуда и то невозможно себе представить. В каком роде может быть чудо? Не может быть никакого.

22 января. Вчера на выборах Московского уезда революционеры одержали полную победу: из 8 выборщиков — 3 социалиста и 5 кадетов! Неужто и в городе будет то же самое? Не легализированы, от Столыпина денег не получают и бьют всех напропалую. Молодцы! Настоящие «стель уорты».

23 января. Сегодня была первая лекция о социализме в Епархиальном доме. Читал сам Анастасий. Голос у него необычайно хорош и побеждает даже нелепую залу Епархиального дома. Содержание же многопредметно, но без хорошо выдержанной общей мысли. Пу-

блики было человек 200—300, по крайней нелепости объявлений, точнее — полному их отсутствию, и по самым странным сложностям получения билетов [2]).

Но как я в состоянии буду говорить в такой ужасной акустически зале? Недоумеваю. Порву себе глотку, и всетаки никто ничего не услышит.

25 января. Сегодня пришли окончательные результаты германских выборов, на которых социалисты потерпели страшное поражение.

Состав нового рейхстага: 105 членов центра, 59 консерваторов, 55 национал-либералов, 43 социал-демократа, 28 свободомыслящей народной партии, 21 имперской партии, 20 поляков, 15 экономического союза. 11 свободомыслящего союза, 10 беспартийных, 8 союза сельских хозяев, 7 немецкой народной партии, 7 эльзасцев, 6 немецкой партии реформ, 1 вельф и 5 датчан. По сравнению с прежним составом социал-демократы потеряли 36 мест, вельфы и эльзасцы по три, имперская партия одно место, а с другой стороны, свободомыслящая народная выиграла 8 мест, консерваторы — шесть, беспартийные — шесть, национал-либералы — 5, сельские хозяева — 5, поляки — 4, центр — два, экономический союз — два и свободомыслящий союз — одно место.

В 1896 г. социал-демократов — 44, в 1900 — 56. В последнем рейхстаге их было 79 депутатов.

Теперь из всего рейхстага 301 человек социалистов 43[3]).

26 января. Подсчеты выборщиков (если они сколько-нибудь верны) заставляют думать, что правительство добьется наконец смирной Думы, хоть не скандалистской, с которою можно «работать» [4]). Лучше это или хуже? Уж не знаю. Думаю, что начнется, строго говоря, не «работа», а просто легонькое гниение, медленное разложение Россиии. Будет понемножку входить в рамки мировой безличности. Ну что же: фантазии исчезают, действительность остается. Видно, мы фантазировали... И как странно: все гениальнейшие представители русского духа — Герцен, Хомяков, Достоевский, В. Соловьев, Л. Толстой — все только фантазировали. Все, что искрилось в них национального — в самой нации, значит, не существует? Какая-то невозможная чепуха! А то, что было у ничтожностей и пошляков, разных Де-Роберти с Петрункевичем — это и есть национальное содержание!

А тени Маркса и Энгельса ухмыляются: «Говорили мы, дескать, вам, дуракам, что ничего национального не существует... Все же «выразители русского духа» были просто выразителями «классового» дворянского самосознания!»

Фу, какая мерзость! О, народ, народ, о, несчастные люди, идеализировавшие тебя!..

Славный рыцарь из Ламанки,
Мы с тобой по духу братья,
И твое смешное имя
На себя готов принять я...

Давно, еще в крепости, вылились у меня эти строчки. Он во славу Дульцинеи сколько сражался с мельницами и баранами, а Дульцинеи то совсем не было, а была просто Акулька на скотном дворе...

28 января. Сейчас в 11 часов утра возвратился с выборов. Ночью меня так схватили кишки, что я был убежден, что не в состоянии буду встать... Однако, слава богу, имел возможность проехать в

думу и подать свой бюллетень. Мой избирательный № по общему списку 45633, а по Тверской части 3309. Подача бюллетеней производится в величайшем порядке как со стороны распорядителей, так и со стороны самих избирателей. Ни малейшей агитации, ни даже разговоров, ни толкотни. Публика очень серьезна, всюду идет в порядке. К урне подходят гуськом. Вход с главного подъезда, наша зала была во втором этаже направо, затем выходили задними лестницами на двор думы и — к Иверской часовне.

29 января. Все 160 выборщиков избраны кадеты[5]). Полных цифровых данных еще нет.

Отправил в канцелярию Особого присутствия корректуры своих «Замечаний на проект IV отдела».

31 января. Занимаюсь рассылкой оттисков «Современного положения приходского вопроса». Скучное дело. А лекции-то все не написаны! Завтра Грингмут уезжает в С.-Петербург. Нольде, того гляди, сляжет (ишиас). Вот тебе и будут лекции!

Телеграмма о нелепейшей вещи: у Витте будто бы кто-то подложил бомбы в две печи! Бомбы дрянненькие и далеко от его комнаты... Сам, что ли, подложил для каких-нибудь махинаций?[6])

1 февраля. Грингмут выехал в С.-Петербург на неделю.

Из С.-Петербурга пишут, что Витте сам устроил якобы покушение на себя... Но разоблачение этого зависит от департамента полиции, который этого, конечно, не сделает.

Ну, а что будет в политике? Это почти решится 6 февраля, когда будут выборы депутатов по всей России. Прямо душу вымотали. Уж хоть бы скорее кончалась эта агония!... Правда, что в 1791 году смерть старого режима потребовала 3—4 лет. Но теперь все происходит более быстро, и история могла бы не копаться так несносно.

4 февраля. Был, наконец, у Владимира Константиновича Истомина. Слава богу! Он — когда-то первый человек в Москве — теперь слепой, лишенный власти — давно хотел меня видеть, приглашал... Меня грызла совесть, что все никак не удается. Наконец, побывал и просидел часа 2½, рассказывал ему о С.-Петербурге и т. п. Он был ужасно доволен.

Ночь. Я сегодня вчерне закончил обе лекции — вместе выйдет листа 2½ печатных.

Но я, кажется, простудился. Как-то неможется и — скучно, нехорошо на душе. Тяжелое время, и особенно тяжело оно при необеспеченности куска хлеба для семьи. Конечно, разные бывают несчастия. Вон Истомин — слеп... Зато спокоен за семью... У всякого свой крест...

Между прочим, Истомин передал экземпляр моей брошюры вел. княгине, лично передал, нарочно ездил, рискуя простудиться и действительно простудился... Сегодня он был, по словам жены его, нездоров. Он и еще передаст тем лицам, через которых это может дойти до государя... Конечно, это все-таки шанс на то, чтобы не вырвали у него неожиданно подписи.

Но ужасное время: ни на что нет почвы, не на чем утвердиться, все в бестолковом движении... Нет опоры для приложения силы, и — разум оказывается бессилен к каким бы то ни было комбинациям.

Если бы хоть конституция могла утвердиться — явилась бы возможность рассчитывать и устанавливать планы... А то происходит толчея, где все вне расчета, все случайно.

Имея хоть лично прочное положение, можно бы хоть себя принять за точку опоры, как ни слаба она. Но у меня и личное положение — такое же висячее на воздухе... Ужасно тяжело и неприятно! Оно, конечно, есть одна точка опоры — бог... да вера-то уже очень жидка... а без веры — или при такой слабенькой вере — вот уж плохо, прямо беда.

6 февраля. Сегодня выборы депутатов по всей России. Начали уже поступать телеграммы. Попадаются кое-где и монархисты... Московская губерния сплошь «левая». 4 «кадета» от города, а от губернии 4 «кадета» и 2 рабочих социалиста... Общие результаты, вероятно, определятся лишь завтра.

Сегодня ко мне приехал Рогович. Рассказывал, что император, приняв от митрополитов тезисы присутствия о церковном соборе, ни слова не сказал о созыве его.

Митрополиты, конечно, тоже не возбудили этого вопроса.

Да и никто не хочет возбуждать его. Извольский молчит. Рогович за отсрочку. Митрополит Антоний недавно доказывал ему, что лучше отсрочить...

Теперь все поглощены Государственной думой: чем она будет? Как сложатся политические дела?

Интересно знать, узнал ли Грингмут что-нибудь в С.-Петербурге. Рогович думает, что там и узнавать нечего, так как определенных планов в правительстве нет.

Вероятно, оно просто ждет событий, чтобы к ним примениться... на день, на месяц, тянуть, пока тянется. Система умирающих правительств и царств!

Боже, как надоело это жалкое существование, и какое отвращение оно возбуждает!... А между тем скоро, может быть, и о нем вспомнишь с завистью... когда начнут валиться головы по «якобински» или по «пролетарски»...

Теперь около императора уже совсем ни одного человека, хоть шаром покати. Витте — испарлатанился до нуля. Столыпин тоже весь вышел. Трепова нет. Да и Дурново, вероятно, не пойдет вторично... Никого хоть с искрой энергии... Да, вероятно, всем и надоело до смерти. Теперь, если кадеты захотят быть сколько-нибудь вежливы и гуманны, император, вероятно, отдастся им во власть... А потом? Тьма кромешная...

7 февраля. Сегодня были известия о почти 150 депутатах. Огромнейшее большинство разных «социалистов», «трудовиков» и т. п. «Кадетов» тоже много. Октябристов — 6 человек. Монархистов — 14!..[7])

Телефон сообщил, будто и на Совете министров обсуждали вопрос — «наступательно» или «оборонительно» вести себя? И будто и Столыпин находит, что нужно действовать «наступательно»...

Какая нелепая картина и сверху, и снизу, и посередине!

8 февраля. Приехал Грингмут. Ничего впрочем интересного не сообщает. Государь будто бы настроен спокойно и благодушно. Столыпин готов к попытке сойтись с кадетами. Витте в С.-Петербурге теперь называют «автобомбистом»... Остроумно! В публике убеждены, что он сам подложил себе бомбы. А в общей сложности — ничего серьезного не происходит на поверхности... Да, Горемыкин трудится над схемой Земского собора... Вот откуда идет эта идея самаринцев! Коварный Филипп Петрович, пригласил ему помогать с Чемодуровым,

а о Питере не сказал. Они, очевидно, думают занять передовую роль, когда идея Земского собора назреет в Царском селе. А мной хотят воспользоваться «на задворках». Нехорошо, если он вправду жульничает. Я его считал искренним со мной и был бы огорчен, если бы это оказалось иллюзией.

Я не отметил, что 2 февраля был у Филиппа Петровича Степанова, куда был специально приглашен для того, чтобы помочь ему и Чемодурову в разработке вопроса о Земском соборе, каковая работа поручена ему и Чемодурову кружком Самариных. Итак я должен помогать частным образом, давать им идеи, а на самый кружок не приглашен. Свиньи, в сущности. Ну, где таким господам отечество спасать! Считают меня полезным, но желают держать на задворках...

9 февраля. Оттепель, грязь, капель... Говорят сегодня по городу, что правительство расположено распустить Думу при малейшем враждебном шаге... Кадеты будто бы приуныли от таких вестей...

Но зато Гужон (фабрикант) рассказывал Воронову, что бакинские требования рабочих явно рассчитаны на ссору. Из 80 требований их нельзя принять и десяти. Он полагает, что там хотят найти только предлог, чтобы начать зажигать источники... А если это будет и московские фабрики останутся без топлива, то начнутся сокращения рабочих, явятся безработные и т. д.— готовая почва для революции здесь.

Уже не подготовка ли это революции к роспуску Думы? В тот раз— волнения тоже начались с Бакинских пожаров.

14 февраля. Был на открытии выставки Михаила Васильевича Нестерова. Познакомился с ним самим.

Очень живой и симпатичный человек.

Вечером был у меня Николай Дмитриевич Кузнецов. Я был ужасно рад видеть его воскресшего.

17 февраля. За это время были у меня отец Тимофей Иванович Буткевич и Чемодуров: оба уехали в Государственный совет. Чемодуров вырабатывает на всякий случай систему Земского собора, по какому случаю и совещался со мной.

Я был вчера на чтении Буткевича о приходе. Хорошо говорит.

Был еще кн. Щербатов и пригласил 23 февраля прочесть сообщение в Союзе русских людей о приходе... Я стал приходским гастролером. Даже смешно! И все это только из-за того, что я был в предсоборном присутствии.

Телеграмма о смене Роговича! Неожиданно для меня. А Кузнецов говорил 14 февраля: «Дни его сочтены»... Значит там за кулисами здорово действует «духовное кадетство». Теперь того и гляди, что Панков будет на место Роговича. Вся моя публицистика разлетелась, как дым, какова она и есть. Дело-то не в публицистике, а в интригах — «подвести» одного, «подсунуть» другого...

Господи, когда же ты меня отпустишь на покой, с сохранением средств к жизни? Вся моя публицистика, большие и малые труды — просто комичны по судьбе, начиная от рабочего дела, проходя через монархию и кончая церковью.

Еще большое огорчение: Степанов Клавдий отнял у Веры и Нади хронику «Московского голоса». Говорит — для сокращения расходов (на 25 руб. в месяц!), ибо дела плохи.

19 февраля. Понедельник. Сегодня состоялась первая моя лекция в Епархиальном доме. Публики собралось очень много, вдвое, или

даже свыше, чем обычно. Человек, во всяком случае, более 300, может быть, и 400. Билетов почти не осталось. Значит ожидания были. Имя привлекло публику... Но удержало ли ее? Не имею понятия. Вероятно, я всетаки не удовлетворил ожиданий. Это покажет следующая лекция.

Лично я однако ожидал, что буду читать гораздо хуже. Я такой плохой лектор и по голосу и по уменью составлять речь, что был собой доволен, так как ожидал гораздо худшего.

20 февраля. Сегодня собирается в С.-Петербурге Дума [8]). Теперь уже ночь, так что вся комедия у них кончилась... Первый закон, который будет предложен этому собранию, на ¾ безграмотному, будет об «авторском праве»... Шутник г. Столыпин!

Ну — чорт с ним! Все это по бессмыслию очень напоминает будущий социалистический строй.

По всей вероятности, на первых порах все будет чинно, т. е. министров не будут бить по морде. Вчера сообщили свежие новости, что правительство решило всячески ухаживать за кадетами и Думой, лишь бы добиться ее союза с властью и «устремить потом общие усилия на борьбу с анархией». Если же будет немыслимо сойтись с Думой, то распустят ее и созовут тогда церковный собор... Конечно, тут нет ничего общего, но — так передают.

Ну, чорт с ними, пусть делают, что хотят! Вот скверно то, что я нездоров, что-то делается скверное в кишках. Скверно и то, что деньги исчезают... Вот уж это горе!.. «Производственные отношения» падают. Все мои «давальцы» — кто идет в трубу, кто занимает невозможную для сотрудничества позицию. Так черно, так страшно будущее — вроде какой-то могильной ямы!.. Вот уж это — ужасно! А в общей сложности все мерзко.

Да, сегодня, наконец, получил «Миссионерское обозрение» с моей статьей об Апокалипсисе. Она не безинтересна.

22 февраля. Был у нас вечером Нестеров. Пресимпатичен. Проболтали обо всем на свете больше двух часов...

23 февраля. Делал реферат о приходе в зале коннозаводства в Союзе русских людей. Совсем не только не писал, но и не готовился. Будет с них.

24 февраля. Вчера началась забастовка слесарей Миусского парка, вследствие которой прекратилось движение электричек и некоторых конок. Забастовки наборщиков расширяются. Говорят, что все это лишь первые пробы общей забастовки, которая должна начаться на фабриках будто бы к 27 февраля. Интересно бы знать, каковы же цели этого [9]).

Ночь. Я отпустил, точнее — посоветовал сам Коле пойти на собрание учащейся молодежи (в Дом образованных женщин), где будет происходить спор монархистов с революционерами. Начало в 7 часов, и вот уже двенадцатый, а Коля все не возвращается. Тревожно на душе ужасно. Первый раз отпускаю его на собрание и чуть ли не первый раз он один шляется ночью. А тут еще и время такое беспокойное настало!... О, господи, как тяжело стало жить!

Кажется, в Москве готовится что-то очень серьезно революционное. Сужу по сообщениям Грингмута, а больше всего по его настроению. Сообщения-то его кратки, да вид и тон многовыразительны. Он от пустых слухов не тревожится...

А Коли нет, как нет... 12 часов ночи. Ходил на телефон. Никого нельзя дозваться: швейцар отвечает — «речи произносят»...

Но зато наслушался новостей от репортеров! Очевидно, готовится крупное восстание. В университете сходки по 5 000 человек, из которых половина рабочих. Стачки разрастаются. Начальство ссорится между собою. Ни судебное ведомство, ни генерал-губернатор не хотят поддержать градоначальника.... Последний мрачен, и предвидит нечто страшное...

Неужели — хотят сразу попытать революцию с помощью Думы? Это далеко не глупо. Риск невелик, а победа — в случае ее одержания— отдает «им» всю Россию. La conquête jacobine...

А дальше? Дальше—для революционера не страшно. Что бы ни вышло, а будет новый строй, традиция прежнего разбита. Для революционера это такая великая победа, что «дальше» — уже почти безразлично...

Коля возвратился уже в первом часу. Говорит, что было интересно, но он ушел, прослушав только 6 ораторов, а их всех записано 12.

26 февраля. Слава богу, кончил свою барщину — вторую лекцию, и, говорят, даже хорошо.

Публики было меньше, чем в прежний раз. Но нужно взять во внимание три обстоятельства: 1) теперь масленица, первый день блинов, 2) забастовка — по всей Москве нет электричек и конок, а извозчики лупят огромные цены, да и нехватает их, 3) гололедица, пешком трудно итти... Впрочем, человек 200, пожалуй, всетаки было.

27 февраля. Получил письмо архиепископа Николая японского... Давно, давно не имел я оттуда писем. Да и что толку? Пишет, что японская церковь погибает от безденежья. Если не дадут отсюда лишних 10 тысяч рублей, то придется уволить 30—40 катихизаторов и отдать православных на расхищение инославным... Бедный, бедный апостол Японии! Он всетаки не представляет себе, до какой степени мы погибли! Конечно, 10 тысяч рублей — вздор, пылинка... Сейчас коночные забастовщики отнимают у Москвы 10 тысяч рублей дохода ежедневно... И сейчас же, разумеется, Москва, ежедневно на одних блинах пропивает не меньше 30 тысяч рублей!.. Да ведь то блины, а то вера!

Ума не приложу — как ему помочь? Сам погибаю: стоит передо мной эта погибель... И способов нет никуда обратиться для Николая епископа... Писать — негде, и не имеет смысла — никто гроша не даст... Что мне делать? Ничего не могу сам, а господь не дает способов.

Непонятной для меня стала воля божья на Дальнем Востоке. Он поразил нас, и, что мы — негоднейшая дрянь, об этом нет спора. Но внешних, материальных средств ни у кого больше нет. Убиты мы нравственно и политически — и вот негде брать даже и те немногие крохи, которые нужны для дела божия на Дальнем Востоке... Или — там не указано его совершение? Как понять это, не знаю. Знаю только, что все разрушено и все разрушается, и самые люди сокрушаются, как только думают помочь этому Дальнему Востоку.

28 февраля. У нас положнеие не улучшается, а ухудшается. Стачки разрастаются. Начинаются убийства городовых студентами. Убийцы схвачены, и сейчас же центральный университетский орган требует у ректора вмешательства в пользу их, и ректор (Мензбир) обещает. Летят телеграммы в Думу — выручать, ходатайствовать...[19]) Собра-

ние Думы явилось каким-то сигналом революции... Просто несчастная страна. Ведь революция-то какая: сплошное разрушение, без помысла о созидании.

У нас средина масляной, но не видать веселья. Через 4 дня пост. Будет ли видно покаяние и молитва? Скорее будет резня, взаимные преступления... Господь нас покинул на произвол адским силам. Никогда я не думал, чтобы у русских было так мало самостоятельного нравственного чувства. Значит, только и держались «корсетом» насилия. Любопытно письмо Суворина, которое заклеиваю. «Есть ли, — говорит, — вообще ум в русском народе?» О, господи, хоть бы скрыться куда! Но куда уйдешь от этого ужасного чувства? Дантон говорил: «Разве унесешь отечество на своих подошвах», а я скажу: «Разве уйдешь где-нибудь от этого страшного образа развратного, безумного — что, однако, есть отечество?» Боже, как мы ужасны, как мы безвыходно несчастны! Неужели еще не наступила минута сжалиться над этими жалкими, бедными созданиями, неспособными сохранить лик человеческий без высшей помощи?

Израиль древний был наказуем внешне: истребили, разогнали, пленили. Мы в тысячу раз несчастнее: мы внутренне пали. Мы, как Навуходоносор, превратились в животных... Но когда же взглянем на небо?.

1 марта. Получил заклеиваемое письмо от некоего Ивана Савельевича Матросова. Дело любопытное, но и мудреное, колючее по нынешним временам... Ответил немедленно, что готов повидаться и потолковать. Нужно сообразить, что для них можно сделать.

2 марта. Одновременно с письмом Матросову послал письмо Глинке-Янчевскому, спрашивая, даст ли место писать о рабочем обществе в «Русской земле». Сегодня утром Глинка отвечал по телефону полным согласием. Значит, с этой стороны я обеспечен... Но сам Матросов пока менее торопится воспользоваться приглашением... Сегодня рано утром обрушился потолок Государственной думы... Это было вне заседания. Но что за скоты наши правители: не умеют даже присмотреть за безопасностью помещения! До какой степени, значит, небрежно строят и осматривают! [11])

3 марта. Все газеты полны исключительно толками о думской катастрофе. Это нелепое, абсурдное событие вносит нелепейшие осложнения в политику. Можно думать, что сконфуженное правительство начнет теперь лебезить перед Думой еще сильнее. Но то озлобление, которое естественно у членов Думы, и вынужденное бездействие, а следовательно, шлянье по митингам, могут создать и такие инциденты, из которых нет выхода, кроме роспуска Думы или «роспуска правительства». Возможно, что Столыпин слетит с места, ну и тогда... новый ряд неизвестных осложнений. Вообще, кажется, нигде еще на свете не было такого комическо-трагического положения, как у нас за все время нашего «освобождения» и «обновления». Потолки — и те уже начинают принимать роль в революции. Какая-то таинственная сила шутки шутит над и без того одурелой страной.

5 марта. Начало великого поста. Грустно начинается великий пост: обострение забастовки. Сегодня забастовали газовые рабочие, и Москва погружена во тьму... Говорят, зашевелились на водопроводе... Это прямо ужас. Говорят, что все это штуки инженеров, которые желают выгнать неугодных лиц (вроде Кребса)... Хорошо нравствен-

ное состояние инженеров, но что за душа стала и у рабочих! На вседурное их можно направить с легкостью. Эта несчастная Россия представляет нравственное падение и распадение, о каком я, право, не помню в истории... И все думаешь: неужели не опомнятся люди, не ощутят в себе человеческих чувств? И—нет конца, нет надежды...

Теперь Москва черна, как ночь. Улицы очень пустынны. Видно, все боятся выходить. И — ниоткуда никаких мер к умиротворению, к выручке населения. Государства не существует. Оно только взимает деньги для прожития и воровства своих «служащих», но никакой пользы не приносит. Так же поступают и граждане.

6 марта. Сегодня несколько часов ходила электрическая конка, но к вечеру перестала. Говорят, что водопровод закрыт. Наливаем, что только возможно, остатками из трубы. К несчастью, посуды мало. Главное, ванна, оказывается, течет...

Какая-то безумная жизнь. Заходил сегодня Матросов. На вид — ничего себе человек. Но чем же я могу им помочь? Да, сверх того, нужно еще расследовать, нет ли какой фальши в его отношениях к товарищам.

В С.-Петербурге сегодня было заседание Думы, и Столыпин, наконец, исполнил свою мечту — прочитал министерскую декларацию [12]). Предлагаемые им законы все в шаблонно-либеральном духе, и сверх того прямое заявление, что правительство будет вести реформы в смысле приближения к строю европейских «правовых» государств. Ну — скатертью дорога. Только для этого нужно «вечное министерство» Столыпина, а то другое, пожалуй, повернут в десять других сторон.

Надоели. Хоть бы пища была, да вода, да не резали бы и не стреляли, кому вздумается, — и то слава богу.

В сущности, пора бы потише относиться к политике. Россия устраивается, как способна, т. е. вообще глупо. Но как бы она ни устраивалась, хорошо или плохо, — а жить недолго, немного осталось, и о душе подумать пора. Россия устраивается сама, меня не спросит и не послушает, а о моей душе, кроме меня же самого, никто не может позаботиться.

10 марта. Ночь. Коля — на собрании своего кружка; это первый раз. Не нравится мне, что этот «Литературный кружок учащейся молодежи» состоит при Монархическом собрании. В собрании — душа и владыка Владимир Андреевич, а он стал так увлекаться политикой, что — не доверяю его возможному влиянию... Но ничего не поделаешь. Коля очень хотел поступить, живет почти без товарищей, а там — чуть не 90 членов, из которых Сучков мне даже нравится... Впрочем, я и не знаю никого, кроме Сучкова (лицеист). Из Колиной гимназии там человек 30, есть даже пяток из его класса.

11 марта. Вчера скончался К. П. Победоносцев.

Ночь. Ничего уже не составлял старик, и все-таки его смерть отзывается каким-то сигналом. «Умер, умер великий Пан»—конец всему старому.

Novum nascitur ordo!

Что же это за новый строй? В старом была идея, стройная, целая, организаторская. Где же она в новом? Это какое-то абсолютное «бесприн-

ципие»: ни монархия, ни демократия, не царство личности, не социализм, не что либо новое свое, не последовательное обезьяничание чужого, не мышонок, не лягушка, а неведомый зверушка. Рождается строй без плана, без идеи, без всяких исходных пунктов, без великих целей... Говоря попросту — какая-то «мразь», нечто со младенчества старческое...

И это все, что мог создать «гений России»!..

И куда ни смотри, не видать носителей этого гения. Мелочь на мелочи во всех «партиях». Множество людей теперь думают, что бы следовало бы делать, но только думают, только ищут... а между тем переворот уже совершон, совершон раньше, чем в стране сложилась какая-нибудь идея чего-либо нового. Ведь не новое же, не государственная идея — требование крестьянами земли. Ведь это вечное требование, столетия разнообразно удовлетворявшееся и раньше... А у рабочих? Не идея, а каша требований, да и самая масса рабочих еще не сложилась... Кто же произвел переворот, для которого в самом народе совершенно не вызрела никакая идея?

Струве сегодня назвал нашу власть (в «Русских ведомостях») «правительством испуга»[13]). Меткое определение. А раньше было «правительство интриги». А еще раньше — правительство, которое покойный Победоносцев характеризовал мне как «неслыханное падение воли и разума»...

Вот из каких элементов родился «новый строй»!.. Откуда же ему иметь идеи? Откуда ему иметь великий план устроения?

В этом нелепом строе теперь только должна начаться работа по выработке устроительной идеи.

14 марта. Произошла новая мерзость: убийство Иоллоса[14]). Ясно, что не грабеж, не видно даже мести, а вся видимость гнуснейшего политического убийства. Идея террора приносит свои плоды.

15 марта. Сегодня приехал Грингмут, но я его не мог увидать и поручил Соколову (Николаю Викторовичу) передать ему, что если Союз русского народа не заявит категорически, что он непричастен к убийству Иоллоса, то я не могу читать лекции. Грингмут организует ряд историко-политических чтений, сбор с которых идет в пользу сих «Объединенного русского народа» (кажется, так называется), т. е. «Монархической партии», «Союза русских людей», «Союза русского народа»... Я ни к каким их партиям и организациям не принадлежу, но не мог отказать Грингмуту в просьбе — дать также чтение, и предложил тему «Русское отечество». Он и опубликовал программу, включив, конечно, и меня лектором.

Но теперь является эта мерзость — убийство Иоллоса. Молва обвиняет Союз русского народа.

Я нахожу неудобным способствовать сбору денег, которые некоторой частью достанутся этому союзу, если он не снимет с себя гласно этого обвинения. Надеюсь, что Грингмут может или заставить их это сделать или — отделиться от союза с ними.

Обыск в доме Торопова и в редакции «Веча», как говорят, ничего подозрительного не обнаружил.

Как бы то ни было, ясно одно, что в России расплодилась самая отчаянная мерзость запустения, и невольно кажется, что резне не будет конца. О, господи, до чего распалась несчастная страна в слабых руках!

17 марта. Есть слухи, будто бы Думу хотят распускать. Это даже (будто бы) лично говорил государь... И Дума действительно плоха, может быть, отчасти хуже прежней. С другой стороны, правительство и без Думы будет тоже не лучше. Куда ни кинь, а выходит клин, если ума нет в самой стране.

Завтра у меня должно быть чтение для рабочих (у преосв. Анастасия) в Историческом музее. А 10 апреля назначено чтение об «Отечестве» для монархистов. Но эти чтения, кажется, совершенный пуф. На первом, у самого Грингмута, было что-то 70 человек — это в огромной аудитории Исторического музея. Стоит ли готовиться и тратить время? Ведь у меня, пожалуй, и того не соберется. Дело в том, что они назначили очень высокую плату, и в то же время не пускают посторонних, а только принадлежащих к их партиям... И вот результат.

Хоть я лектор и плохой, но читать перед 50 человеками смешно. Это можно сделать и у себя на квартире.

18 марта. Сегодня должна была быть моя лекция в Историческом музее. Я из-за нее не отправился на «Пещное действо». Но когда приехал в музей, то там не только не было ни епископа Анастасия, ни Струженцова (секретаря), но оказывается, что Анастасий даже не сделал никаких распоряжений, так что Афанасьев и священник, читавший до меня, даже не знали, что я — второй лектор. Анастасий мне обещал, что лекция богословская будет самая краткая, и у меня останется 1½ часа на лекцию, и ½ часа на перерывы (ибо мою лекцию нельзя прочесть меньше 1½ часов, как он видел это в Епархиальном доме). На самом деле священник читал бесконечно, до 7½ ч. Затем — перерыв. А расходиться должны в 9 часов. Я поэтому не мог читать. Афанасьев предлагал мне сократить лекцию. Но это, конечно, невозможно и бессмысленно: для чего же я бы стал читать исковерканную лекцию? И так я, потратив почти 2 часа, пропустил «Пещное действо» и, схвативши насморк, уехал домой.

Какая образцовая ерунда! Не говоря уже о том, что свинство. Ведь сам приставал, чтобы я непременно прочел лекцию, и — устроить такую штуку!

23 марта. Сегодня наконец собрался побывать у Глинки-Янчевского (Станислав Казимирович). Был любезен; повидимому, действительно хочет моих статей. Там же, в редакции, подошел ко мне — Медведский, весьма развязно, хотя с деланной развязностью... Я впрочем обошелся с ним просто... Не стоит помнить старого его жульничества, да он, вероятно, и теперь не высокой честности, только не стоит возжаться с чужими грехами.

Глинка хвалится, что у него тираж 22 000 экземпляров. Для одного года это, конечно, блистательно.

31 марта. Николка опять на собрании своего кружка. Не нравится мне это, а ничего не поделаешь... Приходится выбирать меньшее из зол и стараться извлечь добро хоть из зла.

В государственной жизни, кажется, опять приближается какая-то чертовщина. Революционеры, видимо, готовятся к новому удару. Слухи о забастовках, о подготовляемых взрывах железнодорожных мостов для всеобщей остановки движения. На Волге тоже распространяется забастовка судовых команд. Слухи о том, что готовится повсеместное избиение «реакционеров»...

А правительство... повидимому, думает спасти себя всякими поблажками «левым», возится со своей Думой, как дурень с писаной торбой.

У меня предстоит куча публичных чтений: 1) завтра, 1 апреля, в Комиссии чтений для рабочих (у епископа Анастасия) — «Что дал человечеству социализм»; 2) у Грингмута «Что такое отечество», 3 апреля. Обе в Историческом музее. 3) Наконец, в Народном доме в пользу «Союза типо-литографских рабочих», 11 апреля, «Что могут дать рабочие союзы».

Последняя всего более меня озабочивает. Устраивает ее, конечно, Матросов. Удача обещает завести связи с рабочими и — рисует фантазия — помочь новому, чисто народному движению, вне подчинения интеллигентным партиям, правым и левым. Неудача может быть громадна, и тогда мне остается считать свою жизнь конченной — бесцельной и бесплодной.

Что делать! Во всем — никто как бог!.. Из одной глины делают один сосуд для почетного, другой для низкого употребления.

...Вчера по городу распространился слух, будто Грингмут убит... Он, действительно, живет среди угроз и, можно сказать, ежечасно может ждать смерти... Вижу его всетаки часто, наблюдаю и должен сказать, что эту каторжную жизнь он выдерживает честно и смело, не отступая от своих убеждений. Во многом не одобряю его действий, многое нетактично, многое, по мне, неправильно... В довершение я думаю, что он давно не имеет надежды на победу... и всетаки стоит на посту, ежедневно рискуя жизнью. Впрочем, в конце концов, вероятно нас всех перебьют, правых и виноватых, действующих и бездействующих.

1 апреля. Читал в Историческом музее о социализме (в Комиссии чтений). Народу было, по словам Афанасьева, 250 человек. Читал 1½ часа без перерыва. Некоторое число (человек 20) ушло под конец. Остальные слушали, повидимому, внимательно. Один подошел поблагодарить. Говорил почти все время наизусть, пришлось менять и начало, и средину, и конец... Не у кого даже узнать, было ли удовлетворительно.

3 апреля. Прочел лекцию «Что такое отечество»? Читал очень скверно. Публики было 63 человека, в громадной аудитории Исторического музея. Даже и читать-то противно в таких условиях.

Грингмут уехал в С.-Петербург на неделю.

4 апреля. Передал Матросову 10 рублей, полученных мною за чтение лекций 1 апреля (в Комиссии чтений для фабрично-заводских рабочих).

...Был сегодня Шечков из С.-Петербурга. Рассказывал, что Столыпин говорил (интимным друзьям): «Я поклялся спасти династию и спасу ее»... По своим действиям он скорее ведет ее к крушению, но дело не в том, а кому он клялся, почему поднялся вопрос о спасении династии.

Теперь в С.-Петербурге все толкуют о Думе: распустят — не распустят. Киреев говорил Шечкову за будто верное, что Дума будет распущена (совсем) до Страстной... Нет ли тут простого недоразумения? Понятно, что на праздники Дума будет иметь каникулы (страстную и пасхальную недели). Но это не роспуск. Киреев же говорил, что совсем распустят. Шечков говорит, что уверяют, что правительство счита-

ет необходимым распустить Думу, но ищет для этого предлога... Смешно. И даже, в сущности, недостойно. Зачем предлоги? Нужно распустить — распусти просто и прямо. Но это несчастное правительство из страха потеряло достоинство.

6 апреля. Все разговоры — «распустят или не распустят Думу?». Все известия — о подготовке восстания. Забастовки на Каспийском море, т. е. лишение центрального района нефти — это удар очень умной руки, двигающей совершенно бессмысленные толпы, не ведающие, что творят. На Днепре тоже забастовки. Сотни тысяч рабочих, с невольным закрытием фабрик, будут выброшены на бунт и грабежи.

Похоже, что приходит конец обессилевшему старому строю. Роспуск Думы, конечно, или бы вызвал революцию с еще неподготовленными силами или дал бы правительству возможность сколько-нибудь упорядочить положение. Но, кажется, эти люди не имеют ни разума, ни воли даже для спасения своей жизни.

Что делать в таком положении? Я, по крайней мере, ничего не могу. О строе хоть и не думай. При теперешнем императоре нельзя представить никаких способов оздоровления. Я теперь думаю еще только о народе, о том, нельзя ли сохранить в нем хоть сколько-нибудь разума для будущего времени. Да и то — никаких способов. Как сохранить разум, когда все кругом его подрывает в корне.

7 апреля. На Волге начинается навигация, а фирма Нобель уже объявила, что мазут отпускать не будет. Нет мазута: забастовка достигла цели. Пароходство прекращено по всей Волге ipso facto!

Что это за губители России сидят в правительстве! Как можно было допустить такую подлую забастовку, против которой нужно двинуть войско в десять раз энергичнее, чем против какой-нибудь Японии!.. И какой позор, что Россия не умеет переменить такое правительство! Очевидно, все сверху сгнило. Но страшно подумать, во сколько миллионов жизней обойдется революция разлагающейся страны, прежде чем выдвинутся, наконец, достойные правители.

Моя лекция в Народном доме окончательно назначена на 13 апреля (пятница).

9 апреля. Сегодня получил с «Московских церковных ведомостей» 76 рублей. Хоть какое-нибудь подкрепление, а то стало совсем плохо.

Послал в «Русскую землю» статью «Рабочее движение и революция». Это первый блин: не вышел бы комом.

Относительно волжского мазута дело несколько разъясняется: его, конечно, мало — из-за забастовки, но запасы все-таки есть, и Нобель с Ротшильдом воспользовались случаем: по контрактам не выдают (ибо забастовка — есть force majore), а частно согласны давать с накидкой 10 к. с пуда. А мазут и то поднялся (в Москве) с 27 коп. до 55 коп. пуд.

Завтра Головин (председатель Думы) имеет аудиенцию у императора. Значит, все толки о роспуске — вздор.

Завтра же ждем сюда Гринтмута.

11 апреля. Вернулся с лекции Пясковского в Сухаревском народном доме («Общества типо-литографских работников», Матросов). Публи-

ки было 150 человек, большею частью (9/10) рабочих. Читал он превосходно, но лекция в высокой степени не для рабочих, а для студентов. Часть публики (человек 15) повышла, но большинство слушало со вниманием. Слегка аплодировали. Держали себя прилично. По крайней мере, на первой части лекции. На перерыве я ушел... Что-то ждет меня в пятницу?

Грингмут вчера приехал и уже бегает по всему городу. Новостей ровно никаких. Газеты принесли вести о приеме Головина государем, — очень милостиво. Ни малейших толков о роспуске Думы не может и быть, гласят все известия. Ну — что же, это дело, только теперь, вероятно, пойдет вопрос о роспуске правительства... А может быть и то, что кадеты с правыми просто обуздают левых, и у нас начнется упрочение конституционного строя.

13 апреля. Сегодня читал свою лекцию в Сухаревском народном доме. Публики было человек 150. Платных 90. Доход 16 рублей. Но слушали вообще очень внимательно. Аплодировали, хотя и не бог весть как усердно. Ни малейшего «инцидента». В общем лекция прошла вполне удовлетворительно.

Мне кажется, что состав публики был почти исключительно рабочий. Интеллигентная примесь была еще слабее, чем на лекции Пясковского. Слушали в идеальной тишине. Ни в одной аудитории я не видал еще такой тишины.

14 апреля. Сегодня был у Васнецова — смотрел образ Покрова, заказанный ему монархическими партиями... Образ хорош, но затеваемые демонстрации с хоругвями, «стягами» и пр.— весь этот маскарад под звон колоколов мне нимало не нравится.

Я стою вне партий, ни к одной организации не принадлежу и твердо решился избегать всяких заманиваний. Когда люди их — Владимир Андреевич, Восторгов и пр. — начинают между собой разговоры, я ухожу или стараюсь не слышать... Это, чтобы они ежеминутно, каждый раз видели, что я ни за что с ними не пойду...

Но через это я и дела их плохо знаю, а между тем нередко бы любопытно было знать, куда они идут, на что рассчитывают.

Теперь в Москве предстоит их всероссийский съезд, на котором предполагается всякая помпа, декорации, манифестации, процессии со знаменами... Градоначальник недавно заявил, что уличные процессии будет разгонять нагайками, а если понадобится, то чем-нибудь и посильнее. Несмотря на эту угрозу, «Управе объединенного русского народа» (Грингмут и Восторгов) не отказывают от их процессий.

Итак — возможно столкновение (может быть, вооруженное) полиции с монархистами.

В то же время ходят слухи, что революционеры готовят резню монархистов, и эти слухи отовсюду. Как известно, несколько человек из Союза русского народа уже и застрелено за последние недели.

В то же время евреи жалуются, будто к пасхе готовятся антиеврейские погромы, и Столыпин опубликовал циркуляр, чтобы полиция и войска защищали евреев силою оружия. Понятно, что такой циркуляр может прямо подстрекнуть революционеров (особенно еврейских) нарочно вызвать столкновение.

Так распложаются поводы к драке. А думские депутаты из крайних левых, говорят, всюду разжигают попытку восстания. Правительство

этого не может не знать, и однако Думу не распускают, а Столыпин прямо говорит: «Дума нам полезна, она компрометирует себя и докажет всему народу, что она еще хуже прежнего бюрократического строя». Такие речи ему, по крайней мере, приписываются.

Далее, рассказывают, будто бы государь был далеко не любезен с Головиным, упрекал Думу и говорил, что, если она будет продолжать ничего не делать, кроме беспрерывных запросов, то он, государь, может прийти к мысли о бесполезности Думы, как учреждения. Головин будто бы выражал убеждение, что Дума начнет работать, лишь бы продержалась до мая месяца. (А между тем именно в мае все и ждет какой-нибудь катавасии).

Говорят далее, будто бы на приеме Иннокентия тамбовского государь спросил его о тамбовском отделе Союза русского народа. Епископ ответил, что он и сам принадлежит к нему. Государь будто бы выразил одобрение этому, сказал, что все его надежды покоятся на Союзе русского народа, и сказал, чтобы Иннокентий передал это синоду (он член синода). Сказал также, чтобы иеромонаха Илиодора синод не трогал.

Все это Иннокентий (будто бы) передал синоду. Митрополит Антоний будто бы выслушал сообщение с искривленным лицом и промолвил:

«Уж подведут они его под диктатуру»...

Таковы рассказы. Изволь-ка в них разобраться!

А расспрашивать — неудобно, да и не скажут откровенно.

Кроме всего прочего, у нас в Москве почти уже назрело столкновение «Союза графических искусств» с предпринимателями. Требования «Союза», по мне, глупые, не по рассуждению пользы, а из амбиции людей, еще не понявших истинных размеров своей силы. Они требуют предоставления всей администрации типографии самим рабочим, метранпажей будут сами выбирать, рабочих ни нанимать, ни рассчитывать хозяева не могут, а делает это «компания» самих рабочих... Вчера мне рассказывали, что хозяева хотят ответить локаутом, с тем, чтобы потом принимать обратно только непринадлежащих к союзу. А союз имеет 4 000 человек, т. е. более половины всех московских наборщиков...

Глупят же рабочие. У них в совете союза, говорят, есть и рабочие, но есть и «студенты». Не нарочно ли подстрекают рабочих для революции? Настроение рабочих вообще в союзе графиков самое революционное и социалистическое. У них очень распространена уверенность, что рабочие «возьмут в руки все средства производства». Одним словом, фантазия людей, только что родившихся на свет, не имеющих никакого практического смысла. Разыграется это, по всей вероятности, очень скверно.

16 апреля. Сейчас видел Матросова. Окончательный подсчет лекциям. Народу было — у Пясковского 215 ч., у меня 162. Всего денег с обеих лекций, за вычетом (за освещение и пр.), Матросов получил от Комиссии 24 р. чистого дохода. По нынешним временам это огромный успех.

Моей лекцией большинство осталось довольно. А крайние упрекают, что я не провел сравнения с положением русских рабочих. Т. е. они бы желали чего-нибудь агитационного, революционного. Теперь большие массы собираются только на зажигательное... Тем более можно считать удачными эти лекции. «Мы победили», самодовольно заметил Матросов.

20 апреля. Вечером был Чемодуров. Невеселые рассказы. Столыпин вполне доволен положением и полагает, что Дума постепенно выходится, станет сносною, а это, по его мнению, все, что требуется. Тогда вся Россия умиротворится.

Император тоже весел и доволен, и находит, что все идет к лучшему.

Значит, в России есть хоть 2 человека, довольных положением вещей...

Распускать Думу не будут, а предполагают с нею же изменить избирательный закон, и тогда уже распустить, чтобы созвать новую по исправленному закону...

Это исправление, судя по нынешней статье Меншикова (этот господин — чистейший официоз), должно сузить избирательное право. Пример — еще не слыханный в истории Европы. Интересно бы видеть, как это Дума решится провести такой закон. Всякая партия этим убила бы себя, если бы втайне даже соглашалась... Уж не левые же, не «кадеты» откажутся от всеобщего голосования. Или введут всеобщее, но с такими хитростями, чтоб оттереть народ фактически.

Жалкая и несчастная страна, над которой может проделывать все, что вздумает, даже такое «коротенькое» правительство. Неужто и на этом оно не провалит себя окончательно?

21 апреля. Сегодня кое-как заключил сообщение «Общественная деятельность учащейся молодежи», хотя и до сих пор не знаю, кому буду его читать. У них вышла какая-то путаница. Ну, да все равно.

25 апреля. Был с визитом у Чемодурова. Сегодня начался IV съезд Союза русского народа. Я ходил смотреть на освящение знамен в Епархиальный дом. Знамен 173. Множество чрезвычайно красивых. Народу было довольно много, не менее 500 человек, все это члены съезда. Служил епископ Серафим и между прочим знаменитый Иллодор.

Грингмут рассказывал (я его видел сейчас, ночью, в редакции), что он и Восторгов крайне смущены Илиодором. Он хочет говорить какую-то отчаянную речь к народу. Они его отговаривают, увещевают, указывают, что он сорвет съезд, а он отвечает: «Ваши съезды ничего не стоят: нужно звать народ к действию, а съезд — пустяки».

30 апреля. Слава богу, сегодня последний день съезда... Хотя я и не близок ему, но захватил и меня, а главное, — перемутил все кругом.

Я лично был на одном вечере, да читал в Историческом музее, да просидел ночь на делегатском съезде студентов.

Грингмут развертывает всю свою ловкость, чтобы съезд не ознаменовался распадением и скандалом. Вся крестьянская и вообще народная часть съезда требует отчуждения земель, а о переселениях говорят, что нужно переселить помещиков, давши им пособие, а их земли отдать здесь крестьянам...

Грингмут обошел это тем, что выдвинул кн. Щербатова, который объяснил, что аграрный вопрос может решить только Земский собор. С этим решением крестьяне согласились... Но весь вопрос в том, какую же резолютивную форму потребуют для этого. Это будет видно завтра при решении вопроса о переселениях...

Илиодор — enfant terrible — проповедует ехать всем к царю просить роспуска Думы и отчуждения земель. Крестьяне его слушают с жадностью, как пророка. Требование ехать к царю — на счет съезда. Илиодор говорит, что съезд обязан это сделать. «Собирают по 5 рублей — значит, есть средства». Эти люди настолько возбуждены, что даже не рассудят, что один билет до С.-Петербурга стоит больше 5 р.

Впрочем кн. Щербатов настолько хочет Земского собора, что для ходатайства об этом способен, пожалуй, повезти всех и на свой счет.

1 мая. Съезд кончился. Я больше не был на нем. Кончился он все-таки «благополучно», т. е. без скандалов. Народные элементы заставили внести в резолюции кое-что о профессиональных союзах и о том, чтобы аграрный вопрос решил Земский собор. Откуда возьмется Земский собор без отмены основных законов, этого не сказано.

К царю решено ехать желающим, и Илиодор объявил, что этим будет заведывать он сам.

Решено также, что съездов больше не будут собирать.

3 мая. На окончившемся съезде проявилось впервые давление масс на руководителей. Грингмут и его сотоварищи думали ограничить постановления съезда: 1) общественная безопасность, в средствах которой — разгон Думы и учреждение диктатуры, 2) переселения с полным устранением «аграрного» вопроса, 3) окраины, 4) школа. Мужики и рабочие заставили внести отчуждение земель и рабочий вопрос. Чтобы парализовать отчуждение, Грингмут выдвинул кн. Щербатова с заявлением, что вопрос об отчуждении может быть решен только Земским собором... Диктатура же на съезде не прошла. И вот получилось совсем иное построение требований:

1) безопасность,
2) разгон Думы,
3) аграрный вопрос (частность переселения),
4) Земский собор,
5) рабочий вопрос,
6) окраины,
7) школа.

Итак аграрный вопрос временно «эскамотирован». Зато выдвинулся Земский собор, в который Грингмут не верит и которого он терпеть не может. Любимая же его диктатура — исчезла. Рабочий вопрос захватил его совсем врасплох... Так как и на отложку «отчуждения» до собора согласились только с протестами, то Грингмуту пришлось все время силы и ловкость употреблять на то, чтобы как-нибудь не допустить крестьян опомниться и энергически потребовать отчуждения (гребуемого их наказами). Нужно было проволочить только один день, и он делал это всеми средствами — тут и подбор ораторов, и гимны, и «ура» — все пошло в ход... А между тем рабочие зашевелились и почти силой поставили рабочий вопрос, т. е., вопреки порядку, в противность дозволению председателя, ушли в особую комнату и начали свои обсуждения. Грингмут, за невозможностью ничего другого, отрядил к рабочим Гневышева, который сказал, что он все хорошо уладит. Он же — и глава киевского рабочего союза... Но в действительности ни он, ни кто другой ничего не смыслят в рабочем вопросе.

Составили они «постановления», и — как весь съезд в этом ничего не смыслит, а Грингмут (то же самое ничего не знающий), сверх того, желал одного: поскорее закончить обсуждения и закрыть съезд, то эти «постановления» и приняты «единогласно», как и все прочее, а затем съезжан потянули на безопасные занятия — обед, а на утро в Сергиеву лавру.

Ну, ладно. Ночью захожу к Грингмуту, и он просит меня перечитать постановления по рабочему вопросу: «нет ли там чего-нибудь ошибочного». Я взял с собой, перечитал дома и в ужас пришел от невероятной глупости их. Во-первых, требования чисто социалистические, но в то же время глупо-социалистические, безграмотно-социалистические.

Прямо позор на всю Европу. Уж лучше бы принять умную социал-демократическую программу.

Объясняю ему на другой день, что кое-что я исправил, а кое-что обязательно надо совсем выбросить по скандальной глупости требований. Он отвечает, что «невозможно; все это уже принято, и я имею право только редакционных поправок»... Как тут быть? Единственное средство: отдельными переменами слов довести фразы до фактического изменения их смысла или до придания им полной неопределенности смысла, так, чтобы не было ни глупо, ни умно и чтобы, в сущности, не осталось никакого смысла. Так он и стал, с моей помощью, «редакционно» улучшать постановления, и, понятно, постепенно мы и достигли поставленной цели.

Явный скандал был заглушен. Но что же осталось? Что же скажут составители? Заметят ли они, что смысла никакого нет? На первое время, вероятно, ничего не заметят, но постепенно не могут же не «расчухать»... и что тогда?

Там, в сущности, все чепуха. Составители—полные невежды. Голосовавшие — тоже. Но желания-то ведь имеются, хотя вся эта масса не умеет их выразить. А у съезда нет людей, которые могли бы дать рабочим умную программу, да если дать умную, то рабочие согласятся, а прочая часть съезда закричит караул... Таково положение. Единение держится только недоразумениями, разным пониманием одних и тех же слов. Достигнут ли действительного единения? Об этом нужно думать, над этим работать, и многим, как Грингмут, нужно почти переродиться, сжечь, чему поклонялся, поклониться тому, что сжигал. Будет ли это? Кто доживет — увидит... А пока факт в том, что партия полна внутренних разноречий и противоречий, которые очень искусно замазаны, закрашены одним цветом, но и только.

Грингмут обнаружил гениальные способности «политикана». Это, в сущности, единственный человек в партии, стоящий на всей высоте политиканской ловкости. Любопытно видеть, до каких пределов может достичь это изворачивание, сколько еще времени оно сумеет удержать разнородные элементы в единении.

5 мая. Я все эти дни строчу канцелярские или секретарские статьи. Как глупа общественная жизнь! Ничего истинного она не чувствует и не принимает. Только с величайшим самопожертвованием — и почти бесплодно — можно внушать людям правду... И правда осуществляется только, как нехотя, со скрежетом зубов принимаемый компромисс двух противоположных глупостей и подлостей, когда они не способны победить одна другую.

И так идет вся история... огромная часть истории. И поскольку я говорю правду и умное — я мученик. Все ругают, все отвергают. Уж нечего и думать публицисту жить доходом с тех статей, которые честны и умны. У меня все, что я создал, все результаты труда, ума, знания — все это печатается в страшный убыток. Я на это трачу часть того, что получаю от вздора, партийной, секретарской работы. Остальное, все, чем я полезен людям, или, в крайнем случае, принесу (после моей смерти) хоть честь России, как образчик некоторого творчества в это нелепое время, все это теперь даже не читается никем, кроме немногих единиц, и я должен даром раздавать — да и то, оказывается потом, не читают.

7 мая. Какая невообразимая путаница в С.-Петербурге! 5 мая правые Думы просили министра разъяснить слухи о покушении на жизнь императора. 6 мая Головин торжественно принимается в Царском Селе, обедает у императора. Того же (почью) 6 мая — обыск в помещении социал-демократической фракции Думы, депутаты обыскиваются, равно как множество посторонних, кое-кто из посторонних арестуется, и судебные власти забирают 3 пуда разных бумаг...

Что касается покушения, то частные известия (повидимому, достойные веры) гласят следующее. Какие-то «они» привлекли на свою сторону одного дворцового чиновника (надворного советника), а он соблазнил 5 конвойцев. Задумывалось покушение на жизнь императора, а, может быть, и фамилии, ибо названные лица расположили уже бомбы в местах, где собирается императорское семейство. Но один из конвойцев, мучимый угрызениями совести, донес по начальству о готовящемся злодеянии. Преступников арестовали, а затем начались многочисленные аресты (60—80) и в С.-Петербурге и далее...

Кто такие заговорщики, эти «они»? Слухи умалчивают. Социал-демократы или кто иной? Ничего не слыхать. Столыпин должен был сделать разъяснения в Думе сегодня, но теперь (10 часов ночи) еще нет телеграммы.

8 мая. Ну, сообщение Столыпина Думе разъяснило очень немногое в таинственном покушении. Во всяком случае, говорят, что это дело социалистов, что в нем замешаны 6 депутатов Думы (в том числе Озоль). Передавали совершенно дикий слух, будто бы замешан царскосельский полицеймейстер, тайный советник Новиков, бывший здешний пристав... Немыслимо себе и представить! Это один из самых лучших треповских учеников, Треповым же переведенных в Царское Село.

Получил любопытное письмо от Киреева. Это ответ на мое, в котором я говорил, что пора ему предложить государю императору план разрешить наконец современное положение, пока не поздно. Предлагал ему свои услуги выработать основы такого разрешения. И вот какой обезкураживающий ответ!

9 мая. По Москве служили молебствия по случаю избавления государя от опасности. Я был на молебствии в Епархиальном доме, где служил митрополит. Все было торжественно и прочувственно. Народу множество, полным полно, но все это члены монархических партий, по билетам, и после молебствия началось их общее собрание, на котором я уже не был.

Не то вышло у епископа Серафима в депо Казанской железной дороги, где он приглашен был служить молебствие. Когда началось многолетие государю, толпа рабочих начала орать марсельезу и все

время орала ее, так что с величайшим скандалом молебен был «сорван»... Даже уже под благословение никто не подходил... Раздраженный Серафим тщетно старался усовестить скандалистов и, по разоблачении, вышел к народу, и, провозгласив «ура» за здравие государя, объявил анафему его врагам... Это, впрочем, нимало не уняло «марсельезу».

Вот какие у нас дела. Казанская дорога, конечно, давний революционный очаг, которого не загасил и Семеновский полк.

Бедный, бедный этот царь...

Пожинает плоды 13-летнего посева... Да и теперь тот же посев. В С.-Петербурге 200 человек «законодателей» протестуют в Государственной думе против порицания цареубийства, — и сидят на своих местах...

Мудрено ли, что в Москве рабочие отвечают марсельезой на многолетие царю! И им тоже ничего не будет... Уважают только тех, кто сам себя уважает, а несчастный венец Мономаха само правительство не уважает и не защищает его чести.

Этот Столыпин, если он не сумасшедший и не совершенно дубиноголовый, то прямо изменник. Поведение вне всякого разумного объяснения.

Наши правящие сферы оподлели. Они — все Куропаткины, нет мужества, нет героизма, и все это потому, что нет чувства чести. Они не умеют сказать себе: «лучше доблестно умереть, чем позорно жить», и через это не побеждают, а позорно погибают.

10 мая. Сегодня у нас в типографии забастовка накладчиков, т. е. наиболее «чернорабочих» в типографском деле. Забастовка — не экономическая. Накладчики требуют, чтобы их нанимали и увольняли через «Союз графических искусств». Соколов (Николай Викторович), разумеется, отказал, и все они (70 человек) получили расчет). Что будет дальше, неизвестно. Газета завтра думает выйти, хотя и в одном листе. Распространится ли дело — зависит, думаю, от целей союза. Если он думает вообще выбросить рабочих на улицу, то, конечно, будет раздувать забастовку и на прочих... Если же у него нет такой цели, то, значит, они просто дураки, потому что накладчиков заменить легко, да притом в типографии есть теперь ротационная машина, для которой достаточно десятка рабочих.

Если забастовка этим и ограничится, то союз сыграет лишь в руку Соколову, который будет очень рад избавиться от полсотни человек так благовидно. Он их не выгонял, а сами ушли из-за непринятия невозможного требования. Тогда единственный результат: увеличение дохода Соколова и 50 человек новых «безработных» на улицах Москвы.

Все это, впрочем, разъяснится лишь дальнейшим ходом событий.

11 мая. Хотя газета и вышла, но ее оттискивали в чужой типографии, скрытно от забастовщиков. Что будет дальше, трудно сказать. Забастовщики уверены, что будут получать пособие из союза. Машинисту, не приставшему к ним, они угрожали смертью. Сегодня и Соколов, и рабочие, и машинисты (Андреев) вызывались для допроса к градоначальнику, который, говорят, расположен принять меры против союза.

Не слыхать, чтобы забастовка была еще где-нибудь. Удар, повидимому, направлен специально против Грингмута.

Сегодня я заходил к Грингмуту, он даже и говорить не хотел, что-то промычал, я и ушел. Он, говорят, мрачен и болен. Но он бывает бо-

лен только при каких-нибудь неудачах и неприятностях. Какие же? Уж не забастовка, конечно. Это слишком пустячное дело. У Грингмута вчера было последнее собрание (партийное), а сам он собирается в разные поездки, так что едва ли газета ему теперь особенно нужна.

Скорее можно предположить какие-нибудь плохие вести из С.-Петербурга. Одну привез Соколов: Думу ни в каком случае не думают распускать. Но и это не может быть для Грингмута неожиданным. Еще на-днях он мне передавал, что старик Истомин сказал: «Ну, теперь я чувствую, что Дума будет на-днях распущена»... Я заметил: «Ну я, напротив, чувствую, что она не будет распущена»... И Грингмут тотчас согласился: «Конечно, это ясно и мне».

Итак, что же его сокрушает? Уж не какие-либо известия от Восторгова? Его дела с Восторговым для меня — полная тайна. Грингмут молчит, а Восторгов почти раззнакомился со мной, так что я его не видал уже несколько месяцев, исключая на лекции в Епархиальном доме и другой раз на съезде. Но он оба раза избегал встречи и избег всяких разговоров.

Однако мне известно, что он сегодня рассчитывал иметь аудиенцию... Уж не отсюда ли какие плохие известия?

12 мая. Сегодня встретил Миролюбова (секретаря), и он мне рассказал, что приехал Восторгов и что он имел аудиенцию у государя. Государь был очень милостив. Вышел он к Восторгову в русской рубахе, косоворотке. Потом пришла и государыня, сопровождаемая наследником; последний тоже в русской рубахе... О содержании разговора ничего не сообщил, кроме того, что их величества были очень милостивы и приняли от отца Восторгова икону св. Николая угодника, поднесенную им в благословение государю наследнику. Говорит (Миролюбов) также, что отец Восторгов поднес государю императору постановления московского съезда.

Сегодня в некоторых газетах, а равно и в городских слухах, упоминается о предстоящем будто бы роспуске Думы с увольнением и самого Столыпина. Но Восторгов (будто бы) заявляет, что намерения распускать Думу совершенно нет.

У нас продолжается забастовка, но газета кое-как выходит.

Грингмута так и не видал сегодня. Впрочем, теперь у него пойдут от меня секреты по случаю приезда отца Восторгова. У него всегда так: секретничает и даже врет очень долго... Потом, когда ему станет очень тяжело, и обстоятельства представятся очень черными, он начнет толковать со мной, кое-что порасскажет и ищет обменяться мыслями: не скажешь ли чего-нибудь умного? Только нынче не выдумаешь ничего умного, будь хоть сам Талейран...

Умный этот Владимир Андреевич, очень умен. Но обстоятельства до невозможности трудные.

14 мая. Получил письмо Киреева. Ну, если он так абсолютно уверен, что невозможно раскрыть глаза государю на опасность положения России и его самого, то, конечно, не могу его разубедить. Хотя мне сдается, что он ошибается...

У нас забастовка продолжается. Накладчикам дан расчет, но они его не хотят брать. Их паспорта хотели дать в полицию, но частный пристав отказался брать. Чепуха какая-то... Газета еще выходит, и новых рабочих едва ли сумеют найти, пока эти живут здесь, а они не хотят очищать квартиру.

Надо сказать, впрочем, что их положение очень скверное. Получают они 18 рублей *) в месяц, на своих харчах. Имеют квартиру подо мной, где их человек 40—50, на пространстве значительно меньшем, чем моя квартира.

Требования их состояли в прибавке жалованья на 24%, ну и потом разные глупости о Союзе и об их «компании». Работа их на газете продолжается всего 4 часа (ночью от 4 до 8 ч. утра). Остальное время они «свободны»... но что толку в этой свободе?

16 мая. Рассказывал Воронов, что с субботы на воскресенье было в Москве 300—400 арестов. Исходным толчком их была телеграмма рабочих в Государственную думу о том, что Дума более не нужна и должна быть преобразована в Учредительное собрание, которое должно объявить низложение государя императора... При обысках арестованы советы двух «профессиональных» союзов: металлического и текстильного... Графический союз будто бы не участвовал. Оба совета были захвачены на заседаниях, где обсуждался план вооруженного восстания. У них захвачены планы и постановления для взрывов, баррикадной войны и т. п., а равно самые планы восстания... Этому помогали и не рабочие. Так, городской инженер (забыл фамилию) делал опыты, как прервать электрические машины таким образом, чтобы нельзя было восстановить действия месяца 1½. Опыты, говорят, были удачны, и хотя сам инженер арестован, но остались рабочие, знающие разработанные им системы порчи (нужно пережечь катушки). Цель этой меры главнейшее в том, чтобы уничтожить сигнализацию в казначействах и банках, ибо революционеры намерены первым делом ограбить банки. Они говорят, что «техника столь развита, что никакие затворы и стальные кассы не помогут». И, говорят, будто бы это уже доказано опытами. Намечен у них Московский купеческий банк. Он теперь усиленно охраняется полицией, но революционеры говорят, что это не поможет и что они его непременно втечение лета ограбят. Воронов настолько верит этому, что советовал мне взять оттуда мои маленькие злополучные сбережения.

Тут есть Коммерческий университет в заведывании Новгородцева. Теперь в этом университете происходят собрания революционеров, подготовляющихся к восстанию, и им читаются соответственные лекции. Полиции туда вход, понятно, возбранен, ибо это тоже храм науки, и самые лекции — «дело «научное».

Вообще, говорит он, ведется подготовление к окончательной революции... Если не лето, то осень должна быть моментом решительных событий... Полиция все это знает. Но министерство забавляется красноречием в своей Думе, а о таких «пустяках» не озабочивается.

Насколько все это преувеличено, судить не берусь. Но летом 1905 г. точно также доносились слухи о забастовке и восстании; им не верили... начальство так же благодушествовало... и все сбылось, как по писаному, до самого страшного (бомбы и баррикады) и до самого, как думалось, нелепого (как слухи, что будут «снимать прислугу»).

19 мая. Снова письмо Киреева... Ответил ему немедленно. Но писано 15-го, а нынче 19-е, и, по всей вероятности, отдумали «решать судьбу Думы»... Ах, несчастные, несчастные: до чего, до какого унижения довели себя! Они, очевидно, ждут революции при роспуске,

*) От 18 руб. до 24 рублей (Примечание в подлиннике).

что, может быть, и действительно будет. Но не все ли равно? Месяцем раньше или позже.

А уже не потому ли и уехали «в дальнее плавание» Владимир Андреевич и Восторгов? Восторгов «откомандирован» в Сибирь... Ну, если Дума будет действительно распущена, то я прямо запишу, что эти предводители «Объединенного народа» просто преднамеренно задали «лататы». Восторгов, приехав, категорически заявлял всем «монархистам», что Дума не будет распущена. Сам же немедленно уехал в Томск и звал с собой Гримгмута... Да господь их знает: может, еще соединятся в дороге да и проследуют на восток.

Посмотрим, кто доживет...

20 мая. Начал на всякий случай записку об основных законах, где разбираю всю их беззаконность и нелепость. Но все это совершенно явно бесполезно. Некому подавать, некому читать, некому понимать... Эти подлые чиновники всецело поглощены своими интересами, и для них удобнее всего именно такая нелепая конституция. А на императора, очевидно, рассчетов никаких не может быть. Наказал господь!

Пожалуй что и у революции нет средств действия... Самое ужасное, что нам предстоит гниение и разложение.

21 мая. Телеграмма — Гримгмут в Саратове, в гостинице «Россия» на пристанях. Довольно шибко доехали. Сколько-то он там пробудет? Правду сказать, не очень благоприятный для него город — архаровски-революционный. Уж, кажется, и нет хуже, кроме разве таких нор, как наш Новороссийск.

В Думе начинается аграрный вопрос. Ну, значит, роспуска не может быть. Был я сегодня у Глинки, и он подтвердил, что о роспуске нет и речи. Бориско пишет из С.-Петербурга Гримгмуту, что Столыпин хотел распустить Думу, но встретил упорное нежелание государя императора [15]).

22 мая. Киреев пишет (от 19 мая): «Роспуск Думы — решен». А во всех газетах (левых) описываются весьма миролюбивые беседы государя с Головиным на последнем докладе... Ничего не сообразишь.

Введенский сообщал, что на аудиенции отцу Восторгову государь сказал: «Пусть Дума сгниет на корню». Положим, что это было давно (дней 10 назад), да и слова эти принадлежат собственно Столыпину. Но, во всяком случае, не было намерения распускать Думу.

Сегодня в Миусском парке перед всеми рабочими убит несчастный инженер Кребс. Понятно, что убийцы неизвестны...

23 мая. Приехал Цертелев и рассказывал (я его лично не видел) со слов Мекленбургского, что государыня (молодая) очень поправела, так что стала «совсем черносотенной», но что Столыпин имеет более влияния, чем она.

А сейчас (ночью) Воронов рассказывал, что здесь в Москве деятельно готовятся к восстанию. Организация ведется по системе «пятерок». Постоянное обучение стрелков. Лучшие стрелки переводятся на обучение бомбометанию. Бомбы для обучения употребляются игрушечные, детские; мечут с места и на бегу. Потом перейдут на обучение в городе, будут бросать под вагоны (те же игрушечные бомбы). А теперь ученье производится за городом, иногда очень далеко. Для отвлечения

же полиции устраиваются в совершенно других местах пустячные митинги.

Оружия теперь на руки не дают, чтобы не арестовывалось. Дают только во время упражнений и потом назад отбирают и хранят в своих складах...

Что тут точного, не знаю, конечно. Но Думу, говорит он, они ругательски ругают и говорят, что там все негодяи, которых нужно разогнать. Воронов полагает однако, что восстание готовится не то чтобы на завтра, а только на ближайшие месяцы, не позже октября.

Получил совершенно неожиданно письмо от Восторгова — из Челябинска. Что такое напало на него в дороге? Он здесь совсем отдалился от меня, почти раззнакомился. Никогда не бывает уже несколько месяцев, и даже его жена почти не отвечает на визиты моей жены и дочерей. И вдруг — такое письмо. Ну, тем лучше!

Он страшно сдружился с Грингмутом, и — чем более с ним сходился, тем более расходился со мной, хотя я и не говорю, чтобы эти два факта имели какую-нибудь причинную связь. Просто я имею такие глубокие отличия от Владимира Андреевича, что друзья у нас обыкновенно — различные, и кто сходится с одним из нас — обыкновенно не очень-то близок к другому.

Но сам я умею ценить Грингмута. При всех наших различиях и несмотря на то, что многое в нем порицаю. Другие обыкновенно не имеют этой объективности. Это общее явление, вероятно, повторилось и на Восторгове.

Во всяком случае, я рад его письму, если даже оно (как вероятно) выражает минутное настроение.

24 мая. Интересный разговор с Н. А. Павловым.

В правительственных сферах за конституцию — окружающие Столыпина — его брат Александр, его жена, урожденная Нейдгардт, все вообще Нейдгардт, Юрий Милютин, гр. Гейден флотский (молодой). При дворе против конституции: кн. Орлов, кн. Путятин (влияние исчезло), Мосолов, Зинаида Юсупова (большое влияние)... Но вся суть в том, что сам император в высшей степени за конституцию и слышать не хочет о ее уничтожении. Поэтому же он и против роспуска Думы.

31 мая. Грингмут приехал и сейчас же уехал снова в С.-Петербург.

Мне тоже нужно туда ехать.

Клуб правых и умеренных членов Государственного совета и Государственной думы назначил на воскресенье (3 июня) мою лекцию «О недостатках конституции 23 апреля 1906 года». Думаю ехать туда завтра.

1 июня. Ну, сообщение написано, билеты взяты, и часа через два-три собираюсь на железную дорогу. Меня вызвали (телеграммой Пуришкевич) так экстренно, что я трое суток должен был писать это сообщение, как каторжный. А что из этого выйдет? Ну, вот истрачу на поездку не менее 50 рублей. Кому все это нужно?

Думаю, что никому и ни на что... А приходится. Долг гражданина. Ну, стало быть, и рассуждать нечего...

6 июня. Утром в 8 час. прибыл я с Колей из С.-Петербурга. При мне распущена Дума, но это не вполне помешало докладу, который был не 3-го, а 4 числа (Моховая, № 6).

16 и ю н я. Сегодня в Монархическом собрании Грингмута были несколько членов земского съезда. Пошел и я — видел и слышал гр. Доррера (курский), Володимирова (орловский), гр. Стенбок-Фермора (кажется, одесский), кн. Андрея Александровича Ширинского (брат Алексея) из Твери, каких-то казанцев, которых имена забыл, Шечкова и гр. Дмитрия Ад. Олсуфьева...

Превосходное впечатление производит Ширинский, с которым я, к сожалению, не познакомился. Он походит на брата, но крепче его, здоровее, и полон еще если не веры, то готовности умереть за свои идеалы.

Остальные вообще пессимистичны. Они все находят, что земства п о п р а в е л и, но всетаки ни у кого нет меры в хорошее будущее. Да и откуда ей взяться? Доррер даже говорит (в частном разговоре со мной), что уедет за границу. Его предки эмигрировали в Россию при падении Бурбонов. Он хочет эмигрировать из России при падении Романовых...

Ах, что только наделал у нас государь! Какое превосходное наследство получил от отца и как все укомплектовал в 13 лет!

Сегодня я, наконец, получил из типографии Ефимова 400 экземпляров своей брошюры «Социализм в государственном и общественном отношении» (лекции 19 и 26 февраля). Издано дрянновато и с глупыми опечатками. Ну, и за то спасибо.

8 и ю л я. Полночь. Меня буквально грызет и точит тоска. Душа просит чего-нибудь светлого, отрадного, и кроме ударов не получает ничего. Жизнь — какая-то гигантская бессмыслица, и притом тяжелая, гнетущая, беспросветная. Густой, густой туман, в котором холодно и сыро, среди которого идешь неизвестно зачем, неизвестно куда, и, во всяком случае, к могиле, но даже и на этом пути всетаки выглядывают чудища уродливых бедствий и угроз...

Я, конечно, работал сегодня. Кончил «Апокалипсическое учение» (новое издание), написал несколько писем. Начал, было, писать епископу Парфению о Саше: хочу посоветоваться... и не кончил... Все какая-то бессмыслица.

15 и ю л я. Сегодня в 8 часов вечера было мое чтение «Недостатки конституции 1906 г.» в Малом зале Епархиального дома перед Монархическим собранием.

17 и ю л я. Сегодня застал в репортерской двух субъектов, из которых один оказался Сопоцько — бывший юродивый, а теперь, кажется, весьма «разумный». Фамилия у него теперь Сырокомля. Очень странный господин. Действует между студентами, а сам поступил в университет (одесский). Другой с ним — Константин Константинович Полторацкий, уже совсем таинственная личность. Говорит, что он основал Союз русского народа, а не Дубровин. Не шпионы ли оба?

19 и ю л я. Тоска ужасная грызет. Какая тяжелая, беспомощная жизнь! Совершенно невозможно представить себе, где может быть спасенье.

Кончил сегодня первые наброски «Основных законов»... Устал до того, что голова ноет. И для чего все это? Одурманиваешь себя фантазиями, как гашишом. Россия — погибла. Нет людей, никто ничего не хочет, все волочат жизнь, а не живут, и все чувства сколько ни будь высокие — не то пропали, не то спят непробудно... По Апокалипсису теперь идет подлейшая п я т а я э п о х а, эпоха адской «саранчи», ко-

гда «люди захотят смерти и смерть убежит от них»... Мучение же от «саранчи» протянется 5 месяцев: по Бейнингаму 1 месяц=30 годам; в «пророческой азбуке»... Прошу покорно! Неужели предстоит 150 лет такой нестерпимой гнусности? Вообще все мерзко, но самое ужасное — б у д у щ е е — мое и особенно несчастных детей, которых я не умею устроить...

24 и ю л я. Это будущее меня давит, мучит... Нет ниоткуда помощи, ни искры надежды. Мысль о нем так ужасна, что я не могу выразить!..

Какой-то шарлатан написал на-днях в московской «Руси» (есть такая газетка), будто бы я получаю 12 000 р. (двенадцать тысяч!) в год... Вот уж мерзавцы! Какая цель этой лжи?

Вообще моя судьба — злая насмешка. Все уверены, что я имею повсюду влияние, что правительство меня необычайно высоко ценит, что я получаю массу заработка... Мерзавцы!.. Значит они д у м а ю т, что так д о л ж н о б ы б ы т ь, и ни один из них никогда, ни в чем не поможет, ни в чем не поддержит, а я — прямо погибаю в одиночестве, в страхе за будущее свое и семьи.

Гнуснейшие твари эти люди.

7 а в г у с т а. Не записывал давно. Как-то неохота. Я работаю усердно над вопросом о пересмотре законов, но без всякой веры, что из этого что-либо выйдет. Неохота и записывать.

Был за это время А. А. Нейдгардт, условливались в дальнейшем. Написал для него большую з а п и с к у о «Способах улучшения нашего государственного строя». Хотя он настаивает на том, чтобы совсем не переносить вопроса в публику, но я, в конце концов, не послушался и изготовил краткую записку Тихановичу-Савицкому (в Астрахань), которую должен отправить завтра. Они вырабатывают свою «платформу».

Старый, слепой Истомин (Владимир Константинович) пишет высокие похвалы моему сообщению («О недостатках конституции»). Хочет распространять. И то хлеб!

Брошюра на-днях будет готова, обойдется мне свыше 50 руб. Из-за чего я трачусь? Удивляюсь сам, как еще свожу концы с концами.

Сегодня был у Олсуфьева. Он, из «оппортунизма», вносит ряд смягчающих пунктов в мои планы реформы. Ну, я согласился. Буду вести одновременно д в е работы: одну с н о р м а л ь н ы м и требованиями, другую с м и н и м а л ь н ы м и. Первую буду пропагандировать везде, где можно, вторую — внесем в клуб.

Олсуфьев не глупый человек. А главное, повидимому, совсем честный.

Он сегодня уезжает в С.-Петербург, а оттуда за границу до сентября. Из С.-Петербурга мне должен написать.

8 а в г у с т а. Отправлена заказным записка «О способах улучшения нашего государственного строя» — в Сергиев посад, Алексею Александровичу Нейдгардту («Новая гостиница»), а также заказное письмо (с краткой запиской) Тихановичу-Савицкому (ему же заказная бандероль — брошюра).

9 а в г у с т а. Получил первые 200 экземпляров «Недостатков конституции 1906 г.», уже к вечеру. Успел сдать 50 штук в магазин и заготовить семь бандеролей для завтрашней рассылки. Значит, неделя не вполне потеряна.

12 августа. Получил важное письмо от Нейдгардта. Заклеиваю. Только все это суета и томление духа. Ничего не может быть путного. Сатана обнял нас сетями и веет как пшеницу на грохоте.

14 августа. Возвратился от Троицы с Сашина пострижения.

Наречен — Тихоном.

15 августа. Вот вечер, ночь, я вспоминаю бывшего Сашу, которого я спасал от смерти, которого так любил и который ушел от меня. Он ушел, как рушится все, что я любил, чему я верил, чем жил... Все, к чему только прикасается моя любовь, гибнет, рушится или становится несчастно...

И если бы хоть он сам был счастлив! Если бы он сам не разочаровался, не проклял меня, не умевшего его удержать!...

Дочери — несчастны... Разве это жизнь — их жизнь? Что будет с Колей?

Несчастная, неумелая и какая-то проклятая тварь я. Все вокруг меня сохнет, гибнет, завядает...

19 августа. К вечеру 17 августа я получил письмо от самого П. А. Столыпина, очень любезное, в котором председатель Совета министров пишет, что по прочтении моей брошюры «О недостатках конституции» желал бы потолковать со мной, если мне случится быть в С.-Петербурге.

Я послал из Сергиева телеграмму срочную: «С.-Петербург, председателю Совета министров Столыпину. Письмо получил. Могу приехать. Прошу известить в Москву, можете ли принять вторник среду. Тихомиров».

Заплатил 3 р. 40 коп.

Однако вот ночь и никакого ответа и уведомления нет. Остаюсь в недоумении относительно того, что желает Столыпин, и о том, что будет со мною. Ехать придется или не придется?

23 августа. Возвратился из Петербурга. Дело было так: в понедельник, 20 числа, получил телеграмму: «Будете приняты вторник в два с половиною часа. Правитель канцелярии министра Кноль».

Это было в начале третьего. Я собрался и уехал с поездом в 7 часов вечера. Утром 21 августа прибыл в С.-Петербург. Остановился у Писаревых. В 1 час поехал в Елагинский дворец. Пробыл у Столыпина свыше 1½ часов и возвратился домой в пять часов.

Столыпин, Петр Аркадьевич, был очень любезен и дружественен. Он прекрасно изучил брошюру. Говорили обо всем на свете. Оставил ему записку «О способах улучшения наших законов».

Вечером того же дня был у Восторгова. По чрезвычайной усталости не выехал и решился отдохнуть. Выехал 22 августа в 6 часов и вот прибыл сегодня. Масса впечатлений, которых некогда записывать.

26 августа. Был у меня Алексей Александрович Нейдгардт и крайне размечтался по поводу моего свидания со Столыпиным... Но, кажется, моим удачам наступает конец. Уже вчера, 25 числа, чувствовал простуду, а сегодня к вечеру стало так нехорошо, что смерил температуру и оказалось в 6 часов 38,3°.

27 августа. Вчера и сегодня с утра совсем валялся. Теперь будто стало полегче. Написал даже письмо Столыпину... Кстати, он мне, в беседе, прямо заявил: «Манифест 3 июня с первой до последней строчки писал я сам». Важный исторический факт.

28 августа. Отправлены Столыпину заказным а) «Монархическая государственность» и б) письмо о статьях 11 и 87 основных законов.

Приезжал Н. Ф. Голубов, прописал разные вещи. Разумеется, выходить бсолютно воспретил, «хоть бы редакция начала проваливаться сквозь землю». А в редакции и действительно худо. Грингмут тоже заболел. Какой-то карбункул под мышкой. А Голубов говорит, что с карбункулами выходят иногда и очень скверные вещи. Но авось господь помилует. Грингмут теперь очень нужен России не своими идеями (которые часто скорее вредны), но своей энергией в борьбе против революции и за единство и силу России... Сильнее его в этом отношении нет никого... Это факт.

Ну да и для меня лично без Грингмута — нужно прямо погибать. Только им и живу в материальном отношении.

Случись ему — храни господь — умереть, — его партия была бы совершенно дезорганизована и обессилена. У них только и есть два крупных человека — он да протоиерей Восторгов, причем отец Восторгов, может быть, умнее и притом — русский по духу, но зато Грингмут гораздо более ловкий организатор. Как организатор — он проявляет талант положительно высокой степени. Он делает очень много с самым неблагодарным материалом. Притом отец Восторгов способен зарываться и страшно разбрасываться, а Грингмут систематичен, как немец. Вообще он чистокровный politician высочайшей пробы.

31 августа. Сегодня утром читаю известие о приключении императорской яхты «Штандарт». Очень странно и подозрительно. Посадили на скалу царскую яхту со всей царской семьей. Неужели можно это сделать без какого-то злоумышления? Какое только? Уж, конечно, нельзя было утопить... Не имелось ли в виду пересадить на другое судно, где что-нибудь подготовлялось?

Во всяком случае путешествие, которое предполагалось продолжить до самого октября, прерывается в августе, через неделю по выезде государя. Стало быть, моя брошюра не могла быть прочитанной, и уж тем паче государь не тем теперь занят, чтобы о ней думать. Сатана всегда умеет подставить ножку.

...Под вечер получил письмо Столыпина: предлагает место в С.-Петербурге. По деньгам выгодно (6 тыс.)... но где прочность? И потом — полный перелом жизни на 55 году жизни, при полном одряхлении...

Есть над чем задуматься. Письмо писано 29 августа, т. е., вероятно, тогда, когда еще он не знал об аварии «Штандарта» (случай произошел 29 августа в 5 часов вечера). Удивительно долго шло: на третий день.

1 сентября. Отправил Столыпину заказное письмо, спрашивая, насколько прочно предлагаемое место.

Пожалуй, глупо это с моей стороны. Дождусь того, что он плюнет... Но я и сам не знаю, чего хочу, и в сущности — сам для себя хотел бы одного — покоя.

В сущности столыпинское предложение далеко не привлекательно именно полнейшим отсутствием прочности. Переломаешь все, истратишься, сожжешь московские корабли, а потом вдруг останешься ни с чем. Это была бы недурная петля: оставалось бы лишь повеситься в ней.

Действовать могут только богатые и физически крепкие люди. Несчастному нищему инвалиду нет иной деятельности, кроме того, чтобы кому-нибудь служить. А я не хочу никому служить. Я хочу делать только то, что сам считаю справедливым... И выходит, что люди не хотят меня, а я не хочу людей...

2 сентября. Сегодня Нарышкин, наконец, прислал обещанную в июне «Мемории Совета министров», объясняющую подготовку законов в августе 1905 года. Любопытный документ подрыва монархии. Все хороши!

3 сентября. Сегодня впервые выходил в редакцию. Между прочим справлялся там в списке избирателей: я значусь среди избирателей Тверской части.

Лукин говорил, что вчера на выборах фабричные рабочие являлись очень плохо. На фабрике Иокиша (Петровское-Разумовское) не явился на выборы ни один человек. Лукин говорит, что в Москве монархисты не пойдут на выборы...

Очень глупо. Я с Шечковым уговаривал, чтобы он у себя, в Курской губернии, возбуждал идею пересмотра. Если бы в Думе образовалась значительная группа, готовая поддержать идею пересмотра конституции, то нетрудно бы было подвинуть правительство выдвинуть вопрос о пересмотре хоть нескольких статей, а думская партия могла бы расширить дело. Дума не имеет инициативы, но если правительство само возбудит вопрос, то нетрудно доказать, что для изменения одних статей необходимо также изменить и другие.

4 сентября. От моего министра ни слуху, ни духу. Видно, не нравится, что я желаю сохранить независимость. Ну, как угодно. А мне в петлю лезть, да еще для этого в С.-Петербург перебираться — нет расчета. Пропасть и в Москве можно с таким же удобством. Впрочем, все это и к лучшему. Куда мне с моим хилым здоровьем в Петербург лезть! Только горе в том, что семья: чем ее кормить? Ведь в Москве сочтены дни моего заработка у Гринмута.

Ну уж и положение! А тут еще весь рассыпаешься. Господи, господи, хоть бы мне семью устроить, так сам я, пожалуй, готов и к смерти. Тяжелая жизнь.

5 сентября. Сегодня получил письмо Столыпина [16]) и благословясь отправил свое согласие.

Согласно разрешению автора письма, сообщил о неожиданном деле Владимиру Андреевичу. Он ответил не колеблясь: «Непременно принимайте место. Здесь положение непрочное, так что вы ничем не рискуете. А для пользы дела лучше вам быть в С.-Петербурге».

Положение здесь, действительно, очень непрочное. Конечно, возможно, что ему возобновят аренду... но множество усилий будет энергически мешать этому. Правда, что и в Петербурге мое положение воздушное. И там и здесь летаешь на мыльном пузыре...

Все это, конечно, должно стираться перед вопросом: поможешь ли чему-нибудь полезному? Правду сказать, не чувствую в себе ни силы, ни разума, но, если это воля божия, то мой ум тут ни причем: являешься просто орудием... Божия ли воля? Весь вопрос в этом... но нечего больше рассуждать! Жребий брошен... Аминь.

7 сентября. Вчера получил письмо от добрейшего Алексея Александровича. Известие не без интереса... Но он, как человек ста-

ринного времени (служил уже при Николае Павловиче), придает всему этому гораздо больше значения, нежели оно имеет теперь.

Что такое нынче «надлежащие руки»? Все изменилось — переоценка ценностей.

8 сентября. Положение неопределенное: ответа от Столыпина нет, и судьбы своей не знаю. А положение — чепуха. Переезжать — обойдется рублей, повидимому, 500... Шутка сказать! Где я их возьму? Голова кругом идет. Переворот всей жизни, а что из этого выйдет?

Только, пока ни о чем не думаешь, и можно быть покойным. Стоит подумать — страх и сомнения овладевают. Налетел переворот нежеланно, недуманно, негаданно, и — ничего не поделаешь. Сам по себе, я даже не представляю, как из этого может выйти польза для кого-нибудь... Да, в сущности, положение такое, что ни России, ни церкви, ни тем паче царю ничем и нельзя помочь. Во всяком случае, не я же помогу!.. Ведь все мы, т. е. русские, православные и пр., погибаем от внутреннего падения. Как тут помочь?

Конечно, если бог это укажет, это иной вопрос... А так, самим, совершенно невозможно сообразить. Вопрос, задача состоят, в сущности, в том, чтобы перестать быть дураками, бессовестными негодяями и невеждами... Ну, какими же способами заставить 100 миллионов человек переломить себя и сделаться порядочными людьми?

9 сентября. Я всетаки чувствую себя скверно. Ослабел. К этой физической слабости присоединяется забота о неопределенном, сложном и, во всяком случае, неприятном положении моем. При самых лучших исходах оно будет всетаки неприятно. А лучших исходов что-то и не предвидится. Министр мой молчит, не отвечает, а пора бы. Я ему писал 5-го числа. 6-го он получил его. Сегодня же кончилось 9-ое число. Три дня пропало, я ничего не делал... Выходить не позволяет мерзкое здоровье и мерзкая погода... И становится в этом ожидании скучно и тоскливо.

Оно, конечно, ответ ясен. Отказаться он не откажется: это было бы слишком легкомысленно. Возможно, что согласится оказать протекцию в переводе Коли в с.-петербургскую гимназию, возможно, что разрешит взять вперед из жалованья рублей 500... Ну, — и тогда перелезай из прогоревших литераторов в «причисленные» чиновники без чина и вне штата... А там — все зависит от того, насколько он умен и порядочен. Ходил в постромках и будешь ходить, кормили сеном и будут кормить, пока не выгонят за ненадобностью. Так живет большинство людей, так предстоит и мне. И все бы это не тяжко было, если бы смысл жизни, еслиб и эта натуга клячи в постромках была для чего-нибудь нужна и полезна.

А вот этого-то, вероятно, не будет, как не было...

10 сентября. Отправил обратно Нарышкину заказной бандеролью «Меморию Совета министров».

11 сентября. Ну, мой министр ни гу-гу. Даже начинает становиться странно.

Вчера Ю. Бартенев просил прочесть в пятницу лекцию о значении «Отечества» у них в Союзе русских людей. Согласился... но, конечно, вопрос в погоде и здоровье. А на понедельник Владимир Андреевич просил в Комиссию по рабочему вопросу. Дело в том, что у них в управе (Союза русского народа) решили поднять антисоциали-

стическое рабочее движение. Для того, чтобы уяснить себе пути действия, они хотят ознакомиться с несоциалистическими рабочими партиями, почему и поручили Грингмуту составить комиссию из «сведущих людей». Он приглашает Воронова, который обещал доклад об Гирш-Дункерских обществах. Студенты, привезшие сведения о французских «желтых» (Сучков и Кисловский), сообщат об этих «желтых». Меня он просит сообщить об английских рабочих.

Немножко не понимаю смысла этой затеи. Быть может, это просто средство для самого Владимира Андреевича наилегчайше познакомиться с вопросом... Он будет нашей аудиторией. Ну, во всяком случае, явлюсь.

Грингмут ищет, очевидно, возможно разнообразной деятельности для Союза русского народа, чтобы он мог расти посильнее.

12 сентября. Получил письмо от Столыпина. Ну — да будет воля божия!

Сегодня открылась вакансия в синодальной ризнице (помощника). Бегал искать места Саше и — как раз наткнулся. Ф. П. обещает дать Саше. Написал, чтобы он подавал прошение.

14 сентября. Читал в зале государственного коннозаводства «Значение отечества». Получил телеграмму, что мне переводится 1 000 руб. на переезд. А от Бельгарда — ни слова. Как же тут переезжать?

15 сентября. Получил, наконец, письмо от Алексея Валериановича Бельгарда о том, какое место и как подавать прошение. Однако, по случаю необходимости копии с документов, раньше вторника нельзя послать прошения.

18 сентября. Отправил прошение о принятии меня на службу. Одновременно с этим письма министру и Бельгарду. Все три документа заказные.

22 сентября. Воронов с большой озабоченностью рассказывал, что в Москве, очевидно, готовится вооруженное восстание, происходит сбор дружин и вооружение... Начальство (т. е. Рейнбот) не обращает на это внимания.

Между прочим, вчера же ночью,— около 12 часов ночи и, позже,— мимо нас раза три прошли куда-то войсковые части, в полном снаряжении, с барабанами и музыкой, беглым шагом. Шли от Страстного к Петровке. С ними были и лазаретные фуры и котлы.

Что это означает?

Сейчас узнал, что ничего не означает. Войска возвращаются просто-на-просто с маневров.

23 сентября. Очень скучное существование. Здесь, в редакции, я уже почти выбыл и хожу из приличия, хотя никому уже не нужен. Дома читаю разные юридические книги — международное право, полицейское право, государственное право... Все это нужно было бы освежить в голове, если бы я был назначен... Но в неопределенном положении моем представляется чем-то вынужденным, не затягивает, не возбуждает мысли...

А тут еще неприятность. Грингмут (больной) меня не зовет, не говорит со мною сам, но через Лукина и Нольде навязывает мне ни более ни менее, как кандидатуру в Государственную думу. Я начисто отказался, но от него можно ожидать достаточно нахальства, чтобы напечатать мою кандидатуру и без моей воли, как он сделал

прошлый раз с Васнецовым... Этакая штука может подорвать мое прошение. Столыпин, прочитав, что я, пять дней назад подал прошение о службе, а теперь выставляю кандидатуру в Думу, может только пожать плечами и бросить в печку мое прошение. Неужели Гринмут этого бы и хотел?

Я от него всего ожидаю. Если бы он был в отношении меня честен, то даже и мысли этой не родилось бы в его голове... Сегодня я по телефону сказал Восторгову, что, если они выставят мою кандидатуру, то я принужден буду опровергнуть это в газетах... Но в результате получится только то, что я и с Гринмутом рассорюсь и у Бельгарда не получу места...

Больной — и то какие неприятности делает!

Между прочим, сегодня Восторгов служил у нас в приходе обедню с молебствием (коленопреклоненно) о выздоровлении болярина Владимира... Был и я, и даже молился: как-то господь помог изгнать из головы эту накость болярина Владимира...

У них кандидатов, действительно, нет, потому что никто не хочет итти... Но это весьма недостаточное извинение того, чтобы меня рядить в дурацкий колпак и разрушать все мои планы.

Ночь. Вечером были Кузнецов и Клавдий Степанов. Вижу из их разговоров, что обо мне в связи с С.-Петербургом ужасная болтовня, и с какими-то преувеличениями. Смешно! Куска хлеба не могу достать, а между тем знакомые неприятно всегда болтают, что-то такое великое, какую-то необычайную карьеру... Глупая насмешка положения.

24 сентября. Страшное и беспримерное царствование: никогда и, вероятно, нигде за столь краткое время не было разрушено все: власть, вера, совесть, честь, достоинство, даже простое самолюбие. Я бы не поверил прежде, что в состоянии буду пережить падение и поругание всей святыни, всего дорогого, чем жил. И что же? Помучился, помучился и пережил... И живу — страшно сказать — ни на что не надеясь, зная, что погибла родина, погиб мой народ, моя церковь, мои политические идеалы... И живу! Странно самому.

Или это бессознательное действие русского «отсиживания», «авось», «небось»? Я когда-то сидел в крепости, и тогда тоже все как-будто замерло на душе, но тогда у меня жила до конца злоба, ненависть... Теперь же — одно универсальное презрение...

Интересно знать: воскрес ли бы я душой теперь, если бы откуда-нибудь явилась, как тогда, возможность действия?

26 сентября. Из С.-Петербурга ни слуху, ни духу... Меня начинает серьезно смущать отсутствие назначения моего... Что это может значить? Неужели Столыпин «передумал»? Сняв меня с места и по собственному почину предложив переход, неужели он может быть столь легкомыслен, чтобы передумать? Конечно, могут быть какие-нибудь интриги и т. п., но все же это слишком. И однако — почему же нет назначения?

27 сентября. Владимиру Андреевичу стало очень худо. Голубев говорит, что из 10 шансов — 7 за смерть и 3 за выздоровление... Голубев объясняет, что воспаление легкого у него — на септической почве, т. е. в связи с его карбункулами, и главная опасность — в заражении крови...

28 сентября. Утро. Отправил Столыпину заказное письмо «в собственные руки», где, в связи с тяжкой болезнью Грингмута, прошу ускорить мое назначение, для того, чтобы бесповоротно закрепить мою связь со служебными обязанностями.

2 часа дня.—Только что, в 1 час 30 мин., умер В. А. Грингмут...

Ночь. День в страшной толчее. К вечеру приехал Восторгов и до сих пор, т. е. до 12½ ночи, просидел у меня...

Положение сложное, ужасно путаное. Помоги, господи!

29 сентября. Только вчера это было, а кажется, будто это случилось давно, давно, и в то же время не веришь сам по себе, что это факт... Все кажется, что он жив, что сейчас войдет, что все это фантазия или сон... Мне недостает его... Но самое главное, главное, тоска давит потому, что его исчезновение напоминает конец и ставит вопрос: где смысл? Зачем живем?

Что будет со мной, с теми, кого я кормлю, кто живет мною? Полная неизвестность.

Назначения на должность нет, нет и нет... У кого будет газета? Неизвестность. И если даже она останется у наследников, то дадут ли мне место? Там еще гроб стоит и читается псалтырь, а уже кипит борьба безумных человеков за оставшийся кусок хлеба... Завтра каждый будет лежать такой же безмолвной маской, а сегодня боремся: как бы захватить, как бы побольше... Нет, эта жизнь ужасна, тем более ужасна, что все это существенно и необходимо, и иначе не может быть. Какое-то презрение, и отвращение, и страх чувствуешь перед бессмыслицей этого и в то же время спрашиваешь: да где же мой-то кусок? Где мне его захватить? Как бы не упустить!

1 октября. Похороны В. А. Грингмута. Очень торжественно.

Вечером, точнее, ночью, приходил Нольде, сообщил, что завтра нужно назначить редактора, предлагает мне. Это, говорит, более прилично, чем его немца и протестанта... Но это предлагал он, а Соколов (Николай Викторович) мне ничего не говорил, а барону Нольде сказал, что ему все равно, кто ни будет редактором...

Я отказался... А из проклятого Петербурга — ничего... И останусь, в конце концов, ни с чем... Ну, уж тогда буду знать, что такое Столыпин! Просто не верится такому легкомыслию человека, держащего в руках судьбы государства.

2 октября. Первый день нового периода жизни. Он наступает в самой тяжкой мрачности в душе и в положении, а в то же время солнце восходит в каком-то зловеще ясном, красном блеске, в изумительно прекрасном осеннем утре...

На какой ты радости разыгралося? Это производит впечатление чего-то зловещего...

3 октября. Газета впервые вышла за подписью редактора А. Нольде.

Николай Викторович Соколов уехал в С.-Петербург.

4 октября. Вечером было Монархическое собрание, посвященное памяти В. А. Грингмута, и я произнес речь «В. А. Грингмут и его обвинители». Почти экспромт. Некогда было изготовить. А уже эти поганые газетишки — каждый день тревожат мое имя всуе: то сообщат, что я назначаюсь арендатором «Московских ведомостей», то

будто я избираюсь в председатели Монархической партии (где я даже и членом не состою). Лгунишки дрянные.

5 октября. Сегодня получил два извещения — от канцелярии министра и из департамента общих дел — о том, что я приказом министра от 29 сентября назначен на службу.

В тот же день вечером получено письмо отца Восторгова о том, что единственный кандидат на аренду «Московских ведомостей», допускаемый властью — я.

Вот искушение!

Куда итти?

6 октября. Говорил с Восторговым. Столыпин сказал так, (он вообще был сердит): «Я вовсе не намерен поддерживать правых и нисколько не разделяю идей Грингмута. Моя политика такая же, как была: поддержать монархию при развитии народного представительства». Всех правых кандидатов на аренду «Московских ведомостей» он отвергал одного за другим и, наконец, сам сказал: «Вот разве только Тихомирова можно бы... Но он мне самому тоже нужен... Мне нравится его личность и перо»...

Вникнув в дух этого объяснения, а также на основании того, что теперь брать «Московские ведомости» — это значит брать на себя роль Грингмута или ссориться со всеми его организациями, я решил — и заявил Восторгову, что кандидатуру на аренду «Московских ведомостей» — не принимаю и пойду на службу, вполне сознавая всю шаткость положения моего на службе. Конечно, соблазнительна мысль о прочном и богатом обеспечении на всю жизнь (что давала бы аренда), но остальные ее стороны для меня неприемлемы... Расстались однако друзьями, расцеловались, перекрестились. «Идите своим путем»,— сказал он.

Мы решили хлопотать, чтобы наследнице дали аренду до конца контракта.

8 октября. Заказное письмо П. А. Столыпину (на Елагин).

10 октября. Вечером неожиданно явился сам мой начальник А. В. Бельгард. Он приезжал собирать разные справки о «Московских ведомостях» и университете.

Из разговора явствует для меня несомненно, что моя кандидатура в арендаторы или совсем не существует или, по малой мере, не может быть серьезной, так что даже с практической стороны я хорошо сделал, сразу ее отклонивши. Это я ему подтвердил снова.

Много говорили о моих будущих занятиях в Главном управлении. Что же—будем работать! Был бы хлеб! Но до чего все-таки российское [?] нелепо: я — едва ли не лучший в России редактор и один из лучших публицистов, буду заниматься чорт знает какой библиографической ерундой, где любой библиограф во сто раз выше меня; а в редакторы посадят какого-нибудь Клавдия Степанова, который не годился бы мне и в помощники!

Какая-то роковая глупость всего, творящегося в России.

12 октября. Вчера и сегодня послал два заказных письма Бельгарду по вопросу: а) о доходности газеты, б) о правах университета.

Вчера я был у Николая Федоровича Голубова — наставления о жизни в С.-Петербурге.

Сегодня у меня был Никольский, Борис Владимирович. Сообщил, что вероятнейший кандидат на аренду «Московских ведомостей» — это

старый Назаревский (Владимир Владимирович). А Бельгард считает возможным Александра Тихомирова (бывшего ректора и товарища министра).

Происходят студенческие волнения.

15 октября. Принял присягу. Выслал в министерство внутренних дел, в департамент общих дел: 1) присяжный лист, 2) свидетельство Московского университета, 3) копию с причисления к дворянству.

Отправлено 18 ящиков на вокзал, но не успели отправить.

С.-ПЕТЕРБУРГ.

22 октября. Прибыл с Надей и Колей в Петербург.

Тотчас по прибытии телеграммой известил об этом министра внутренних дел. Прибыл прямо на квартиру: Тверская, д. 5, кв. 2, где кое-как и водворился.

В воскресенье меня «чествовали» в «Русском монархическом собрании», которое без ведома моего избрало меня почетным членом. Чествование было действительно торжественное, и я сердечно благодарил их, хотя, может быть, эта честь мне и не очень-то полезная. Прочитал им в благодарность сообщение: «Самодержавие и народное представительство».

Итак это первый день полного перелома моей жизни, подобный которому был только в 1887 г., 20 лет назад, и — тоже в октябре... Но тогда я был молод, здоров и почти бессемейным... Передо мной была целая жизнь, я мог терпеть и ждать долгие годы.

Теперь, если только Столыпин легкомыслен или нечестен, то этот перелом, на который он меня так настойчиво звал, будет страшной гибелью для меня и для тех, которые мною живут.

Со стороны совести я и тогда и теперь был чист. Тогда я чувствовал, что совершаю поступок геройский, самоотверженный (что и было правдою). Теперь нет ничего подобного: я остаюсь при тех же убеждениях. Проводить их энергично у меня не было средств и способов, как нет и теперь. Возможность действовать на общественное мнение у меня и теперь не исчезла и прежде была невелика... Но в «Московских ведомостях» лишь уже становилось неприятно работать, вследствие крайнего отрицания покойным Грингмутом всякой тени представительства, которое я нахожу необходимым... Когда умер Грингмут, продолжать его политику я никак не могу, это было бы против совести, — изменить же ее круто — это значит отнять у его монархической партии орган, который она считает своим... Тоже и это как будто похищение чужого: совесть моя говорит против. А способствовать перерождению его партии удобнее, не совершая узурпации, которая могла бы вызвать ее негодование...

И выходит, что совесть указывала мне покинуть «Московские ведомости» и не пытаться брать ни редакторства, ни аренды, по крайней мере, теперь, пока «монархическая партия» не отвыкла считать эту газету своей собственностью. Между тем Столыпин, зная мои взгляды, предложил мне службу, чтобы помогать ему. Я же считаю, что теперь помогаю правительству вырваться на более правильную дорогу — это значит едва ли не более, чем просвещать общественное мнение... Сверх того, Столыпин обещал мне помочь в получении независимого материального положения (на службе), что увеличило бы мою способность действия... Таким образом все соображения разума и совести влекли

меня к этому перелому. И вот теперь перед мною стоит грозный и таинственный вопрос: что такое П. А. Столыпин? Обманет или не обманет?

Если обманет, я пропал. Мне предлагали газету — Бартенев одну, Сучков другую. Правда, у Сучкова денег мало (он считает возможным иметь 50 000 р.), а у Бартенева тоже неопределенно. Но все же я мог попытаться действовать этим путем и — мог иметь успех. Теперь я все это пустил прахом, и — что если и здесь останусь на бобах?

Страшный вопрос.

23 октября. Получил от министра приглашение пожаловать к нему завтра в 3 часа в Елагинский дворец, причем я именуюсь вашим превосходительством... В официальной бумаге — это несколько преувеличенное злоупотребление титулами, но пакет, принесенный курьером, возбудил, видимо, сенсацию на квартире. Antant du gagné.

Затем я отправился к своему начальнику Бельгарду в Главное управление по делам печати и узнал, что «его превосходительство» приходят» в 4 или 4½ часа... А я был в 12. Оставил записку и уже больше не поехал: гнусная петербургская погода, а нужно беречь себя для Елагина, где я в прошлый раз схватил инфлюенцу... То было летом, а теперь октябрь.

Сделал вечером визит своему хозяину, Митрофану Константиновичу Сементовскому-Курилло... Очень любезен. Оказалось, что он весь век был на полицейской службе, а теперь в отставке. Неглуп, но с ним должно быть — держи ухо востро. Живет почти роскошно.

Ночь. Надо ложиться спать. А я зачитался дневниками своими. Приехал на что-то новое,— кто его знает какое,— а московская тетрадка кончается. Я вздумал пересмотреть, перелистать...

Боже, боже, какой умопомрачительный год! Какой ряд перемен, особенно за лето и осень. Вся жизнь кругом, и моя собственная, перевернута вверх дном, ничто не уцелело на месте, и все свалилось в какую-то новую кучу...

(Продолжение следует).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Передовая статья в № 1 «Московских ведомостей», «1906 год», начинающаяся словами «Проклятый год!.. Год всех позорных последствий позорнейшего 1905 года», целиком направлена против «нерусских частей империи, евреев и разных инородцев, с небольшой горстью «воров», как выражались в старину, стремящихся ниспровергнуть основы русского политического и религиозно-бытового бытия».

2) Лекция епископа Анастасия была вступительной к серии лекций для духовенства на тему «Социальный вопрос с церковной точки зрения». Лекции были организованы «для успешной борьбы духовенства с социализмом».

3) Германский рейхстаг был распущен 13 декабря 1906 г. формально из-за требования дополнительного кредита в 29 миллионов марок на войну в юго-восточной Африке.

Русские монархисты с большим вниманием следили за выборами в рейхстаг. Поражение германской социал-демократии вызвало посылку приветственной телеграммы Вильгельму от имени «Общества русских патриотов» и «Союза русского народа».

В своем дневнике Л. Тихомиров наклеил вырезку телеграммы о выборах из «Московских ведомостей».

4) На 26 января, по официальным подсчетам, среди избранных выборщиков преобладали: от съездов городских избирателей — кадеты и «левее кадет», от съездов землевладельцев — октябристы и правые и от съездов уполномоченных от волостей — «левые», «беспартийные» и монархисты.

5) Кадеты получили на выборах выборщиков 19 757 голосов, «левый блок» — 4 677, октябристы — 8 783 и монархисты — 2 891. В. И. Ленин по поводу этих «предваритель-

ных данных о московских выборах» писал: «Выборы в Москве доказали л ж и в о с т ь сказок о черносотенной опасности». (Сочинения, т. X, стр. 346—347).

На состоявшемся в тот же день съезде уполномоченных от рабочих для избрания 19 выборщиков в городское избирательное собрание был избран список кандидатов, правильность крупных итоговых цифр едва ли может быть теперь подвергнута сомне-

6) 28 января в трубе дома гр. Витте были обнаружены две «адские машины» с часовым механизмом, поставленные на 5½ часов и 8 часов. Взрывающий состав бомб при исследовании оказался незначительной силы. Впоследствии выяснилось, что «покушение» на Витте было организовано «Союзом русского народа».

7) В. И. Ленин в статье «Вторая Дума и вторая волна революции» о первых результатах выборов в Думу писал: «Перед нами, несомненно, более левая Дума, чем предыдущая. Если дальнейшие выборы дадут такие же результаты, то мы получим на 500 членов Думы такие крупные цифры: правых — 90 ч., националистов — 50, кадетов — 125, прогрессистов — 35, беспартийных левых — 100, народников и с.-д.— по 50. Разумеется, это — приблизительный расчет, который мы делаем лишь для наглядности, но правильность крупных итоговых цифр едва ли может быть теперь подвергнута сомнению. Пятая часть — правых; две пятых — умеренных либералов (либерально-монархических буржуа, включая сюда националистов, кадетов и часть, если не всех, прогрессистов); две пятых — левых (в том числе одна пятая беспартийных, одна пятая — партийных, народников и с.-д. поровну),— вот какой состав второй Думы вырисовывается перед нами на основании предварительных данных. Что же это значит? Самый дикий, самый бесстыдный произвол черносотенного правительства, реакционнейшего во всей Европе. Самый реакционный избирательный закон во всей Европе. Самый революционный в Европе состав народного представительства в самой отсталой стране! Это бьющее в глаза противоречие выражает с полной наглядностью основное противоречие всей современной русской жизни, выражает всю революционность переживаемого нами момента.

С великого дня 22(9)-го января 1905 г. прошло два года революции. Мы пережили долгие и тяжелые периоды бешеной реакции. Мы пережили короткие «светлые промежутки» свобод. Мы пережили два великих народных взрыва стачечной и вооруженной борьбы. Мы пережили одну Думу и дважды повторенные выборы, которые оформили окончательно партийную группировку, дали чрезвычайно резкую группировку населения, недавно понятия не имевшего ни о каких политических партиях.

За два года мы изжили наивную — у одних, грубокорыстную — у других веру в единство освободительного движения, изжили ряд иллюзий о мирном, конституционном пути, приобрели опыт массовых форм борьбы, дошло до самых жестоких и крайних, до последних мыслимых приемов борьбы, до вооруженной борьбы одной части населения против другой. Озлобилась и ожесточилась буржуазия и помещики. Устал обыватель. Размяк и раскис российский интеллигент. Подняла голову партия либеральных говорунов и либеральных предателей, кадетов, спекулируя на усталость от революции, выдавая за свою гегемонию свою фамусовскую готовность подличать до невозможности.

А внизу, в глубокой толще пролетарских масс и масс разоренного, голодного крестьянства, революция шла вперед, неслышно и незаметно подкапывая устои, будя самых сонных громом гражданской войны, расталкивая самых неподвижных быстрой сменой «свобод» и зверских насилий, затишья и парламентского оживления, выборов, митингов, горячки «союзной» работы.

В результате — новая, еще более левая, Дума, и впереди — новый, еще более грозный и более несомненный р е в о л ю ц и о н н ы й кризис.

Слепые должны увидеть теперь, что перед нами именно революционный, а не конституционный кризис. Сомнения невозможны. Дни русской конституции сочтены. Новая схватка надвигается неумолимо: либо победа революционного народа, либо такое же бесславное исчезновение второй Думы, как и первой, а затем отмена избирательного закона и возврат к черносотенному самодержавию Jans phrases.

...Революция сильнее, чем думают оппортунисты-маловеры. Революция может только лежать в прахе при гегемонии кадетов, она может побеждать только при гегемонии большевистской социал-демократии.

Дума получается именно такая, как мы рисовали ее в полемике с меньшевиками, в № 8 «Пролетария» (ноябрь 1906 г.). Это — Дума резких крайностей, Дума размытой революционным потоком умеренной и аккуратной середины, Дума Крушеванов и революционного народа. Большевистская социал-демократия высоко поднимет в этой Думе свое знамя и скажет массе мелкобуржуазных демократов, — как сказала она ей на петербургских выборах: выбирайте между кадетским торгашеством со Столыпиными и совместной борьбой в рядах народных масс! Мы, пролетариат всей России, идем на эту борьбу. За нами — все, кто хочет свободы народу, земли для крестьянства!» (Сочинения, т. X, стр. 369—370).

8) Открытию второй Думы Ленин посвятил статью, в которой писал: «Сегодня собирается вторая Дума. Условия ее созыва, условия выборов внешние и внутренние, условия ее работы, — все это изменилось по сравнению с первой Думой. Ждать простого повторения событий было бы явной ошибкой. Но, с другой стороны, во всех изменениях, происшедших за истекший политический год, столь богатый превратностями судьбы, заметна одна основная черта, которая показывает, что движение поднялось в общем на высшую ступень, идя зигзагообразным путем, но неуклонно вперед и вперед.

Эта основная черта может быть выражена кратко таким образом: поправение верхов, полевение низов, обострение политических крайностей. И не только политических, но и социально-экономических прежде всего. Последние события перед второй Думой особенно характерны тем, что при кажущейся неподвижности политической поверхности шла невидная, нешумная, но глубокая работа роста массового сознания — и рабочего класса и самых обширных слоев крестьянства.

Военно-полевая конституция мало изменилась за истекший год. Но политическая передвижка классов громадна...

... Политическая перегруппировка классов так глубока, так широка, так могуча, что никакой военно-полевой гнет, никакие сенатские разъяснения, никакие ухищрения реакции, никакие потоки кадетской лжи, монопольно заливавшей всю ежедневную печать, ничто не могло помешать отражению этой перегруппировки в Думе. Вторая Дума показывает обострение глубокой, массовой, окрепшей организационно, сознательной борьбы различных классов.

Задача момента — понять этот основной факт, уметь теснее связать различные части Думы с этой могучей опорой внизу. Не на верхи, не на правительство надо смотреть, а на низы, на народ. Не на мелочи думской техники надо обращать внимание. Не пошлые соображения о том, как бы притаиться, притихнуть и не дать разогнать Думу, не рассердить Столыпина и К-о, — не эти пошлые кадетские соображения должны занимать демократа. Все внимание, все силы своего духа он должен направить на то, чтобы укрепить приводной ремень между большим колесом, начавшим сильно двигаться внизу, и маленьким колесиком наверху.

Социал-демократия, как партия передового класса, теперь более чем когда-нибудь должна взять на себя инициативу выпрямиться во весь рост, заговорить самостоятельно, решительно и смело. Во имя социалистических и чисто классовых задач пролетариата она должна показать себя авангардом всей демократии. Отделиться от всех мелкобуржуазных слоев и прослоек нам надо, — но не для того, чтобы замкнуться в якобы гордом одиночестве (это значило бы на деле помочь либеральными буржуа, пойти в хвосте за ними), а для того, чтобы освободить себя от всяких колебаний, от всякой половинчатости и уметь вести за собой демократическое крестьянство.

Вырвать из-под гегемонии либералов остатки демократии, повести ее за собой, научить ее опираться на народ, сплотиться с низами, развернуть шире свое знамя перед всем рабочим классом, перед всей массой разоренного и голодающего крестьянства, вот с какой первой задачей входит социал-демократия во вторую Думу». (Сочинения, т. XI, стр. 5 и 7).

9) Забастовка слесарей и рабочих Миусского парка началась 22 февраля после неудовлетворения требований о возвращении уволенного слесаря парка Нежбайлова. На другой день к забастовке примкнули слесаря и рабочие Сокольнического парка, а затем и других парков. Городская управа объявила об увольнении забастовавших рабочих. 26 февраля движение трамвая вследствие расширившейся забастовки было приостановлено по всем линиям. Забастовали также рабочие центральной городской электрической станции и электрических подстанций. Рабочие предъявили городской управе ряд требований.

10) В ночь на 27 февраля вооруженной револьверами группой лиц была совершена попытка обезоружения городовых на улицах Москвы. Четверо из этой группы были арестованы. При аресте они оказали вооруженное сопротивление и убили одного городового. Трое из них оказались студентами Э. Н. Новицким, М. Н. Чеботаревым и Т. Н. Безродицким, а четвертый б. телеграфистом И. З. Овсянниковым, бежавшим из ссылки. Все они были преданы военно-полевому суду и утром 1 марта казнены.

11) 3 марта утром, за четыре часа до начала заседания Госуд. думы, в Таврическом дворце в зале заседаний обрушилась середина потолка; упала штукатурка, деревянная обшивка. Кусками штукатурки были разбиты кресла, пюпитры. В зале в это время никого не было.

12) 6 марта в Госуд. думе была прочитана П. А. Столыпиным декларация от имени Совета министров. При обсуждении декларации Столыпин выступил с второй речью, в которой заявил, что Думе «не дано права выражать правительству неодобре-

ние, порицание или недоверие» и закончил известной фразой, обращенной к оппозиционной части Думы: «Не запугаете!».

13) Статья Струве в «Русских ведомостях», под заглавием «Политика и философия государственного испуга», была направлена против представителей с.-д. фракции, выступавших в Думе по поводу декларации Столыпина. Струве призывал Столыпина не пугаться речей с.-д.: «Почему г. Столыпин не есть представитель той либеральной власти, в которой так нуждается Россия и которая даже не моргнула бы на «революционные» угрозы?.. Потому что на делах г. Столыпина лежит проклятая печать государственного испуга. «Нас не запугаете! — бросил г. Столыпин социал-демократам. В этих словах министра, сказанных с большим волнением, на моих глазах переходившим в нервную дрожь, явственно почувствовались не «бесцеремонность», не «смелость», а все тот же «проклятый государственный испуг»... На новый путь Россию может вывести только власть, которая не будет бояться в Думе и вне Думы с.-д. речей».

Эта статья виднейшего кадета как нельзя более ярко иллюстрировала положение, которое охарактеризовано в статье В. И. Ленина «Основы сделки»: «Правительство и кадеты, черносотенное самодержавие и либерально-монархическая буржуазия сделали шаг навстречу друг другу и готовятся соединить свои руки, чтобы совместным усилием задушить революцию и вместо земли и воли бросить народу жалкую подачку, обрекающую его на полуголодное и полурабское состояние». (Сочинения, т. XI, стр. 68).

14) 14 марта днем в Москве около дома черносотенца Торопова был убит выстрелами из револьвера кадет, бывший депутат I Госуд. думы, сотрудник «Русских ведомостей», Г. Б. Иоллос.

15) По поводу слухов о роспуске Думы В. И. Ленин в цитированной выше статье «Основы сделки» писал: «Два вопроса тяжелым камнем лежат на сердце у черносотенного самодержавия — бюджет и аграрный вопрос. Без утверждения бюджета Думой — нет кредита. Без того, чтобы как-нибудь хоть на время прикрыть зияющую язву земельного вопроса, нет надежды хотя бы на непродолжительное спокойствие. Разогнать Думу без бюджета и аграрного закона, ею одобренных, правительство не смеет. Оно б о и т с я разгона Думы и в то же время кричит о нем, приводя в движение весь черносотенный аппарат «Союза русского народа», чтобы запугать робких и склонить к уступчивости колеблющихся. Оно хочет попробовать вырвать у Думы уступку, затыкая ей рот угрозой разгона. Ну, а потом видно будет, что делать с опозоренным, заплеванным и повергнутым в грязь «высоким» собранием. Отсюда — просьбы утвердить бюджет, уверения, что министр финансов и не думает предлагать Госуд. думе вопрос о разрешении займа. Отсюда же корректные речи г. Васильчикова о том, что правительство будет «охранять неприкосновенность тех граней, на которых соприкасаются» «интересы отдельных лиц, отдельных групп и отдельных сословий», но в то же время «сознает свою обязанность эту охрану простирать настолько, насколько намеченные грани совпадают с общими интересами государства. Там, г д е э т и г р а н и с э т и м и и н т е р е с а м и н е с о в п а д а ю т, о н и д о л ж н ы б ы т ь п е р е д в и н у т ы». В этих словах, особенно в подчеркнутом нами месте, несомненно, содержится едва заметный кивок в сторону кадетов, легкий намек на некоторую мыслимость кадетского «принудительного отчуждения».

Что же отвечают на все эти с трудом уловимые авансы кадеты? О! Они изо всех сил стараются неуловимое сделать уловимым, прикрытое таинственными намеками и недомолвками — открытым и договоренным до конца. И потому, в свою очередь, дают правительству несравненно большие авансы, раскрывают свою душу, хотя, по свойственной им осторожности, пока только наполовину, и робко протягивают руку, чтобы получить снисходительно протянутый им указательный палец г. Столыпина...

... Кто имеет терпение проследить все подробности постыдного торга между черносотенцами и либеральными буржуа, насколько эти подробности вырисовываются к настоящему моменту,— для того сомнений нет: контрреволюционные силы организуются для того, чтобы нанести окончательный, смертельный удар великому освободительному движению, чтобы сломить сильных и смелых борцов и обмануть и устрашить наивных, робких и нерешительных. Правые, польское коло, кадеты смыкаются в одно целое для нанесения этого удара. Правительство запугивает кадетов и трудовиков воем натравленной им самим черной сотни, требующей разгона Думы и уничтожения «подлой конституции». Кадеты запугивают тех же трудовиков ссылками на этот же самый вой и на мнимые намерения Столыпина немедленно разогнать Думу. Все эти угрозы и страхи нужны черносотенному самодержавию и либеральной буржуазии, чтобы получше сговориться за спиной народа, чтобы, полюбовно поделившись, ограбить этот народ». (Сочинения, т. XI, стр. 68—70).

16) Воспроизводим текст письма Столыпина:

«Многоуважаемый Лев Александрович!

Вполне понимаю ваши сомнения и спешу вам ответить.

Прочность, особенно в теперешнее время, вещь относительная. И я не скрываю, что прочность того положения, которое я для вас создаю, находится в зависимости от моей прочности: если я буду убит или заменен другим лицом, то вы окажетесь в зависимости от нового лица, стоящего у руля.

Но ведь положение всякого лица, состоящего на государственной службе, однородно.

Конечно, штатное место члена Совета Главного управления по делам печати (о чем я сначала думал) было бы прочнее, но такое назначение сразу наделало бы страшного шума, да и содержание членов Совета 4 тысячи рублей.

Поэтому я придумал предложить вам сначала причисление, с тем, чтобы через несколько времени назначить вас членом Совета, оставив вам получение 6 тысяч.

Что касается ваших вопросов, то 1) на устройство и ликвидацию дел я мог бы дать вам от 6 недель до 2 месяцев.

2) Если ваш патрон попросит подождать, то я готов и ждать.

3) Скрывать от него, что место вам предлагаю я, нет надобности, лишь бы он об этом не болтал.

Затем, должен вас предупредить, что я предполагал воспользоваться вами для разработки отдельных вопросов, так что служба вас не заест и у вас останется время для литературного труда.

Искренно вас уважающий П. Столыпин».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Анастасий, епископ, председатель «Комиссии по организации общеобразовательных чтений для фабрично-заводских рабочих».

Антоний (Вадковский) (1846—1912), митрополит петербургский.

Антоний (Храповицкий), архиепископ волынский, член Госуд. совета в 1906—1907 гг.

Анучин, Дмитрий Николаевич (1843—1923), проф. Московского университета, антрополог, член редакции «Русских ведомостей».

Афанасьев, Михаил Афанасьевич, бывший председатель зубатовского «Совета рабочих механического производства», член-учредитель «Русского монархического союза».

Бартенев, Юрий Петрович (1866—1908), цензор, участник монархических организаций.

Бельгард, Алексей Валерианович, с 1905 г. начальник Главного управления по делам печати.

Бердников, Илья Степанович, проф. Казанской духовной академии и Казанского университета, член учрежденного при синоде в 1906 г. «Особого присутствия для разработки вопросов, подлежащих рассмотрению поместного церковного собора».

Бодиско, Дмитрий Михайлович, черносотенный публицист.

Буткевич, Тимофей Иванович, протоиерей, проф. богословия в Харьковском университете в 1894—1906 гг., с 1906 г. член Госуд. совета (по выборам), крайний правый.

Васнецов, Виктор Михайлович (1848—1926), художник.

Введенский, Алексей Иванович (1861—1913), проф. Московской духовной академии, сотрудник «Московских ведомостей».

Витте, Сергей Юльевич (1849—1915), граф, председатель Совета министров в 1905—1906 гг.

Владимир (1848—1918), московский митрополит в 1898—1912 гг.

Володимиров, Святослав Александрович (1868—1919), крупный землевладелец, учредитель черносотенного «Союза законности и порядка» в Орле, впоследствии член Госуд. думы 4-го созыва.

Воронов, Леонтий Николаевич, секретарь редакции «Московских ведомостей».

Восторгов, Иван Иванович (1866—1918), протоиерей, с 1906 г. миссионер московской епархии, один из главарей черносотенных организаций, председатель «Русского монархического союза».

Гейден, Александр Федорович, граф (1859—1919), капитан 1 ранга, флигель-адъютант.

Герценштейн, Михаил Яковлевич (1859—1906), профессор Московского сельскохозяйственного института, член Госуд. думы 1-го созыва, кадет, автор аграрной программы кадетской партии, убит членами «Союза русского народа».

Глинка-Янчевский, Станислав Казимирович, публицист-черносотенец, издатель «Русской земли», а потом «Земщины».

Головин, Федор Александрович, член Госуд. думы 2-го и 3-го созывов от Москвы, член ЦК к.-д., председатель Госуд. думы 2-го созыва.

Голубов, Николай Федорович, врач, профессор Московского университета.

Горемыкин, Иван Логинович (1839—1917), председатель Совета министров в 1906 г.

Грингмут, Владимир Андреевич (1851—1907), редактор-издатель «Московских ведомостей», учредитель и председатель «Русского монархического союза».

Гужон, Юлий Петрович, фабрикант, директор правления товарищества московских металлических заводов и товарищества шелковых мануфактур.

Де-Роберти, Евгений Валентинович (1843—1915), профессор.

Доррер, Владимир Филиппович, граф, курский губернский предводитель дворянства, один из главарей черносотенных организаций.

Дурново, Петр Николаевич (1845—1915), член Госуд. совета, статс-секретарь, министр внутренних дел в кабинете Витте в 1905—1906 гг.

Елизавета Федоровна (1864—1918), великая княгиня, вдова вел. кн. Сергея Александровича.

Ефимов, Иван Ефимович, владелец типографии и литографии.

Извольский, Петр Петрович (1862—1928), обер-прокурор синода в 1906—1909 гг.

Илиодор (Труфанов), иеромонах Почаевской лавры, черносотенец.

Иннокентий (Беляев) (1862—1913), епископ тамбовский, впоследствии экзарх Грузии.

Иоллос, Григорий Борисович (1859—1907), публицист, член редакции «Русских ведомостей», член Госуд. думы первого созыва, кадет, убит в Москве (убийство было организовано членами «Союза русского народа»).

Истомин, Владимир Константинович (бывший управляющий канцелярией московского генерал-губернатора.

Киреев, Александр Алексеевич (1833—1910), генерал-лейтенант, писатель по церковным вопросам.

Кноль, Иосиф Грацианович, правитель канцелярии председателя Совета министров Столыпина.

Кузнецов, Николай Дмитриевич, присяжный поверенный, писатель по церковным вопросам.

Куропаткин, Алексей Николаевич (1848—1926), бывший военный министр, главнокомандующий сухопутными и морскими силами во время русско-японской войны.

Лукин, Митрофан Петрович, сотрудник «Московских ведомостей», член «Русского монархического союза».

Матросов, Иван Савельевич, участник черносотенных организаций.

Медведский, Константин Петрович, сотрудник «Московских ведомостей» и «Русского вестника».

Мензбир, Михаил Александрович, зоолог, профессор и помощник ректора (1906—1911) Московского университета.

Меньшиков, Михаил Осипович (1859—1919), публицист, один из главных сотрудников реакционной газеты «Новое время».

Миролюбов, Иван Иванович, член «Русского монархического союза».

Мосолов, Александр Александрович, генерал-лейтенант, начальник канцелярии министра имп. двора (1900—1917).

Назаревский, Борис Владимирович, педагог, участник монархических организаций.

Назаревский, Владимир Владимирович, председатель Московского цензурного комитета.

Нейдгардт, Алексей Александрович (1832—1915), отставной чиновник.

Нейдгардт, братья: *Алексей Борисович* (р. 1863), с 1906 г. член Госуд. совета по выборам от нижегородского земства, и *Дмитрий Борисович* (р. 1860), бывший одесский градоначальник.

Нестеров, Михаил Васильевич (р. 1862), художник.

Николай (Касаткин) (1836—1912) архиепископ японский, основатель русской православной миссии в Японии.

Никольский, Борис Владимирович (1870—1919), преподаватель училища правоведения, один из лидеров монархического «Русского собрания» в Петербурге.

Новгородцев, Павел Иванович, с 1906 г. директор Московского коммерческого института, член Госуд. думы первого созыва, кадет.

Новоселов, Михаил Александрович, бывший толстовец, писатель по религиозным вопросам.

Нольде, Александр Эрнестович, барон, секретарь редакции, потом редактор «Московских ведомостей».

Носкова, Марья Дмитриевна, рожд. Сергеева, сестра Е. Д. Тихомировой.

Олсуфьев, Дмитрий Адамович, граф, председатель саратовской губ. земской управы, с 1906 г. член Госуд. совета по выборам от саратовского земства, октябрист.

Орлов, Владимир Николаевич (р. 1868), князь, флигель-адъютант.

Павлов, Николай Александрович, крупный землевладелец Саратовской губ., сотрудник «Московских ведомостей» и «Гражданина» (подписывал свои статьи «дворянин Павлов»).

Папков, Александр Александрович, писатель по церковным вопросам.

Петрункевич, Иван Ильич (р. 1844), общественный и политический деятель, член Госуд. думы первого созыва от Тверской губ., член ЦК кадетской партии.

Победоносцев, Константин Петрович (1827—1907), б. обер-прокурор синода.

Пуришкевич, Владимир Митрофанович (1870—1920), член Госуд. думы 2-го, 3-го и 4-го созывов, один из основателей и товарищ председателя совета «Союза русского народа», затем основатель монархической организации «Палата Михаила архангела».

Путятин, Михаил Сергеевич, князь, штаб-офицер для поручений при управлении гофмаршальской частью царского двора (1900—1911).

Пясковский, Николай Яковлевич, военный врач.

Рейнбот, Анатолий Анатольевич (1868—1918), московский градоначальник (1906—1907).

Рогович, Алексей Петрович, товарищ обер-прокурора синода (1906—1912).

Сементовский-Курилло, Митрофан Константинович, петербургский домовладелец.

Серафим (Чичагов), б. полковник епископ можайский.

Соколов, Николай Викторович, служащий университетской типографии.

Соловьев, Владимир Сергеевич (1853—1900), философ-мистик.

Сопоцько, Михаил Аркадьевич, в 1890-х гг. участник студенческого движения, черносотенец.

Стенбок-Фермор, граф, помещик Херсонской губ.

Степанов, Клавдий Петрович, художник, участник монархических организаций.

Степанов, Филипп Петрович, прокурор московской синодальной конторы.

Столыпин, Петр Аркадьевич (1862—1911), председатель Совета министров.

Струве, Петр Бернгардович, литератор и политический деятель, в 1900-х гг. легальный марксист, затем кадет, после Октября участник врангелевского правительства, белый эмигрант.

Струженцев, Михаил Иванович, преподаватель Московской духовной семинарии, секретарь «Комиссии по организации общеобразовательных чтений для московских фабрично-заводских рабочих».

Суворин, Алексей Сергеевич (1834—1912), издатель реакционной газеты «Новое время».

Тернавцев, Валентин Александрович, писатель по вопросам религии.

Тиханович-Савицкий, Нестор Николаевич, купец, председатель «народной монархической партии» в Астрахани.

Тихомиров, Александр Андреевич, зоолог, б. профессор и ректор Московского университета.

Торопов, Иван Васильевич, московский домовладелец, участник монархических организаций; в его доме помещалась редакция черносотенной газеты «Вече».

Трепов, Дмитрий Федорович (1855—1906), б. московский градоначальник, в 1905 г. товарищ министра внутренних дел и петербургский генерал-губернатор, потом дворцовый комендант.

Хомяков, Алексей Степанович (1804—1860), поэт, один из вождей славянофильства.

Хомяков, Дмитрий Алексеевич (1841—1919), сын предыдущего, публицист реакционного направления.

Цертелев, Дмитрий Николаевич, князь (1852—1919), публицист реакционного направления.

Чемодуров, Александр Александрович, бывший самарский губернский предводитель дворянства.

Ширинский-Шихматов, Алексей Александрович, князь, обер-прокурор синода в 1906 г., потом член Госуд. совета.

Ширинский-Шихматов, Андрей Александрович, князь (1868—1927), вышневолоцкий предводитель дворянства и председатель земской управы (1906—1909).

Шербатов, Александр Григорьевич, князь (1850—1915), бывший президент Московского общества сельского хозяйства, помещик Московской губ.

Юсупова, Зинаида Николаевна, княгиня (1861—1928), жена графа Ф. Ф. Сумарокова-Эльстон, князя Юсупова, владелица одного из крупнейших состояний в царской России.

Из записной книжки архивиста

Из переписки царских сановников накануне войны и революции

Письма, печатаемые ниже, пересылались в свое время, в 1914 г., не обычным путем, по почте, и не через фельдъегерей. Они попадали к адресату, как некая нелегальщина,— повидимому, под видом невинной посылки с колбасой. Посылал эти письма один из виднейших представителей «благородного» дворянского сословия, а получал знатнейший сановник царской России, человек близкий к царю. И уж сам по себе способ сношений этих людей выразительно говорит о политической атмосфере 1914 г., заставлявшей прибегать к конспирации верхи господствующего класса.

Автор писем — граф Владимир Владимирович Мусин-Пушкин, богатый помещик Московской губ., член четвертой Государственной думы, по придворной линии — в должности егермейстера. Он был товарищем председателя думской группы центра, а группа эта образовалась из соединившихся осколков партии октябристов и партии националистов. Эту группу для поддержки правительства сколотил Крупенский; за ней в думских кругах установилась ироническая кличка «группа Коко», и большим влиянием она не пользовалась.

Писал Мусин-Пушкин своему тестю, графу Илларион Ивановичу Воронцову-Дашкову, 77-летнему старцу, бывшему министру двора, в это время наместнику на Кавказе. Почтительный зять информировал своего названного «папашу» о политических настроениях в стране, о придворных новостях и о грызне в высших бюрократических сферах. Тайна переписки позволяла Мусину-Пушкину не стесняться в своих характеристиках и в выражении своих собственных настроений. Это и придает интерес письмам убежденного реакционера, для которого и октябристы были слишком «левой» партией.

Первые два письма любопытны своими предреволюционными настроениями. Богатый помещик боится революции, которая, по его мнению, стоит на пороге. Он не только сам боится, он требует, чтобы и правительство сознало серьезность положения и приняло немедленно какие-то чрезвычайные меры. Его привело в негодование «берлинское интервью» Коковцова. Находясь проездом в Берлине, премьер-министр Коковцов принял 6 ноября 1913 г. представителей германской печати и уверил их, что никаких серьезных признаков революционного движения в России нет, что все обстоит вполне благополучно, и «желаний к новому революционному движению ни у кого нет». Мусин-Пушкин считает такое благодушие со стороны председателя Совета министров крайней близорукостью, слепотой.

Коковцова сменил Горемыкин, но это нисколько не успокоило перепуганного на-смерть помещика. Он сообщает своему тестю: «Революции никто не хочет и все ее боятся (даже кадеты), но все приходят к убеждению, что она неизбежна, и только гадают, когда она наступит и что послужит толчком». Главное, конечно, в том, что «рабочее движение опять становится грозным». Запуганный помещик правильно констатирует факт, но до объяснения его сколько-нибудь разумными причинами он подняться не может. Он «догадывается»: «это сделано на заграничные деньги». В этом сказывается весь масштаб мышления этого, далеко не самого глупого из дворян-помещиков.

О приближающейся революции Мусину-Пушкину сказали и «киевские съезды». Осенью 1913 г. собирались в Киеве на сельско-хозяйственной всероссийской выставке всякие съезды, в их числе многолюдные и нашумевшие съезды сельскохозяйственный, кооперативный и городской. На всех этих съездах были приняты более или менее оппозиционные резолюции, а городской съезд, на котором выступал Гучков с речью о «параличе всего государственного организма», был даже закрыт полицией. Свою статью в «Нашем пути» по поводу сельско-хозяйственного съезда В. И. Ленин начал словами: «На киевском сельско-хозяйственном съезде, перед 1000 помещиков всея

России, г. профессор Коссинский читал первый доклад, доказывая победу «трудового хозяйства» в земледелии». На этом съезде либеральная мелко-буржуазная интеллигенция устроила политическую смычку с помещиками. Статью, посвященную городскому съезду, Ленин озаглавил «Кадетский домовладелец, рассуждающий «по Марксу», Ленин высмеивал в этой статье кадета Велихова, который ссылками на Маркса доказывал, что «революция прошла и едва ли повторится в близком будущем».

В противовес буржуазному оппозиционному движению и как раз для борьбы с революцией в том же Киеве, той же осенью 1913 г., устроили съезд октябристы и националисты, приурочив свою встречу к открытию памятника Столыпину. Столковаться однако не удалось. Группа центра так и осталась промежуточным звеном между двумя фракциями реакционного лагеря. Помещики и капиталисты оказались охваченными тем же параличом, что и высшие бюрократические сферы.

Мусин-Пушкин не жалеет резких слов для характеристики предвоенного и предреволюционного правительства. Он говорит о правительственной «импотенции». Единственный человек, который, по мнению Мусина-Пушкина, мог бы спасти положение, это — Кривошеин, но он «человек физически конченный».

Такими пессимистическими настроениями вначале 1914 г. был охвачен не один Мусин-Пушкин. Он отражал настроения очень влиятельных придворных и правящих кругов. Там тоже искали выхода и находили его в победоносной войне. Но пришедший в паническое состояние помещик и в войну не верил. Он рассуждал довольно здраво: «... с одной стороны, Welt-Politik — разрешение мировых проблем, к которым готовится вся Европа, а с другой — такие ничтожества, как Маклаков, Саблер, Кассо, Сухомлинов и К°, которые могут свести все на-нет. Тут даже не будет грандиозности катастрофы, а мерзость и вонь гниения!»

Помещик боялся за самое свое существование, и классовый инстинкт подсказывал ему, где опасность. Он не тешил себя иллюзиями министерской чехарды и военной игры.

Его свидетельство подтверждает ту оценку политического положения, которая была дана Лениным и «летним» совещанием 1913 г. Центрального комитета РСДРП(б) с партийными работниками в Поронине. «Положение в стране все больше и больше обостряется», — констатировала резолюция, написанная Лениным. Она указывала на развитие массовой революционной стачки, на революционные лозунги борьбы. «Борьба рабочего класса, протекающая под революционными лозунгами, — продолжает резолюция, — заставила часть промышленников и либерально-октябристскую буржуазию усиленно заговорить о необходимости реформ вообще и урезанной свободы коалиций, в частности».

Этой большевистской оценке политического положения меньшевики противопоставляли свою, ликвидаторскую. Один из меньшевистских органов писал «Очищение пути капиталистического развития от абсолютистских остатков произойдет безо всякой революции... в наступающем периоде рабочий класс должен организоваться «не для революции», «не в ожидании революции»... (Цит. Ленин, XVII, 313).

Граф Мусин-Пушкин ожидал неизбежной революции, меньшевики «не ожидали». В согласии с ними кадеты искали пути «оздоровления власти», и Струве советовал министрам «забыть о том, что были когда-то те события, факты и настроения, которые принято обозначать, как русскую революцию». Дрожащему в страхе за свое имение графу Мусину-Пушкину либеральный мудрец рекомендовал самое простое средство от революции: забыть о ней!

Прошло полгода, и грянула империалистическая война. Первые месяцы как будто оправдывали реакционное пророчество о спасении помещичье-капиталистической России при помощи войны. Какой поворот в письме графа Мусина-Пушкина, написанном в декабре 1914 г.! Не только он сам «помолодел», — в крестьянской и рабочей крови омолодилось и все правящее «благородное» сословие. От пессимизма апрельского письма не осталось и следов. Тогда Мусин-Пушкин верил в неизбежную революцию, теперь верит в «неизбежное просветление». Он даже возвышается до афоризма: «Две вещи воспитывают народы мгновенно: революция и особенно победоносные войны, подобные этой». Действительность не замедлила показать, что война, и именно «подобная этой», воспитывает народы. Как могло произойти, что война, которая должна была привести, по трезвому наблюдению графа Мусина-Пушкина, «даже не к грандиозной катастрофе, а к мерзости и вони гниения», привела к «просветлению»? «Чудо», — говорит граф Мусин-Пушкин, опьяненный тем, что война заглушила на первых порах революционное движение. Нет у него другого объяснения кроме того, что оно есть чудо. Не стоит и размышлять над этим. Совсем другие мысли владеют графом Мусиным-Пушкиным. Он видит уже, как входит он в Берлин во главе победоносной царской армии. И он

предусмотрительно изготовляет архивные справки. И в Семилетнюю войну и в 1813 г. входили в Берлин предки графа Мусина-Пушкина. Дважды это было, и есть в Берлинском музее набитое соломой чучело лошади графа Александра Мусина-Пушкина, некогда коменданта города Берлина.

Но не случилось нового чуда, и не в качестве коменданта, а в качестве спасающегося бегством эмигранта мог войти в Берлин потомок некогда гордого графа! Он не может рассчитывать даже на такую честь, какая оказана была лошади его деда. Он может утешать себя лишь тем, что перед войной обнаружил немалую проницательность при общем, весьма слабом политическом развитии.

Так и оказалось, как он предполагал в апреле 1914 г. Грандиозная «катастрофа» выразилась в «мерзости и вони гниения» всего до-революционного строя России, а война действительно оказалась могучим воспитательным средством. Причем в Москве в 1916 г. «вонь гниения» была лишний раз иллюстрирована грязным делом патриота графа Мусина-Пушкина, уличенного в спекуляции сахаром. Об этом шумела даже капиталистическая печать. Уж очень нагло припрятал тогда граф Мусин-Пушкин огромные запасы своего сахара...

Д. Заславский.

I [1])

18 февраля 1914 г.
Доверительно.

Милый папа!

Во исполнение твоего желания спешу сегодня же начать летопись последних событий, основанную если не всегда на достоверных, на что никто, не бывши сам свидетелем, претендовать не может, то, во всяком случае, на вероятных и правдоподобных сведениях, полученных иногда из ближайших источников.

Еще летом, сидя в одиночестве в Покровском, из газетного чтения я почувствовал, что что-то в стране произошло, что настроение поднимается, что становится похоже на последние перед войной годы, и показателем этого были всякие киевские съезды. По приезде сюда, мои впечатления стали подтверждаться главным образом из сфер правительственных. Многие мои знакомые, говорившие с тем или иным министром, были поражены их пессимизмом и недовольством собой (как правительством). Такое же впечатление вынес я и из разговора с Кривошеиным и Джунковским. С первым мы в унисон негодовали на слова Коковцова в берлинском интервью, и здесь он впервые открыл мне свои чувства к последнему, причем сказал, что он уже подал в отставку, видя, что не в состоянии предотвратить ту катастрофу, к которой нас влечет самодовольство и слепота Коковцова. Но одновременно я узнал, что тот же Кривошеин дружит с Маклаковым, а последний с Мещерским (попрежнему) и по новому с Распутиным. На этом Кривошеин заболел, и я его больше не видел.

После берлинских глупостей Коковцов сел в лужу с польским языком в Госуд. совете, но тут особенно курьезно было не существо дела, а его обстановка. Для всех было ясно, что первый министр подобное предложение может поддерживать только с согласия всего кабинета и монаршего одобрения; на заседание же Госуд. совета с ним приехали его друзья: Сазанов, Харитонов и Тимашев; на выборы же непримиримой согласительной комиссии из одних правых приехали класть записки враги: Сухомлинов, Саблер и Щегловитов; Кривошеин — ни туда, ни сюда. Очевидно, какую-нибудь из этих партий надо было прогнать в шею, но все остались и продолжали разыгрывать роль о б ъ е д и н е н н о г о правительства. Действительно, Коковцов их объединил ненавистью к себе и на большее не претендовал, говоря, что это его не касается. Положение становилось нестерпимым для всех одинаково: топтание на месте, ненависть, нервозность и полная импотентность. Человек чуткий и не держащийся за место quand même et malgré tout, давно бы ушел, но Коковцов, при всех своих достоинствах порядочного человека и опытного государственного человека, только все более обижался и положительно всякому встречному (даже просителям) до неприличия плакал в жилет и жаловался на всех и на вся.

Мне пришлось одно время вести небольшую «интригу», оправдываемую целью, именно благополучным прохождением земского юбилея. Маклаков играл grand jeu, и тут мы с помощью Коковцова, но главным образом посторонних лиц, в первый раз победили, т. е. государь поехал на раут и остался в восторге, но в другой моей мысли, чтобы он отблагодарил всех обедом, победил Маклаков, хотя Коковцов п р и м н е сказал Фредериксу в телефон: «Передайте государю, что я считаю это делом государственной важности». Когда с ним потом не согласились, он сделал bonne mine, но я понял, что его дело плохо, тем более потому, что во всех передрягах юбилея его поддерживали все министры против Маклакова. На-

*) Подлинники публикуемых писем хранятся в Крымском центральном архивном управлении.

конец, наступил для него экзамен, как для министра финансов, и тут он окончательно провалился, отожествляя себя с пьянством и принимая за личную борьбу с собой все меры (положим, необыкновенно глупые), которыми члены Госуд. совета с Витте во главе предлагали бороться с этим злом. Трезвость же теперь в моде (запрет чарок на парадах), и тут его ушли!

Интрига велась с двух концов — официально министрами, и, к сожалению, говорят, больше всего Кривошеиным и Маклаковым, и неофициально — Мещерским, Богдановичем, Распутиным плюс Витте. Мещерский, между прочим, до назначения пил за званым обедом тост за министра финансов Барка, что было сообщено куда следует и очень, говорят, не понравилось. Дай бы бог! Горемыкин, говорят, боролся с Дурново, а Барк с Рухловым; во всяком случае, некоторые темные лица, от которых я сам слышал фразу: «наконец, нам удалось свалить Коковцова», ругали Барка ужасно, что доказывает, что они уже перегрызлись.

Я выше сказал, что, «к сожалению», говорят, больше всего действовал Кривошеин, так как считаю его единственным кандидатом в премьеры (в долговечность на этом посту Горемыкина никто не верит, он сам говорил, что это до весны) и боюсь, что, свалив Коковцова, он одержал Пиррову победу, так как рекомендовавшему Барка этого, вероятно, не простят, если только последний не сумеет чем-нибудь очаровать. Здесь приходится сделать отступление. Барк начал службу при Плеске и что-то натворил при нем, сватался, не женился на его дочери, одним словом — уже после его ругали; раньше в Киеве, в университете, был репетитором у сына гр. Алекс. Павл. Игнатьева. Потом служил, служил и попал в Волжско-Камский банк, где наскандалил так, что если бы Столыпин (почему — не знаю) не взял его в товарищи министра торговли, чтобы иметь его на случай ухода Коковцова, то его из банка, вероятно, выгнали бы. Он там сцапал акций на 250 тысяч рублей, которые пришлось вернуть. Эту историю я слышал от многих лиц, и коммерческих и правительственных, но к этому добавляют еще следующее: что акции эти он записал на имя жены почтеннейшего Петра Михайловича Романова (бывшего товарища министра финансов и члена Госуд. совета), с которой имел будто бы связь, и Романов, узнав об этом, отравился!

Потом был такой факт: уходя из банка, он выписал себе жалованье не по день ухода, а за несколько месяцев вперед, по день общего собрания для выбора нового директора. Кроме того, его все тогда ругали за полную неспособность, а его жульнические проделки разоблачал в «Гражданине» кн. Мещерский. Будучи товарищем Тимашева, он решительно ничем себя не показал. Так вот, не успел Коковцов получить письмо (по форме очень сердечное), от которого он чуть не упал в обморок — так, по крайней мере, рассказывал д-р Бертенсон, который при этом присутствовал,— как, разумеется, начали царю открывать глаза. Говорят, что, со свойственной ему прямотой и резкостью, больше всех наговорил Акимов, назвавши будто бы Барка «мелким жуликом», на что ему ответили: «Надо было раньше говорить, теперь поздно». На другой день был там Коковцов, отказавшийся от 200 тысяч рублей (которые только что получил Витте). Оба рыдали, что́ видели и посторонние при выходе Коковцова из кабинета. Рассказывают (но это не достоверно) о таком разговоре с Маклаковым, после свидания с Акимовым.— ««Какие у [вас] сведения о Барке?» — «Никаких, ваше величество». (Строгим тоном:) «Я вас спрашиваю как министра внутренних дел». — «Я ничего не знаю». Говорят, что подобная неосведомленность (?!) очень не понравилась, и вообще усиленно стали поговаривать об его, т. е. Маклакова, уходе, но теперь опять замолчали. Я уверен, что ни Горемыкин, ни Кривошеин с ним не уживутся долго. Ко всему сказанному надо прибавить, что, прослужив в Государственном и в Волжско-Камском банке (который стал вроде первого), Барк не знает ни страны, ни министерства финансов, ни даже биржи, и все главари министерства объявили, что с ним служить не хотят (их временно заставили). Коковцов мне прямо сказал в Аничкове, что он никакого понятия ни о чем не имеет и не в силах сказать двух слов при обсуждении бюджета. При таких условиях понятно, что никто не верит, чтобы он мог справиться с рескриптом, и он на другой же день после своего назначения и беседы с Коковцовым сказал, что ему остается только к и н у т ь с я в Неву, чего однако не сделал, и отдал приказ всячески поднимать биржу.

19 февраля.

Перехожу теперь к Горемыкину. Характеризовать эту личность не стоит. Но вышло смешное совпадение: одновременно и он про себя и я про него — но, конечно, врозь, так как я с ним незнаком — мы сказали, что он подобен старой шубе, которую изредка вынимают, проветривают, выколачивают и опять складывают в сундук. С места пустили такой анекдот: будто, принимая министров, он сказал так: «У меня, господа,

никакой личной политики не будет; следовательно, все, что я вам буду говорить, будет говорено со слов его величества, и, следовательно, вы должны будете этому беспрекословно подчиняться». Si non e vero, e ben trovato, так как в том же, говорят, духе было и заседание в Зимнем дворце, где, говорят, им было внушено больше не ссориться и не травить и не дразнить Думу, а также успокоиться насчет разных пересмотров основных законов. По бешеной злобе Мещерского можно думать, что они не совсем того ожидали. Мы так мало избалованы, что несколько слухов и вежливых слов Горемыкина всех подбодрили так, что в Думе все живее завертелось, и все повеселели. Но вчерашнее, чисто хулиганское по тону, выступление Щегловитова с реформой Сената опять показало, что или правительство не объединилось или словам Горемыкина грош цена, или же, что мне тут же пришло в голову, что они начали ломать шею уже и Горемыкину и сводить на-нет его конституционные (!?) любезности, пока еще более видимые в potenti и, чем в действительности. Главная сила Горемыкина — его опыт, мудрость старца, которая предохранит его от авантюр вправо, и полное равнодушие к своему месту, с которого он уйдет так же легко, как и пришел. Это теперь ценится публикой и учитывается царем, который, говорят, уже ни в чью отставку не верит, разве что он сам прогонит, и даже рассмеялся и махнул рукой, когда ему кто-то в свое время сказал о возможности выхода в отставку самого покойного Столыпина.

Кривошеин, по слухам, поправляется, и многие уверены, что, как только он вернется (к Пасхе), он будет назначен. Я не знаю и думаю, что он, пожалуй, предпочтет положение фактического премьера без ответственности юридической, если только Горемыкин на это пойдет.

Вот, кажется, и все, что могу сообщить о политике. Извиняюсь, что не мог сообщить все это покороче и что написал довольно грязно из-за вставок и поправок, а переписывать нет времени. Впервые приходится посылать письмо с колбасой,— это напоминает путешествие Тараса Бульбы в польский город к сыну. Мая [1]) так подробно телеграфировала способ доставки этого письма, что боюсь, как бы клевреты Маклакова его не перехватили у кондуктора, и потому прошу телеграфировать об его получении.

Крепко тебя целую. Целую ручки мамы. Дети присоединяются.

Володя.

[1]) Жена автора письма — Мария Николаевна Мусина-Пушкина.

II

Спб. 19 апреля 1914 г.

Совершенно доверительно.

Милый папа!

Пишу тебе по просьбе Н. К. фон-Мекка [1]) и Володи Волконского [2]) по делу о разрешении железной дороги через Темниково, официально говоря — о тамбовских линиях Московско-Казанской ж. д. Твоя телеграмма министру финансов повлияла своевременно на ускорение рассмотрения этого дела, но теперь, с уходом Коковцова, наступила в этих делах неимоверная путаница. Рухлов [3]) внес проект, сводящий все частное строительство к нулю, и, пока они об этом спорят с Барком в какой-то новой комиссии, все дела, уже рассмотренные и разрешенные в комиссии о новых железных дорогах, оставлены. Так было, например, и с верхневолжской железной дорогой, которую изъяли из 2-го департамента Госуд. совета и через несколько дней вновь туда внесли и разрешили строить Рейнботу, вопреки мнению Рухлова, который хотел строить ее на средства казны. Мекк уверяет, что это устроил Сергей Дмитриевич, которому она нужна для Юхоти. Положение с тамбовскими линиями таково: комиссия о новых дорогах их разрешила, но в Совете министров дело застряло ввиду того, что симбирские линии Рухлов хочет строить сам и настаивает, чтобы зараз были вновь пересмотрены и тамбовские. Мекк и Волконский тебя просят телеграфировать и Барку и Рухлову с просьбой двинуть рассмотрением тамбовские линии московской ж. д. (в связи с линиями симбирскими).

Поставленное мною в скобки написано Мекком, причем прилагаю его записочку, но мною выделено, так как я не знаю, насколько ты захочешь просить о линиях, тебя лично не затрагивающих. Они тоже выражали надежду, что ты письменно или словесно попросишь об этом в Ливадии, но я, сообщая тебе об этом, им сказал, что я в этом сомневаюсь, так что они на это не рассчитывают.

Пользуюсь предложением Мекка доставить тебе это письмо, чтобы сказать тебе

[1]) Фон-Мекк, Н. К. председатель правления общества Моск.-Казанской железной дороги.

[2]) Волконский, Влад. Мих., кн., член IV Госуд. думы, правый, крупный землевладелец Тамбовской губ.

[3]) Рухлов, С. В., министр путей сообщений.

несколько слов о политическом положении.

Оно отвратительно. Горемыкин сознательно, или из старческого эгоизма, проповедует куропаткинскую систему терпения и надеется исподволь свалить Маклакова, который, пока что, всесилен и, вместе с Мещерским и Распутиным, творят, что хотят. Революции никто не хочет, и все ее боятся (даже кадеты), но все приходят к убеждению, что она неизбежна, и только гадают, когда она наступит и что послужит толчком. Некоторые считают, что смена кабинета могла бы предотвратить взрыв, другие, как, например, Гучков, Вас. Маклаков, находят, что недовольство слишком велико и что уже поздно. Революционируется самая буржуазная публика, и в провинции, говорят, хуже, чем в столицах. Недовольны все поголовно и в особенности после последней биржевой паники, так как теперь чуть не все играют на бирже. Виды на урожай блестящие, и это, конечно, обеспечивает более или менее спокойное лето, но зато за лето страна всегда левеет, и если распустят Думу в теперешнем настроении, то дворянско-земское и промышленное полевение еще усилится; о тех, которые всегда левы, я уже не говорю. Досаднее и глупее всего то, что никаких органических причин к недовольству нет, страна богатеет, и сила из нее прет, но ненависть к правительству такова, что общество перестает руководствоваться разумом и руководится или, вернее, увлекается одним инстинктом ненависти. Рабочее движение опять становится грозным,— я не сомневаюсь в том, что это сделано на заграничные деньги, но на какую благодарную почву они попадают! И рядом с этим 500 милл. рублей на армию, и мы доводим ее до размера, небывалого в истории всех времен и народов! Невольно спрашивается, стоит ли весь этот огород городить, увеличивать — и очень — недовольство в народе, так как теперь уже безусловно вся молодежь пойдет под штыки, когда настроение внутри таково, что объявление войны может быть сигналом к началу смуты. Конечно, укрепляться надо, но в этом-то и есть какая-то чертовщина, что с одной стороны Welt Politik — разрешение мировых проблем, к которым готовится вся Европа, а с другой — такие ничтожества, как Маклаков, Саблер, Кассо, Сухомлинов и К°, которые могут свести все на-нет. Тут даже не будет грандиозности катастрофы, а мерзость и вонь гниения!

Более чем грустно и то, что общая и последняя надежда — Кривошеин, кажется, человек — физически конченный; по крайней мере, у него два дня тому назад было опять сильное сердцебиение, которым он очень напуган и обескуражен, так как он вернулся, думая, что он совсем здоров. Я его не видел с осени, но увижу его завтра. Боюсь, что мой разговор не прибавит ему здоровья, но, раз он министр, должен слушать и знать. Он и Горемыкин умоляют потихоньку членов Думы не реагировать на провокации Маклакова и Щегловитова и не отказывать в кредитах, обещают протянуть дело Чхеидзе (вот поистине дьявольское измышление заставить 4-ю Думу заступаться за этого мерзавца и из-за него быть распущенной), лишь бы не доводить до роспуска Думы, после чего Горемыкин не останется, и, конечно, будет назначен Маклаков. Люди благоразумные, конечно, в этом смысле и будут работать, но удастся ли эта последняя проба — большой вопрос, так как у октябристов, за которыми решающее слово, Гучков стоит безусловно за бюджетную борьбу. Все это должно разыграться на этих днях. Я лично, конечно, за использование до конца всех мирных способов, но вместе с тем совсем не верю в возможность победы Горемыкина под Маклаковым: куда уж ему, он ужасно ослаб и, во всяком случае, не борец! Да и причина-то не в одном Маклакове, хотя она и главная. Теперь все приближенные к царю (за исключением Орлова и Бенкендорфа) — распутинцы. На Маклакова это не похоже, но его близость к Мещерскому и Витте и Барк этому не противоречит. Чорт бы их всех драл!

К сожалению, в моем письме нет ничего радостного и приятного, но я думал, что тебе будет интересно узнать о том, к чему привел новый курс. Во всяком случае, я ручаюсь, что ничего не преувеличивал и старался быть здесь отзвуком общего, а не своего личного мнения и настроения.

Володя.

III

Спб. 29 декабря 1914 г.

Милый папа!

С наступающим Новым годом!.. Я все время лежу, вот уже скоро месяц. Думаю, что у меня от инфлюенцы при подъеме на гору сделался разрыв сердечных мускулов. Засим гейморит, астма, камни в печени и вообще всякая пакость. Я всегда боюсь инфлюенцы, а здесь она мне такой сюрприз поднесла, что не дай бог. А как я себя чувствовал до нее! Точно мне было 18—20 лет, и это после далеко не легкой по временам службы в Красном кресте, где я заведывал всеми передовыми учреждениями, находясь при штабе 3-й армии. Эта-то вторая молодость и понудила меня итти на военную службу,

так как мне с первого дня войны было неприятно укрываться за свое формальное право не итти в качестве члена Госуд. думы, и я еще еле удержался от этого, когда государь был в Москве, вняв убеждениям, что я с моим желудком буду только обузой для госпиталей. А скоро я забыл об его существовании! Как бы теперь хотелось забыть и о всех других органах тела! Я думаю, что я мог бы выехать в первой половине января, но говорят, что с 1 февраля начнется Дума; если это правда, то, пожалуй, уехать будет нехорошо, и придется здесь еще посидеть. Я здесь, кроме родства, никого не вижу, но все же чувствую, что Петроград в общем не на высоте настроения остальной страны. Здесь легко поддаются и распространяют панику и слушают людей, которые почему-то считают, что все пропало. Я считаю, что при таком настроении армии, которое я видел, и при таком настроении народа, о котором слышишь со всех сторон, мы не можем не победить. Труднее войны будет мир и разрешение всяческих вопросов, накопившихся за последние века, к которым в обыденной будничной обстановке нашей действительности последних лет и приступать нельзя, а только «со страхом божиим и верою». Но нет никакого сомнения, что чудо и совершится. Две вещи воспитывают народы мгновенно: революция и особенно победоносные войны, подобные этой. Народ, взобравшись на небывалую высоту, показывает сразу весь свой гений, а руководители его, само собой независимо от себя, светлеют и творят чудеса. Кабы не вера в это неизбежное просветление от победоносной войны, можно бы со страха под постель залезть от одного перечня «вопросов», которые предстоят разрешению. Но я уже вижу ясно предтечи будущего — это трезвость и всеобщая любовь и доброта. Неужели первое сделали болван Барк и сволочь Распутин?.. Ходят слухи, что Маклакова сменяют, и либо будет Добровольский (обер-прокурор 1-го департамента, друг Горемыкина, большой гуляка и тип вообще опереточный à la Маклаков), либо новое министерство с Кривошеиным во главе. Поживем — увидим, но я с своей новой философией необходимого просветления не придаю этому теперь особого значения; события будут руководить людьми, а не наоборот, хотя, конечно, всерадостно буду приветствовать Кривошеина...

Прости, если утомил тебя моим длинным письмом. Поблагодари, пожалуйста, мама за присылку мне медальона и ладонки. Крепко тебя целую и желаю всего лучшего, а более всего здоровья.

Володя.

Дважды, и в Семилетнюю войну и в 1813 г., первым в Берлин входил Изюмский полк, причем в 13 году комендантом Берлина был назначен в чине майора брат моего деда, тоже пошедший добровольцем, гр. Александр Алексеевич Мусин-Пушкин, после смерти которого от ран берлинцы сделали из его лошади чучело и поставили в музей. Все это я знал, но совершенно упустил, что он был изюмец. Странное совпадение.

Царское правительство о проблеме проливов в 1898—1911 гг.

В 1911 г. советником министерства ин. дел А. А. Гирсом были представлены Нератову, временно управлявшему в то время министерством, две записки, в которых Гирс развивал мысль о необходимости для русского правительства добиваться открытия проливов для военных судов и, таким образом,— отмены постановлений Лондонской конференции 1871 года, согласно которым Босфор и Дарданеллы были объявлены закрытыми для военных судов всех держав кроме Турции.

Вопрос о проливах не случайно всплыл в 1911 году — после некоторого временного успокоения всего ближне-восточного вопроса, последовавшего за боснийским кризисом 1908 гофа. Основной причиной, приведшей к новому его обострению, была итало-турецкая война, вновь поставившая перед империалистами всех наций вопрос о дележе турецкого «наследства». Таким образом, записки Гирса возникли в прямой связи с итало-турецкой войной и так наз. демаршем Чарыкова.

К одной из упомянутых записок Гирса, датированной 3 октября (20 сентября) 1911 г., приложены публикуемые ниже выписки, сделанные им из документов более раннего времени (записок, мин. иностр. дел 1898 и 1904 г. и записки бар. Таубе), посвященных трактуемому им вопросу. Делая эти выписки, Гирс на правой половине листа поместил свои полемические комментарии к означенным документам. Эти заметки Гирса относятся, таким образом, к 1911 году.

Записки 1898 и 1904 гг. отражают официальную позицию министерства иностранных дел на соответствующем этапе развития внешней политики царского правительства. Записка барона Таубе (члена совета министерства ин. дел) представляет собой выражение его личного мнения. Последнее относится и к пометкам, которые сделал на публикуемых документах Гирс.

Как известно, так называемый демарш Чарыкова, по времени почти совпадающий с той запиской Гирса, к которой был приложен публикуемый ниже подбор документов,— шел по иной политической линии. Русское правительство решило добиваться не открытия проливов для судов всех наций, а открытия их только для русских судов, стремясь таким образом восстановить положение, которым оно обладало когда-то по Ункиар-Искелесскому договору. Однако, несмотря на то, что записка Гирса содержит выражение его личного взгляда, она представляет значительный интерес, показывая, в каком направлении работала мысль царского министерства ин. дел в эти годы при разработке планов дальнейшей агрессии русского империализма. Нужно впрочем заметить, что записка Гирса, несомненно, была серьезно учетна министерством, что явствует из того, что она была разослана министерством ин. дел на отзыв другим ведомствам и была доложена Николаю Романову, причем Нератов испрашивал у последнего разрешения созвать для обсуждения поставленного Гирсом вопроса «особое совещание». Разрешение это было дано, но, насколько нам известно, такое совещание созвано все же не было. Однако эти записки сыграли известную роль в процессе выработки плана той дипломатической акции, которая известна под именем демарша Чарыкова. Они являются, несомненно, весьма ярким свидетельством грабительской политики царского правительства по отношению к Турции.

Подлинники публикуемых документов хранятся в Архиве внешней политики. Текст их подготовлен к печати Е. М. Глязер.

В. Хвостов.

Записка министерства иностранных дел (1898 г.)

...Настоящее положение таково, что в военное время (т. е. во время войны России с другой державой) пользоваться проливами зависит исключительно от доброй воли Турции... Конечно, проход судов воюющей с нами державы с разрешения Турции был бы равносилен войне нашей с ней.

Поэтому надо быть всегда готовым в Черном море к войне с Турцией и содержать в его водах бессменно внушительные морские силы, могущие при случае предостеречь Турцию от враждебных действий относительно нас.

Отказываясь от принципа закрытия проливов, мы дали бы возможность иностранным державам проходить проливы, не нарушая нейтралитета Турции.

Благодаря закрытию проливов в мирное время иностранные державы не могли получить постоянной стоянки в Черном море и устроить там угрожающие базы с угольными станциями и складами военных припасов. Вследствие сего русский флот в Черном море поставлен в отношении военной подготовленности в исключительно благоприятное положение.

Едва ли в проходе русских судов через проливы представляется надобность.

Черноморский флот нужен прежде всего для Черного моря, и дробление его было бы неблагоприятно для военно-политического положения России на юге. (Для Средиземного моря — Балтийский флот, особенно в случае открытия порта на Мурмане; в Тихом океане — своя постоянная эскадра).

...Мы имели полную возможность проводить через проливы в отдельности военные суда благодаря дружественным отношениям с Турцией.

В данное время в этом и заключается главнейшая опасность, не говоря уже о наличности сильного турецкого флота.

В случае войны нашей в Европе возможность сохранения Турцией нейтралитета исключена; поэтому это является наименьшей из забот. Кроме того принцип закрытия проливов лишит нас помощи флота союзников.

С появлением в Черном море турецкого флота, прежде почти не существовавшего, положение изменилось коренным образом, к нашей невыгоде.

Этот вопрос и подлежит окончательному выяснению с точки зрения сохранения нашего господства в Черном море и обороны нашего юга.

С 1898 г. это дело становилось все труднее и труднее (пропуск миноносцев в 1902 г. и судов Добровольного флота в 1904 г.)

Втечение XIX столетия Россия стремилась к сохранению на берегах проливов малосильной власти султана; отражение принципа закрытия проливов [1]) должно поэтому составлять коренное правило нашей внешней политики, пока Россия, в сознании своей мощи, не признает нужным изменить своей политики в видах приобретения непосредственного господства над проливами, составляющего ее историческую задачу на турецком Востоке.

В настоящее время политические требования совершенно иные, так как усиление власти султана и укрепление Турции являет для нас возрастающую опасность, тем большую, что Турция нас опережает в увеличении своих морских сил. Что касается непосредственного господства над проливами, то таковая мысль ясно представляется как неосуществимая, ибо всякая попытка к осуществлению ее поставит против нас всю Европу.

Записка по поводу отправления на Дальний Восток судов Черноморского флота. (1904 г.)

По мнению министерства, выделение нескольких единиц из состава Черноморского флота для отправления их на Дальний Восток [2]) было бы нарушением трактатов о проливах и имело бы прямым последствием превращение Черного моря из закрытого для иностранных судов в открытое, что для нас невыгодно по нижеследующим соображениям.

Закрытие для иностранных судов всех национальностей Босфора и Дарданелл, со времени воссоздания нами сильного Черноморского флота, представляет несомненные политические преимущества для России, которая, ввиду почти полного отсутствия боевых судов у Турции, является полным единственным хозяином в Черном море.

Признаваемый доселе всеми державами принцип недоступности проливов для иностранных военных флотов дает России, имеющей свою сильную эскадру в Черном море, совершенно исключительное преобладающее положение на всем Ближнем Востоке. Только благодаря таковым условиям Россия имеет в руках серьезное оружие воздействия на Турцию и могла бы современем добиться разрешения восточного вопроса согласно своим историческим задачам и заветным своим идеалам.

...При первом революционном движении в армянских областях в Турции, которое во всякое время может быть вызвано самой же Англией, великобританское правительство не замедлит командировать свой флот в Трапезундский залив и в порты Анатолийского побережья для достижения своекорыстных целей в ущерб прямым интересам России.

...Германия, достигшая за последние годы некоторых успехов на почве промышленных предприятий в Турции, не-

Отпадает. В самом скором времени турецкий флот будет сильнее нашего, причем мы будем в подчиненном положении втечение срока, настолько продолжительного, что можем утратить господство в Черном море безвозвратно, если не решимся силой положить предел усилению военно-морской мощи Турции.

Также отпадает по вышеприведенным причинам. Кроме того, указываемых условий уже не существует, наши исторические задачи на Ближнем Востоке ясной и реальной формулировки еще не получили, и с открытием проливов тяготеющий над нами восточный вопрос может быть введен в другое русло, более благоприятное для решения его в нашу пользу.

Предположение — едва ли обоснованное, ввиду заключенной в 1907 году конвенции с Англией.

Как Германия ни могущественна, сделать это не так легко. Прибрежные государства могут взаимно связать себя обя-

[1]) Как один из способов поддержания независимости султана. (Примечание в подлиннике).

[2]) В связи с русско-японской войной

сомненно, воспользуется новым порядком вещей на Босфоре, чтобы закрепить свое положение на Малоазиатском берегу территориальными приобретениями для устройства морских станций. То же самое, быть может, раньше Германии, поспешат сделать Англия и Американские Соединенные Штаты: в Америке давно проповедуется идея, что конвенция о проливах для Соедин. Штатов не обязательна.

зательством не отчуждать никаких пунктов и ни под каким титулом своей береговой территории, а такой международный акт явится для всех европейских держав ограждением от всяких попыток одной какой-либо не прибрежной державы обеспечить за собой преимущественное положение на Черном море, которое должно быть закрыто или открыто на одинаковых для таковых держав основаниях.— Что же касается «идеи» Америки о необязательности для нее европейской конвенции о проливах, то вопрос о ее применении на деле представляется весьма спорным.

...Естественным последствием этого (открытия проливов) было бы появление болгарских военных судов в Бургасе и Варне.

Едва ли можно причислить болгарский военный флот к силам наших противников. Морское министерство видит в болгарских портах Черного моря наши естественные базы.

...Во всяком случае, Черное море перестало бы быть «русско-турецким» озером.

Доколе выражение «русско-турецкое озеро» являлось понятием лишь географическим и в Черном море хозяином был наш флот, мы еще могли дорожить этим термином. Но появление в этом «озере» турецкого флота, да еще более сильного, чем наш, в корне изменяет положение, и превращение закрытого Черного моря в открытое для всех наций может явиться залогом успешной обороны нашей от захватной попытки Турции разделить с нами господство в этом водном бассейне.

Записка барона Таубе (1905 г.)

...С юридической точки зрения мы имеем: единый текст постановления о закрытии проливов и два толкования (русское и английское 1878 г.[1]).

... Настоящее положение вопросов не может быть признано ни теоретически ясным, ни практически удовлетворительным.

Коренной политический вопрос: выгоден еще или уже невыгоден для России принцип закрытия проливов?

Защитники закрытия могут справедливо указать на то, что, во 1-х, путем признания полной свободы прохода судов через турецкие проливы мы сами отказываемся от своего исключительного доминирующего положения в Черном море и

Указываемого господствующего положения в Черном море, мы, к сожалению, не занимаем уже с 1905 года, что явствует из неуспеха наших усилий воспрепятствовать захвату Турцией Урмийского округа и сооружению ею железных дорог в

[1]) Английской делегацией на Берлинском конгрессе было сделано заявление, согласно которому английское правительство рассматривало принцип закрытия проливов для военных судов, как обязательство, принятое державами перед турецким правительством. В ответной декларации русский уполномоченный объявил, что его правительство рассматривает обязательство соблюдать принцип закрытия проливов, как обязательство, принятое и по отношению к великим державам.

теряем один из способов настоящего воздействия на Турцию, и, во 2-х, допускаем несуществующую в настоящее время возможность появления враждебных нам эскадр в Черном море, чем создаем опасный для нас новый фактор в международной политике.

... С момента международного признания начала открытия проливов... появится приказ о сформировании «британской черноморской эскадры» и других, не говоря уже о возможной опасности со стороны Румынии и Болгарии.

Мы не в состоянии будем помешать британскому или какому угодно другому флоту блокировать Дарданеллы.

... Вполне благоприятное для России разрешение черноморского вопроса возможно лишь при занятии нами Босфора и Дарданелл.

... Открытие проливов могло бы быть признано выгодным лишь при предварительном соблюдении следующих условий...

Создание сильной Черноморской эскадры, способной фактически удержать за Россией господство в Черном море.

Возложение на Турцию обязательства не отчуждать в пользу иностранных государств никакого пункта ее побережья Черного моря, Мраморного и Архипелага.

Обязательства Турции срыть укрепления Босфора и Дарданелл и признать нейтрализацию проливов.

... Предварительное исполнение такой военно-политической программы отлагает нежелательной для нас зоне Анатолии. Что касается возможности появления в Черном море враждебных нам эскадр, как нового фактора международной политики, то с этим мы должны считаться уже в настоящее время, безотносительно к вопросу об отступлении от принципа закрытия проливов, ибо ранее не существовавшая враждебная турецкая эскадра уже налицо, и, таким образом, соблюдение принципа закрытия их от этого нежелательного явления нас не оградило, но и впредь ограждать не может. Поэтому введение нового фактора политики установлением свободы плавания в проливах для судов всех наций может оказаться для нас не только не опасным, но полезным в силах успешной и своевременной обороны от турецкого флота, сильнейшего нашего. Этот военно-политический вопрос и подлежит обсуждению и решению.

Усмотрение опасности в появлении в Черном море эскадры британской и болгарской не вяжется ни с русско-английским соглашением 1907 г., ни с выяснившимися за последние годы отношениями нашими к Болгарии.

Условия, при которых должен быть выработан международный акт, установляющий свободный проход через проливы судов всех наций (нейтрализация проливов), исключает возможность их блокады.

Во 1-х вопрос о выгоде такого разрешения весьма спорен с точки зрения общей политики нашей в Европе и на Ближнем Востоке. Во 2-х, захват нами проливов равнозначущ изгнанию турок из Европы после кровопролитной войны, причем можно быть заранее вполне уверенным, что европейские державы никогда не допустят замены турецкой власти в проливах русской.

Создание такой эскадры в необходимый срок при закрытии проливов является делом неосуществимым. Это и составляет тот заколдованный круг, в котором мы находимся со времени возрождения турецкого флота.

весь вопрос об открытии проливов ad calendas graecas.

... Выгода закрытия проливов не абсолютная и всегда будет обратно пропорциональна нашему военно-морскому могуществу в Черном море.

...Со времени возрождения нашего Черноморского флота английское толкование трактата для нас наиболее соответствует желательной для нас постановке вопроса, а именно — добиться сохранения закрытия проливов с возможностью для нас тем или другим способом выводить свои военные суда из Черного моря.

События не оправдали такого вывода; соотношение наших и турецких военно-морских сил изменилось не в нашу пользу и автоматически выдвинуло вопрос о проливах.

В руководстве таким взглядом мы и обязаны в настоящее время домогаться открытия их.

В данное время речь идет о своевременном ограждении России от неизбежного появления в Черном море турецкого флота, более сильного, чем наш. Попытка разрешить вопрос о проливах в указываемом в записке направлении была сделана нами в 1908 году, во время боснийского кризиса, и результат ее лишь с полной очевидностью доказал неосуществимость такой задачи. В частности, для нас важнее в настоящее время право не выводить, а вводить наши военные суда в Черное море.

Ответственный редактор **Я. Берзин.**

Редакционная коллегия: **В. Максаков** (зам. отв. редактора), **В. Малаховский, И. Меницкий, Ф. Ротштейн.**

Сдано в произв. 2/XI 1933 г. — 22/XII 1934 г. Подписано в печать 10/II—11/II 1934 г.
Статфор. Б$_5$ 176 × 250 8^3/$_4$ п. л., 60480 зн. в п. л. С.-Э.(п) № 153. Зак. 1549
Уполн. Главлита Б—35033 Тираж 2100

Интернациональная (39-я) тип. «Мособлполиграф», ул. Скворцова-Степанова, 3.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ТРУДЫ ИСТОРИКО-АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

СБОРНИК ПЕРВЫЙ

С. ТОМСИНСКИЙ. Проблемы источниковедения.

В. ЗАБИРОВ. Новые источники об участии националов в пугачевщине.

Б. ТИХОМИРОВ. Источники по истории разинщины.

Н. ЧАЕВ. Ядринские акты как источник по истории чувашей в XVII в.

А. ВВЕДЕНСКИЙ. Фальсификация документов в Московском государстве XVI — XVII вв.

К. БАЗИЛЕВИЧ. Таможенные книги как источник экономической истории России.

И. МОРОЗОВ. Актовый материал на службе помещичье-буржуазной историографии.

М. ДЖЕРВИС. О некоторых вопросах источниковедения по истории Польши.

А. КУДРЯВЦЕВ. Задачи марксистского источниковедения в изучении английской революции.

Н. ФРОЛОВ. Предварительные материалы для библиографии источниковедения.

ОГИЗ—ЛЕНСОЦЭКГИЗ. 1933. Стр. 212. Ц. 4 р.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ КНИГОТОРГОВОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ГОСУДАРСТВ. ИЗД-В

ПОЧТОВЫЕ ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: Москва 64, Покровка, 28. „Книга—почтой". Ленинград. Проспект 25 Октября, 28. „Универкнига—почтой". Харьков, Сергиевская ул., 3, отдел „Книга—почтой".

КНИГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ БЕЗ ЗАДАТКА

Цена 2 р. 50 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1934 год

на журнал

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

Год издания 13-й

6 книг в год

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: публикация неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, истории Октябрьской революции и гражданской войны, истории фабрик и заводов

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим и краеведческим обществам, отделам истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год—15 руб., на 6 мес.—7 р. 50 к.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР 2 РУБ. 50 КОП.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ во всех отделениях, магазинах и киосках Книготоргового объединения государственных издательств и его уполномоченными, всюду на почте и письмоносцами.